

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

2 (18) ВЛАДИМИРСКОГО
2018 ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2018

Редактор
А. А. Амирсейидова

Корректор
О. В. Балашова

Технический редактор

А. В. Родина

Верстка оригинал-макета
Л. В. Макаровой

Выпускающие редакторы:
А. А. Амирсейидова
Е. В. Невская

Автор перевода
А. В. Борзов

За точность и добросовестность
сведений, изложенных
в статьях, ответственность
несут авторы

Адрес учредителя:
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.
Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых

Адрес редакции:
600014, Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а

Подписано в печать 22.06.18
Заказ №

Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 11,86
Тираж 500 экз.

Издательство Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых.
600000, Владимир,
ул. Горького, 87

Редакционная коллегия серии **«Социальные и гуманитарные науки»**

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиозно-
ведения (зам. главного редактора серии)
- М. В. Артамонова* кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
- И. Й. Деретич* доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет
- В. В. Жданов* доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН
- И. Я. Кантеров* доктор филос. наук, заслуженный
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ
РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионо-
ведения Исторического факультета
СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой Всеобщей истории
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогиче-
ского государственного университета
- С. А. Мартыанова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
- Г. С. Егорова* кандидат ист. наук, доцент
кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллекции)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Т. Л. Лабутина

Война за независимость североамериканских колоний в дискурсе британской и российской дипломатии 5

И. С. Тряхов

Повседневная жизнь городского населения тыла в годы Великой Отечественной войны: 1941 – 1945 гг. (на примере города Владимира)..... 16

А. А. Ищенко

К вопросу о преемственности образа России в США (представления американцев о постреволюционной и современной России)..... 29

А. В. Маковецкий

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви Заграницей на постсоветском пространстве (1990 – 1995 гг.)..... 38

ФИЛОЛОГИЯ

Адриано Делл’Аста

Монтаж и полифония в творчестве А. Солженицына..... 55

А. В. Марков

Живописные образы в поэме С. С. Аверинцева «Благовещение»..... 63

ФИЛОСОФИЯ

Е. И. Аринин, Г. А. Геранина

Философско-религиоведческие аспекты государственных форм обучения религии в образовательных учреждениях эпохи Александра I 72

Я. О. Бабочкина, С. А. Зубков

Эстетическая природа фетишизма 81

Н. И. Петев

Образ богини Хель в скандинавской мифологии 84

М. Л. Хижий

Секта Ф. Ковалева: всероссийская перепись и апокалиптические верования в России в конце XIX века 95

Сведения об авторах 101

CONTENTS

HISTORY

T. L. Labutina

The War of Independence of North American Colonies in the Discourse
of the British and Russian Diplomacy 5

I. S. Tryakhov

Everyday Life of the Urban Population of the Rear in the Years
of the Great Patriotic War: 1941 – 1945. (Case-Study: the City of Vladimir)..... 16

A. A. Ishchenko

Revisiting the Continuity of Russia’s Image in the USA (Americans’ Perceptions
of Post-Revolutionary and Modern Russia)..... 29

A. V. Makovetsky

Missionary Activity of the Russian Orthodox Church in the Post-Soviet Countries
(1990 – 1995)..... 38

PHILOLOGY

Adriano Dell’Asta

Arrangement and Polyphony in the Works by Solzhenitsyn 55

A. V. Markov

Picturesque Images in the Poem «The Annunciation» By S. Averintsev..... 63

PHILOSOPHY

E. I. Arinin, G. A. Geranina

Philosophical and Theological Aspects of the State Forms of Religious Education
in Educational Institutions during the Epoch of Alexander I 72

Ya. O. Babochkina, S. A. Zubkov

Aesthetic Nature of Fetishism..... 81

N. I. Petev

The Image of the Goddess Hel in Norse Mythology 84

M. L. Khizhyi

The Sect of F. Kovalev: the National Census and Apocalyptic Beliefs in Russia
in the late 19th Century..... 95

Contributors 101

УДК 94(47)

Т. Л. Лабутина

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В статье речь идет о переговорах в 1775 г. британского посла Роберта Ганнинга и Екатерины II по вопросу о возможности оказания военной помощи Великобритании Россией в Войне за независимость североамериканских колоний. Опираясь на дипломатическую переписку посла с главой внешнеполитического ведомства, автор прослеживает основные перипетии, возникавшие в ходе переговоров, выясняет причины их провала для британской стороны и приходит к выводу о том, что российская императрица сумела переиграть британского дипломата в споре о решении американского вопроса.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII век, Екатерина II, дипломатия, посол Роберт Ганнинг, Война североамериканских колоний.

Дипломатическая переписка британских послов при русском дворе представляет собой один из важных и интересных источников в изучении международных отношений государств. Донесения послов позволяют ознакомиться, что называется, с «кухней» подготовки переговорного процесса между Великобританией и Россией по ряду важных вопросов, выяснить позиции каждой из сторон, проследить за тем, какие решения принимались в результате подобного обсуждения. Кроме того, они содержат богатый фактический материал по истории внутренней политики страны, характеристики государственных деятелей. В донесениях дипломатов освещаются важные события, происходившие во время их пребывания в России. Между тем указанный источник еще недостаточно используется в работах со-

временных ученых. В своей статье мы обратились к анализу донесений в Лондон одного из британских послов – Роберта Ганнинга, находившегося на своем посту при дворе Екатерины II в 1772 – 1776 гг.

Что представлял собой британский посол? Роберт Ганнинг (1731 – 1816) происходил из древнего ирландского рода, ведущего свое происхождение от Питера Ганнинга, епископа из Йеля (Ely), поселившегося в Ирландии во время правления Якова I Стюарта в начале XVII века. Роберт был старшим сыном в семье Роберта Ганнинга и дочери Джона Эдвардса Екатерины. О юных годах Роберта-младшего известно немного. В историю Великобритании он вошел как профессиональный дипломат. Его первые шаги на дипломатическом поприще состоялись в Да-

нии, куда он прибыл в апреле 1766 г. Ганнинг был назначен помощником чрезвычайного и полномочного посла Уолтера Титлея. Со своей задачей Роберт справился успешно, а потому его деятельность правительство оценило по заслугам и после кончины Титлея в феврале 1768 г. назначило Ганнинга на должность предшественника. Спустя три года он был переведен в том же ранге ко двору Фридриха II, в Пруссию. 13 декабря 1772 г. Ганнинга назначили на должность чрезвычайного и полномочного посла в Россию, где он оставался вплоть до 1776 г. Он был дважды женат. Первый брак Роберт заключил с дочерью Джона Гarrisона из Грэнхема Елизаветой в марте 1752 г., когда ему еще не исполнилось 21 года. Детей в этом браке не было. Зато от второго брака с дочерью Роберта Сэттона из Ноттингемшира Анной, заключенного в 1757 г., родилось трое детей: сын Георг Вильям, унаследовавший от отца титул баронета, и две дочери, Шарлотта Маргарет и Барбара Эвелин Изабелла.

27 мая 1772 г. Роберт Ганнинг получил королевские инструкции относительно целей своей миссии в Россию. Первая из них касалась переговоров о пролонгации союзного оборонительного договора, заключенного в Москве в 1742 г., сроком на 15 лет. «Хотя в настоящую минуту они (переговоры) прерваны, – отмечалось в инструкциях, – но со временем могут быть возобновлены», поэтому послу предлагалось «найти случай узнать мысли министров Ее императорского Величества касательно этого предмета» [1, с. 265 – 266].

Вторая цель миссии Ганнинга касалась предложения о посредничестве

британцев в переговорах о мире между Россией и Турцией после окончания войны (1768 – 1774 гг.). Если переговоры с Турцией «окажутся бесплодными и если ... императрица пожелает нашего посредничества, вы выскажете нашу постоянную готовность предлагать наши услуги с тем только условием, чтобы мы являлись главной стороной в посредничестве», – наставляло руководство своего посла. Примечательно, что правительство Великобритании пыталось «изгладить в уме императрицы и ее министров всякое подозрение» относительно того, будто бы британцы питают зависть к морским и сухопутным приобретениям, которые могут быть получены императрицей на Черном море, «ввиду доставления свободного прохода русских кораблей из этого моря в Средиземное» [Там же, с. 267].

Отметим, что справиться с порученными заданиями Ганнинг так и не сумел. Подобно своим предшественникам, графу Бекингемширу, сэру Дж. Макартни¹, а также Чарльзу Кэткарту ему не удалось добиться пролонгации союзного оборонительного договора с Россией. Не смог он договориться и об участии англичан в переговорах о мире России с Турцией. По сути дела, миссия Ганнинга оказалась провальной. Более того, неудачи в переговорном процессе дипломата повлияли на

¹См.: Лабутина Т. Л. Неудачная миссия графа Бекингема. Из истории российско-британских отношений второй половины XVIII века // Новая и новейшая история. М., 2015. № 4; Ее же. Британский посол Джордж Макартни и его представления о екатерининской России // Новая и новейшая история. М., 2016. № 3.

ухудшение российско-британских отношений в целом. Этому во многом поспособствовали также события, связанные с борьбой за независимость английских колоний в Северной Америке.

Перипетии переговоров Великобритании и России по вопросу о возможности оказания военной помощи метрополии против восставших колоний нашли свое отражение на страницах дипломатической переписки сэра Ганнинга с его шефом – главой внешнеполитического ведомства графом Саффолком. 30 июня 1775 г., информируя о событиях в английских колониях, Саффолк поручил послу узнать, сможет ли король рассчитывать на русскую императрицу, «если со временем окажется потребность употребить в Северной Америке иностранные войска», снабдив его для этой цели значительным корпусом пехоты. «Считаю лишним объяснять вам, – утверждал Саффолк, – что поручение это весьма деликатного свойства ... и каким бы образом вы ни коснулись этого разговора ... вы постараетесь высказать это как будто нечаянно, придавая вашим словам лишь вид простого и личного вашего предположения...» [Там же, с. 464]. Ганнинг со своей стороны вносил предложение использовать для помощи метрополии «отличных и опытных моряков», которые служили на русском флоте в Средиземном море. Из их числа можно было бы набрать до 4 тыс. человек, годных к службе. «В случае же, если они останутся здесь, – продолжал свою мысль посол, – половина их скоро погибнет от перемены жизненных условий, которой они по необходимости подвергнутся по воз-

вращении на родину, а прочие, будучи употреблены в работы, совершенно чуждые их занятиям, скоро забудут познания, приобретенные ими на этом поприще». Ганнинг полагал, что можно легко убедить императрицу в том, что для нее выгодно употребить моряков в дело «без всякого расхода». Он был уверен, что Екатерина II «охотно» допустит их поступить к англичанам на службу, если только обстоятельства потребуют принятия подобной меры [Там же, с. 469].

28 июля 1775 г. посол информировал Саффолка о своем разговоре с главой внешнеполитического ведомства Н. И. Паниным. «Императрица повелела Панину, – писал он, – сильнейшим образом и в самых энергических выражениях уверить меня в полной ее готовности ... оказать Его Величеству всякую помощь, какой он только может пожелать». Ганнинг обращал внимание на то, что Екатерина тем самым желала «заявить свою признательность королю и английскому народу за важные услуги, полученные ею от них в продолжение последней (русско-турецкой – *Т. Л.*) войны, ... которыми она ... дорожит и которых никогда не забудет». По словам императрицы, продолжал Ганнинг, «никакие узы такого рода не могут привязать ее к нам крепче, чем она в настоящую минуту рассматривает себя с нами связанной, и что мы имеем столь же полное право на всякое пособие с ее стороны, как будто бы между нами существовали самые положительные трактаты, и наконец, что она не имеет никаких обязательств, которые бы препятствовали ей оказать нам всякую помощь».

И далее посол сообщал, что Екатерина поручила графу Панину передать ему, что она чувствует в себе «врожденную привязанность» к английскому народу, «которого всегда будет любить». Подобные заявления Панина от имени императрицы воодушевили Ганнинга, и он заверил официальный Лондон: «В случае, если окажется необходимость в иностранной помощи, чего, надеюсь, никогда не случится, то несомненно, что Его Величество может рассчитывать на деятельную поддержку со стороны этого государства» [Там же, с. 474 – 475].

Вскоре Ганнинг смог переговорить и с самой императрицей, о чем он не преминул проинформировать свое руководство. «Вчера, – писал Ганнинг 31 августа 1775 г., – я имел случай высказать лично императрице те уверения, которые я уже просил передать ей по поводу вашей депеши, милорд, ... причем ей угодно было в самых сильных выражениях подтвердить все уже высказанное касательно этого предмета ее министром, уверив меня, что впечатление, произведенное на нее поступками и действиями Его Величества и нации ... было до того глубоко, что никакой период времени не в состоянии изгладить его из ее памяти». Императрица поинтересовалась у посла, есть ли успех относительно решения «споров в Америке» и прибавила при этом: «ради Бога, покончите поскорее с этим делом и не ограничьтесь одним путем для достижения этой желанной цели... Бывают минуты, когда не следует быть особенно разборчивым» [Там же, с. 488].

По-видимому, подобные заявления императрицы и министра Панина, а

также собственные наблюдения посла убедили правительство Великобритании в том, что Екатерина II готова послать свои войска в Северную Америку. И вот 1 сентября 1775 г. граф Саффолк направляет Ганнингу письмо короля, предлагая вручить его императрице. «Ваше императорское величество! – обращался Георг III к Екатерине. – Столь часто повторенные мне Вашим императорским величеством уверения в вашей непоколебимой дружбе, доказательства вашей постоянной приязни и пламенные желания ваши о моем благополучии и о счастье моего королевского дома всегда наполняли сердце мое чувствами живейшей преданности к вашему императорскому величеству. ... Великодушное заявление, с которым вам угодно было обратиться через министра вашего к кавалеру Ганнингу, вызывает с моей стороны самую искреннюю признательность ... Я принимаю предложенную вами мне помощь некоторой части ваших войск, в чем, быть может, окажется необходимость вследствие непокорности моих подданных в некоторых из моих американских колоний» [Там же, с. 478 – 479]. Как видно из данного письма, король считал вопрос о предоставлении российской стороной военной помощи совершенно решенным. Неудивительно, что граф Саффолк, направляя документ Ганнингу, просил его озвучить конкретные требования к условиям предоставления помощи. Вручая письмо короля императрице, писал он, «вы вслед за тем объясните, что желательнее, чтобы испрашиваемая помощь состояла из 20.000 пехоты, приученной к дисци-

плине, вполне вооруженной (за исключением их полевых орудий) и готовой, как только весной откроется плавание по Балтийскому морю, к отплытию на транспортных судах, которые будут высланы оттуда и затем перевезут большую часть войск в Канаду, где они поступят под начальство британского главнокомандующего. ... Русские почти исключительно составят канадскую армию и таким образом будут освобождены от множества мелких затруднений и неудобств, возникающих там, где союзные силы двух различных государств более соответствуют друг другу в отношении численности». Примечательно, что Саффолк выдвигал условие о том, чтобы «главное начальство» принадлежало генералу, назначенному королем [Там же, с. 477 – 478].

Спустя неделю от Саффолка последовало новое послание Роберту Ганнингу, в котором речь шла уже о проекте трактата с императрицей. Относительно трактата в части «поступления корпуса ее войск на службу и жалованье Великобритании вы должны понять, – пояснял министр, – что невозможно составить его так точно и положительно, как то было желательно; ибо, принимая в соображение, что настоящее требование столь же ново, как и обстоятельство, его вызывающее, следует много предоставить вашему усмотрению и обсуждению, смотря по тому, какой оборот примет дело по мере хода переговоров». И далее Саффолк останавливался на вопросе, связанном с финансами, которые были необходимы для найма российских войск. «Если потребуют только, чтобы Его Величество платил издержки, не-

обходимые для того, чтобы снарядить в поход требуемый корпус войск, и если сумма эта будет назначена в виде ссуды на наем войска, то подобное предложение не должно прерывать или задерживать немедленное заключение трактата», – писал министр. «Это увеличение военной силы до того желательное, – продолжал он, – что расход (7 ф. ст. на человека – *Т. Л.*) не составляет столь важного вопроса, как в обыкновенных случаях, хотя в то же время следует избегать излишества, и с вашей стороны заслуга будет тем больше, чем умереннее будут условия, вами достигнутые». Саффолк вновь подчеркивал, что при сложившихся обстоятельствах в Америке «только и единственно можем мы извлечь для себя пользу из той военной помощи, которую русская императрица расположена оказать нам» [Там же, с. 481 – 483].

Вслед за письмом Саффолк направил Ганнингу и сам проект трактата. В его преамбуле говорилось, что обе стороны, король Великобритании и императрица Всероссийская, «памятуя тесную и непоколебимую дружбу, столь счастливо существующую между ними, и желая скрепить ее более и более», признают за благо возложить переговоры на своих министров. Переговорив, стороны придут к соглашению по поводу конкретных статей. В первой статье говорилось, что в случае необходимости, «если блага королевства и владений потребуют подобной помощи», императрица «охотно» согласится с просьбой короля, обещая «держать наготове корпус... тыс. человек, а именно: батальон пехоты, каждый из... сот человек, считая в том

числе офицеров, каковой корпус будет снабжен потребным числом высших, но и низших офицерских чинов». Вторая статья проекта оговаривала условия переправы русского войска, которое должно быть готово к отплытию на транспортных судах, высланных королем. Указывалась точная дата – 25 марта 1776 г., когда вышеупомянутые войска будут находиться в названных портах с тем, чтобы их перевезли в колонии Его Величества в Северной Америке. Согласно третьей статье перед отплытием полкам должен быть произведен смотр английским комиссаром, назначенным королем, после чего полки присягнут в верности Его Величеству. Примечательно, что в статье оговаривалось: присяга английскому королю не нанесет «ни малейшего вреда присяге, принесенной Ее Величеству императрице всероссийской». Кроме того, императрица сохранит за собой назначение на все должности, которые бы упразднились в этих полках, и право суда над ними.

Четвертая статья проекта трактата касалась снабжения русского войска королем Великобритании походными артиллерийскими орудиями с офицерами, канонирами и «всеми нужными при них людьми и снарядами». Пятая статья посвящалась финансовому обеспечению русского войска. «Что касается до платы и содержания упомянутых полков, как обыкновенных, так и чрезвычайных, – говорилось в документе, – на все время действительного нахождения их на жаловании Великобритании условлено, что... полки эти будут пользоваться одинаковыми выгодами и содержанием вся-

кого рода, как содержание, выдаваемое Его Величеством своим британским полкам».

В одной из статей трактата шла речь об оплате расходов по набору рекрутов, «потребных для пополнения полков или отрядов» и их перевозки в Америку в случае, если несколько полков или отрядов упомянутого корпуса «будут разбиты или уничтожены полностью или частично». Его Величество обязуется оплатить расходы, и рекруты будут перевезены и распределены таким образом, чтобы «корпус этот был постоянно сохранен и со временем возвращен в столь же хорошем состоянии, в каком он будет отпущен». Когда же король пожелает отправить упомянутые полки на родину, он известит о том Ее Императорское Величество за три месяца и повелит выдать им для возвращения двухмесячное жалованье, снабдив бесплатно необходимыми транспортными судами.

В восьмой статье проекта британская сторона обещала в случае, если российская императрица подвергнется «нападению или какому-либо беспокойству в своей империи», выслать ей обратно упомянутый корпус войск, уплатив при этом двухмесячное жалованье, а также предоставить бесплатно транспортные суда, необходимые для возвращения.

В проекте отмечалось, что трактат будет иметь силу в течение двух лет со дня его подписания, и если король Великобритании и российская императрица «признают за благо сохранить его, продолжить или изменить, о том будут возбуждены переговоры за три месяца до истечения срока». Оговари-

валось также, что ратификация трактата состоится в Москве по прошествии десяти недель после его подписания, «а если можно, то и раньше». В отдельной статье подтверждалось, что императрице будет уплачен по 7 ф. ст. за каждого пехотинца, при этом половина денег будет внесена при обмене ратификациями, а остальные при отплытии войск [Там же, с. 483 – 487].

Какой же была реакция российской стороны на письмо Георга III с просьбой об оказании военной помощи и подготовке проекта трактата? Об этом можно узнать из донесений Ганнинга. 20 сентября 1775 г. посол направил Сафболку подробное послание, в котором рассказал о своей беседе с Паниным, которая его ужасно расстроила. «После ожиданий, столь естественно возбужденных депешей моей... между министрами Его Величества, неудача, о которой мне теперь предстоит сообщить, должна поразить самым неприятным образом. Но я уверен, что никто не чувствует этого так сильно как я сам, – писал дипломат. – Императрица возвратилась в город в пятницу поздно вечером, и вчера в пять часов пополудни я был у графа Панина по его приглашению с тем, чтобы получить ответ Ее Величества. Прежде всего, он объяснил мне, что не может дать мне категорического ответа, что императрица весьма тронута искренними чувствами, выраженными ей королем, и что собственная ее дружба к нему не менее горяча, но что она весьма не расположена употреблять свои войска в Америке, где они были бы лишены всяких сношений с родиной, и что требуемое число пол-

ков так велико, что она не полагает возможным удовлетворить подобному требованию при настоящем положении ее армии, ослабленной продолжительностью последней войны». Далее Екатерина ссылалась на то, что она недостаточно обсудила столь важный вопрос, и интересовалась, нет ли иной возможности оказания англичанам помощи иным путем, чем отправление войск за пределы Европы. В ответ посол заявил Панину, что если его двор «обманется в своих ожиданиях по поводу настоящего случая, то отныне все сильнейшие уверения должны быть рассматриваемы как пустые слова, не имеющие никакого значения, ибо какую же помощь кроме войск можно было подразумевать?». Ганнинг поинтересовался у графа Панина, согласуется ли подобный образ действий с той помощью, которую Великобритания оказывала России во время последней войны, когда пренебрегли торговыми выгодами, которые Порты несомненно предоставила бы королевству, если бы только ей удалось получить от англичан настоящий нейтралитет. «Не были ли гавани короля, его подданные, кредит и влияние нации к услугам России во все время продолжения войны? – вопрошал посол. – Не запретил ли Его Величество Франции и Испании, рискуя разрывом с ними, нападать на русский флот, который в противном случае был бы ими уничтожен?». Он подчеркивал, что эти «услуги» были оказаны «из самых чистых и бескорыстных побуждений», однако, хотя императрица часто распространялась об их пользе и много раз высказывала желание «доказать свою признатель-

ность за них», она не желает подтвердить свои слова делом. Ганнинг поинтересовался у Панина, в каком свете представится подобный отказ в глазах англичан, а также в глазах всех европейских держав, когда они о том узнают, и о последствиях, которые могут отразиться на действиях некоторых из них. Посол счел свои аргументы убедительными, полагая, что они на российского министра подействовали. Однако он заблуждался.

На следующее утро Ганнинг отправился к Панину «еще раньше, чем он встал с постели», и, желая устранить возражение, высказанное по поводу столь многочисленного корпуса войск, требуемых англичанами, предложил выделить лишь 15 000 человек. Панин отвечал, что воспользуется всеми доводами, чтобы склонить императрицу к благоприятному для англичан решению, хотя в то же время замечал, что государыня «еще ни на что не решилась». В последующие дни императрица сказалась больной и никого не принимала. Посол по этому поводу писал: «Внезапность этой болезни и то обстоятельство, что она случилась именно в настоящую минуту, отчасти внушает мне подозрение, что действительной причиной ее болезни послужило неловкое ее положение при встрече со мной и трудность ответить на письмо Его Величества и найти извинение достаточно сильное, для того чтобы уклониться от выполнения так недавно высказанного ею обещания». Закljučая свое послание, Ганнинг констатировал, что почти не надеется на то, что императрица согласится послать войска в Америку, хотя, возмож-

но, «предложит помощь иного рода». Он все еще не оставлял надежды повлиять на решение Екатерины, для чего предполагал привлечь графа Алексея Орлова, обещавшего ему свою помощь. В то же время посол высказывал предположение, что требуемое от императрицы войско в 20 000 чел., судя по тому, что ему известно о состоянии ее армии, «превосходит число войска, которое ... могли бы уступить» [Там же, с. 489 – 497].

Спустя неделю, 26 сентября, Ганнинг отправил Саффолку очередную депешу, в которой излагал содержание беседы с графом Паниным по поводу проекта трактата. «Когда я предложил ему проект трактата, – писал посол, – он с величайшим сожалением отвечал мне, что невозможно изменить мнение императрицы, которая пришла к окончательному решению и повелела ему вручить мне письмо к королю ... Содержание этого окончательного ответа так мало соответствовало столь торжественно данным мне обещаниям», – с горечью признавал Ганнинг. Однако он не терял надежды и решил обратиться к И. А. Остерману, высказав свои опасения насчет того, что отказ от предложений, сделанных королем, «не может быть объяснен иначе, как предстоящей переменой в образе действий». Вице-канцлер ответил, что ему разрешено официально уверить Ганнинга «самым сильным и торжественным образом» в том, что императрица выражает глубочайшее сожаление по поводу того, что не имеет возможности оказать королю помощь. Остерман прибавил «в виде личного своего мнения», что если бы было больше време-

ни для приготовления требуемой помощи и если бы указанное войско использовалось в Ганновере или в Англии, то возможно было бы «преодолеть затруднения, встречающиеся в этом деле». Впрочем, он даже теперь убежден, что в случае разрыва с Англией какой бы то ни было европейской державы, «императрица употребит все зависящие от нее средства» для того, чтобы поддержать англичан. «Не смею высказывать своего мнения по поводу того, насколько можно полагаться на подобные речи после того, как они сумели отклонить от себя недавние уверения», с явным раздражением заключал посол [Там же, с. 497 – 499].

23 сентября 1775 г. из Москвы королю было отправлено официальное письмо Екатерины II. Копия этого письма сохранилась в материалах дипломатической переписки. В документе, в частности, говорилось: «... Громадные военные приготовления в Испании привлекали взгляды всей Европы, и общее мнение заключалось в том, что они направлялись против владений Вашего Величества... Я не усомнилась ответить... через посредство моего министра, – писала императрица, – что Ваше Величество может рассчитывать на мою добрую волю и готовность быть Вам полезной и оказывать Вам существенные услуги, независимо от каких бы то ни было предварительных обязательств между нами». Далее Екатерина разъясняла, почему вынуждена отказать королю в просьбе выделить войско в 20 000 чел. с последующей переправой его в Канаду. «Я не могу скрыть от Вашего Величества, что подобный размер по-

собия и место его назначения не только изменяют смысл моих предложений, но даже превосходят те средства, которыми я могу располагать для оказания услуги Вашему Величеству. Я едва только начинаю наслаждаться миром, – продолжала императрица, – и Вашему Величеству известно, что моя империя нуждается в спокойствии. Вам также известно, в каком состоянии выходит армия, хотя и победоносная, из долгой и упорной войны в убийственном климате... Затем, не говоря о неудобствах, которые бы возникли при употреблении столь значительного корпуса в другом полушарии, где он находился бы под властью, почти неизвестной ему, и был бы почти лишен всяких сношений со своим монархом, собственная моя уверенность в мире, стоившем мне стольких усилий, положительно воспрещает мне в столь непродолжительном времени лишить себя значительной части своих войск». Императрица не скрывала своего возмущения тем, что «для усмирения восстания, не поддержанного ни одной из иностранных держав», требуется объединение двух государств Англии и России. Подобное объединение, на ее взгляд, губительно «для достоинства обеих монархий и обеих наций». Екатерина также напоминала королю, что «ни одна из держав, утвердившихся в Новом Свете, не отнеслась бы благосклонно к перевозке туда столь значительного иностранного войска». Пока они не принимали никакого участия в споре английских колоний со своей метрополией, но не исключено, что «призыв народа значительного и столь нового в Америке мог бы побудить их

к вмешательству в это дело». Все это, на взгляд императрицы, неминуемо отразится волнениями в Европе, и «театр для иностранной войны» будет открыт. «Подобная будущность, – завершала свое послание императрица, – так сильно поражает меня, что хотя я глубоко сожалею о невозможности оказать Вам услугу, требуемую Вами от моей дружбы, по крайней мере я надеюсь, что это не причинит Вам затруднений, которых можно бы ожидать с первого взгляда» [Там же, с. 500 – 502].

Получив от Панина письмо императрицы, Ганнинг «весьма секретно и конфиденциально» сообщил графу Саффолку, что граф просил его поверить, что сам он «не разделяет мнений, составляющих его содержание». Панин также дал понять, что послу «не следует осуждать его за то, в чем советы его никак не участвовали». Ганнинг пришел к заключению: императрица поступила «столь недружелюбным образом» еще и потому, что меры, принятые королевскими министрами, «не пользуются одобрением» самой британской нации. Он полагал, что это мнение было поначалу внушено ей графом Иваном Чернышевым, а затем поддержано «бессмысленными, неприличными и ложными представлениями» английских газет, особенно «St. James's Chronicle». Ганнинг обращал внимание на то, что императрица «тщательно избегала» касаться с ним внутренних дел в Англии, и потому у него не было случая «попытаться исправить столь неправильное понятие», которое, очевидно, было для нее очень важным. Так, она поинтересовалась у Панина, «не послужит ли подобное с ее стороны оказание помощи королю

средством восстановить против нее (английский) народ». Что же касается ее собственных подданных, то, как мог заметить посол из слов Панина и Остермана, она опасалась последствий, «могущих возникнуть от призвания ее войск к немедленной службе, особенно же в чужом и столь удаленном месте назначения» [1, с. 503 – 505].

Своим посланием королю Екатерина как бы ставила точку в обсуждении вопроса об оказании ему помощи в борьбе с североамериканскими колониями. Этот ее шаг, хотя в силу объективных причин и был вполне обоснованным, тем не менее, в значительной мере повлиял на охлаждение отношений между двумя державами. «Рухнули расчеты тех лондонских политиков, которые надеялись на то, что «естественный союзник» – Россия – окажет поддержку в борьбе с восставшими колонистами», – утверждал современный российский историк А. Б. Соколов и далее заключал: «Расхождения между Англией и Россией по американскому вопросу окончательно убедили государственных деятелей в нереальности планов заключения союза между двумя государствами; было положено начало новому периоду в отношениях между ними, характеризовавшемуся чаще конфронтацией, чем общностью политических интересов» [2, с. 273]. Трудно не согласиться с мнением историка.

Американский вопрос серьезно повлиял не только на ухудшение отношений двух стран, но и на судьбу самого дипломата. Неспособность Ганнинга привлечь российские войска для подавления восстания английских колоний в Северной Америке побудила министра

Саффолка отозвать его из Российской империи «по состоянию здоровья».

По возвращении на родину Роберт Ганнинг прожил еще немало лет, пережив российскую императрицу, с которой ему пришлось вести трудный и, как оказалось, безуспешный диалог на 20 лет. И хотя о подробностях этих лет жизни бывшего посла нам мало что известно, но в российскую историю он по праву может войти как очевидец таких важных событий, случившихся в ту пору, как Русско-турецкая война, раздел Польши, Война за независимость североамериканских колоний, а также Крестьянская война под предво-

дительством Пугачева. И этими свидетельствами Роберт Ганнинг, безусловно, интересен нашим современникам. Но не только. Его дипломатическая переписка со всей очевидностью продемонстрировали независимую позицию Екатерины II, которую она занимала при проведении своей внешней политики. По сути дела, российская императрица переиграла искусных британских дипломатов по всем ключевым и спорным вопросам, которые возникали между государствами, достойно выйдя из тех препятствий, которые нередко создавал ее «естественный» союзник – Англия.

Библиографические ссылки

1. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества. Т. XIX. СПб., 1876. С. 277 – 509.
2. Соколов А. Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI – XVIII вв. Ярославль, 1992. 301 с.

T. L. Labutina

THE WAR OF INDEPENDENCE OF NORTH AMERICAN COLONIES IN THE DISCOURSE OF THE BRITISH AND RUSSIAN DIPLOMACY

The article is about the 1775 negotiations between the British ambassador Robert Gunning and Catherine II about the possibility of rendering military aid to Great Britain by Russia in the War of Independence of North American colonies. Relying on diplomatic correspondence of the ambassador with the Minister of Foreign Affairs of Great Britain, the author traces the main entanglements arising during negotiations, finds out the reasons of their failure for the British side, and comes to a conclusion that the Russian empress has managed to outwit the British diplomat in the dispute on the solution of the American question.

Keywords: Great Britain, Russia, 18th century, Catherine II, diplomacy, ambassador Robert Gunning, War of independence of North American colonies.

И. С. Тряхов

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЫЛА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 – 1945.
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВЛАДИМИРА)**

Военные годы не только значительно повлияли на временно оккупированные Германией советские территории, но и наложили свой неизгладимый отпечаток на тыл Советского Союза. Тяжёлое время породило как новые социальные практики населения, так и негативно повлияло на уже существующие. В статье рассматриваются основные изменения повседневной жизни средних размеров тылового города на конкретном примере.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыловой город, повседневность, противовоздушная и противохимическая оборона (ПВХО), жилищно-коммунальное хозяйство, продовольственная проблема, благоустройство.

Войну город Владимир встретил будучи обычным районным центром Ивановской области. Согласно переписи 1939 г. во Владимире проживало 66 797 человек, и формально по своей численности занимал второе место по числу жителей после промышленного центра Владимирского края Коврова [4]. 13 августа 1944 г. была вновь образована Владимирская область. Центром региона стал Владимир. Точное число жителей в это время из быстро меняющейся демографической ситуации выяснить затруднительно. Однако сохранившиеся в архивах сведения указывают, что на момент создания Владимирской области в августе 1944 г. население города превысило 70 тыс. человек.

Война внесла серьёзные изменения в повседневную жизнь горожан и сильно преобразила облик самого города. Предвоенные годы в условиях форсированной модернизации советской экономики сами по себе были

очень непростыми. Перекосы в ходе индустриализации отражались в первую очередь на тех секторах экономики, которые должны были заполнять потребности гражданского населения. В то же время тяжёлая война осложнила уже имевшиеся трудности и проблемы, но помимо этого повлияла как на изменение повседневной жизни, так и внесла совершенно новые, ранее неизвестные социальные практики. Анализ этих процессов и является целью написания настоящей статьи.

Различные аспекты заявленной проблемы составляют важное звено современной историографии, а её рассмотрение в общесоюзных и общероссийских рамках заслуживает специального исследования. Что касается историографии, посвящённой Владимирскому региону, то она весьма примечательна. Ряд общих и специальных работ историков разных поколений показал многие изменения, ставшие следствием войны, но ряд городов и тем изучены

лучше, нежели другие объекты исследования [1, 2, 3, 19, 20, 22, 23].

В данной статье рассматривается, с одной стороны, достаточно типичный тыловой город центральной части РСФСР, но наряду с этим Владимир в течение войны приобретёт знаковую особенность, которой не окажется более, пожалуй, ни у какого другого похожего населённого пункта огромного советского государства. Такой особенностью станет его прошлое, которое с позиций патриотизма, распространившегося в стране в годы военного лихолетья, было наиболее значимо. Проявится же эта тенденция только в последний военный год.

Самой значимой проблемой горожан в годы войны стала продовольственная. В соответствии с решением руководства страны всё население городов было поделено на две категории. В первую вошли рабочие военной, нефтяной, металлургической, машиностроительной, химической промышленности, работники электростанций, железнодорожного и морского транспорта и др. Во вторую категорию были включены рабочие и инженерно-технические работники, служащие других отраслей промышленности и все остальные, кто не вошёл в первую категорию. В 1941 г. работникам из первой категории полагалось 800 г хлеба в сутки и 800 г сахара в месяц, в 1942 г. была понижена норма на сахар – теперь его полагалось лишь по 400 г в месяц. В 1943 г. была снижена норма на хлеб до 600 г. Работникам второй категории в 1941 г. норма получения хлеба была установлена в 600 г, в 1943 г. эта норма была снижена до 500 г. Норма на сахар, составлявшая в 1941 г. 600 г,

в 1942 г. была снижена до 400 г, и такое положение сохранялось вплоть до конца войны. Разумеется, в реальности нормы выполнялись далеко не всегда, а качество отпускаемых продуктов также оставляло желать лучшего [6, оп. 1, д. 1. Лл. 72, 101 – 101 об., 159]. Подростком устроившийся на владимирский завод «Автоприбор» Б. Е. Чиркунов вспоминал о том времени следующее: «Отец в то время работал в ремесленном училище, получая хлебную карточку на 800 граммов, мать – домработница, брат и сестра – по 400 граммов, а я получал 300 граммов» [24, с. 286].

Недостаток в количестве и разнообразии продовольствия население пыталось восполнить созданием подсобных хозяйств, в которых выращивались в первую очередь растительные культуры. Некоторые хозяйства, в основном принадлежавшие предприятиям, держали также скот. Ребёнок войны Е. И. Селивёрстов вспоминал о хозяйствах: «Весной 1942 года наш двор преобразился. Вся земля была разделена между жильцами под огороды. Играть нам стало негде, и наша дворовая ватага перешла на Клязьму и заклязьминскую пойму. Сколько чудных открытий мы сделали тут! Дикий лук, щавель, розовые и белые бутоны клевера, которые мы звали кашкой. У кого-то нашёлся небольшой бредень, и на мелководье реки, в пойменных озерах мы вылавливали мелкую рыбёшку: плотвичек, окуньков, щурят. Это был деликатес!» [Там же, с. 285]. В то же время местные газеты со своих страниц призывали жителей расширять подсобные хозяйства всеми возможными способами. Если в 1942 г. во

Владимире площадь таких хозяйств составляла 1331 га, то в 1943 г. она увеличилась более чем в три раза и составляла уже 4417,8 га [12, оп. 1, д. 19. Л. 10]. Однако расширение площади хозяйств закономерно наталкивалось на большие трудности. Среди таковых следует выделить недостаточную обеспеченность семенами и тягловой силой (во Владимире обеспеченность лошадьми составляла в 1942 г. лишь 42 % от потребности и увеличилась в дальнейшем не более чем на 10 – 15 %). Помимо этого почти отсутствовали удобрения и, конечно же, не хватало рабочей силы [Там же, оп. 1, д. 19. Л. 11 – 11 об., д. 20. Л. 31]. Кроме того, если крупные хозяйства города были сравнительно хорошо обеспечены управленческим и руководящим составом, в том числе агрономами, то в мелких ситуация была много хуже. Нередкими были случаи, когда предприятиям выделялись участки земли для ведения подсобного хозяйства, но оно практически не велось. Такое явление было не столько следствием невнимания руководства к хозяйствам, сколько обусловлено недостатком рабочих рук и тягловой силы [Там же, оп. 1, д. 21. Л. 1 об.].

По неполным данным за 1942 г., индивидуальными огородами занимались 10 060 чел. на площади 509,4 га. В 1943 г. под огороды было занято 619 га [Там же, оп. 1, д. 19. Л. 12]. При этом индивидуальные огороды занимали 20 % площади, а подсобные хозяйства предприятий – 80 % от общей площади таких городских хозяйств [Там же, оп. 1, д. 20. Л. 29 об.]. В объяснительной записке за 1942 г. по владимирскому горкомхозу отмечалось, что под ого-

родные земли (как индивидуальные, так и под хозяйства предприятий и учреждений) переводились площади плодовых садов [7, оп. 1, д. 119. Л. 45.]. Подсобные хозяйства не всех предприятий и не всегда были прибыльными. Напротив, некоторые показывали убыток [8, оп. 2, д. 34. Л. 9 об., д. 39. Л. 3, д. 41. Л. 2.]. Тогда хозяйство ложилось лишним бременем на предприятие. Объяснялось это как слабым вниманием к нуждам хозяйства, так и чрезмерной нагрузкой, ложившейся на почвы, что было связано с отсутствием удобрений.

Дополнительные затруднения возникали в период уборочных кампаний. Следствием этого становилась новая нагрузка на сотрудников предприятий, рабочий день которых и без того нелегкий и длительный, увеличивался. В отчете владимирского горкомхоза за 1943 г. указывалось: «В связи с наступлением уборочной кампании и затруднением с рабочей силой на весь период уборочной рабочий день по пригородному хозяйству с 23 августа с. г. устанавливаю 10 часов» [7, оп. 1, д. 235. Л. 53]. Но война не только продлевала рабочий день, она также вынуждала многих заниматься той работой, которая ранее людям была не свойственна. Что касается подсобного хозяйства, то дополнительные силы выделялись на него в период уборки урожая либо на обработку собранного урожая [Там же, оп. 1, д. 235. Л. 66].

Осенью 1941 г. в связи с угрозой захвата гитлеровской армией Москвы и возможным продвижением врага на восток на территории Владимирского края велось строительство оборонительного обвода [29]. Организация ра-

бот была поставлена из рук вон плохо. Мобилизованные на работы люди не были снабжены в должной мере необходимой одеждой, инструментом и питанием. Местное сельское население по возможности пыталось подкармливать мобилизованных на трудовые работы. Этим людей определяли на постой к местным жителям, которые и сами испытывали острый недостаток продовольствия, но стремились всеми силами помочь мобилизованным. Помощь и взаимовыручка помогала одним (мобилизованным) хоть немного отдохнуть после тяжёлых физических работ (ведь приходилось копать мёрзлую землю), а другим ненамного, но улучшить своё продовольственное положение, так как мобилизованным полагался небольшой, но достаточно разнообразный паёк, которым они делились с теми, у кого поселились [21, с. 137 – 138].

Если такая социальная практика, как сооружение окопов, затронула далеко не всех горожан и продолжалась лишь осенью 1941 г., то добыча дополнительного продовольствия стала в течение войны обычным явлением и занимала самое значимое место в повседневной жизни людей.

Следующим обыденным для военных лет явлением стало снабжение города топливом. Для этого была построена железнодорожная ветка, связавшая город с близлежащим месторождением торфа «Долгая Лужа» к югу от города. О тяжёлой работе на торфозаготовках Е. И. Селивёрстов вспоминал: «На каникулах в 1943 и 1944 годах мы работали на торфодобывающем предприятии «Долгая Лужа». Ходили на работу пешком 15 км.

Мы считались в этот период рабочими, поэтому нам заменили хлебную карточку иждивенца на карточку рабочего, норма которой была в два раза больше. Кроме того, нам давали талоны на обеды в столовой» [25, с. 580]. Жительница города Владимира К. А. Федосимова, которая была в годы войны ребёнком, вспоминала о военных буднях так: «В 1943 году старший (брат – *прим. авт.*), которому было тринадцать лет, стал работать на лесоповале: пилили деревья, обрубали ветки и оттаскивали, складывая на подвозу. Но самое трудное предстояло на торфоразработках, очень тяжёлый, далеко не детский труд. Торф был необходим заводам, железной дороге, предприятиям, перешедшим на выпуск нужной фронту продукции, ТЭЦ» [18, с. 19].

Бурное развитие промышленности в предвоенные годы и быстро идущая урбанизация опережали создание соответствующих условий для новых жителей городов и их старожилов. С началом войны из-за наплыва эвакуированных с временно оккупированных территорий СССР и массовых мобилизаций молодёжи из сельской местности жилищные условия ещё более осложнились. В городе с населением более 67 тыс. человек в среднем на одного жителя приходилось около 4 квадратных метров жилой площади [7, оп. 1, д. 122. Л. 1]. Помимо этого, жилой фонд, приписанный к горкомхозу имел большую изношенность (около 60 %), так как преобладающее большинство домов было построено в дореволюционный период. Дома предприятий, выстроенные в предвоенный период, имели лучшее состояние [Там же, п. 1,

д. 122. Л. 1, оп. 1, д. 125. Л. 7 об.]. В документах различных промышленных предприятий проблема плохого состояния жилых домов затрагивается редко. Но это говорит не столько об отсутствии проблемы, сколько о её второстепенности с точки зрения руководства предприятий. Разумеется, это сопровождалось трудностями при проведении ремонтов. К ним относились дефицит рабочей силы, материалов и транспорта. В отчётах неоднократно проходит мысль, что многое в жилищном хозяйстве зависит от самих потребителей, от их бережного отношения к тому месту, где они проживают. Поричалось варварское отношение к государственному жилому фонду, особенно в зимний период, когда в жилых помещениях жители содержали мелкий рогатый скот, свиней, телят. Частым явлением становилась колка дров в помещениях домов и, конечно же, разбор заборов, сараев, лестниц и т. п. для своих нужд [Там же, оп. 1, д. 122. Л. 10 об.]. И хотя далеко не всегда это было «умышленным разрушением и расхищением жилого фонда», но других средств борьбы с этими проявлениями найти в тех условиях было, скорей всего, нельзя. При этом такое обращение с государственным имуществом было характерно не только для простых квартиросъёмщиков, но и для арендаторов нежилых помещений, эксплуатировавших государственный торгово-складочный фонд [Там же, оп. 1, д. 122. Л. 11].

Значительная часть населения, в первую очередь мобилизованные на трудовые работы и многие эвакуированные из западных областей страны, вынуждена была проживать в бараках и в меньшей степени – в общежитиях.

Часть эвакуированных подселась к местным жителям в результате практики «уплотнений» [21, с. 132 – 136]. В таком случае между людьми возникали особенные соседские связи, причём в воспоминаниях современников не упоминается о каких бы то ни было значимых конфликтах по этому поводу. Война рассматривалась гражданами как общая беда.

Проблемы неудовлетворительного состояния жилищно-коммунального хозяйства признавало руководство Владимирского тракторного завода в своих отчётах за 1944 [17, оп. 1, д. 3. Л. 10] и за 1945 [Там же, оп. 1, д. 4] гг. Документы ВТЗ им. Жданова мы упоминаем не случайно, так как именно на эту стройку приходилась львиная доля мобилизованных. Дома для рабочих завода принимались от строителей с большими недоделками. Указывалось об электропроводке временного типа, плохой штукатурке и отсутствии сараев при домах, в результате чего дрова и овощи приходилось хранить в жилых домах [Там же, оп. 1, д. 3. Л. 10]. Также отмечался недостаток жёсткого инвентаря и постельного белья [7, оп. 1, д. 3. Л. 11]. Всё это происходило, несмотря на постановление бюро Ивановского обкома ВЛКСМ, изданное в самом начале строительства завода 12 мая 1943 г. Владимирскому горкому ВЛКСМ и секретарю т. Власовой было предложено взять под непосредственный контроль создание нормальных бытовых условий для молодых рабочих, приезжающих на завод, размещение их по общежитиям, своевременную постановку их на комсомольский учёт и в самый короткий срок организационное оформление на заводе ком-

сомольской организации. И если постановка на комсомольский учёт и размещение рабочих были осуществлены, то нормальных бытовых условий не было до самого конца войны [30, с. 320]. Бывший работник ВТЗ К. М. Фёдоров вспоминал, что в 1944 г. на заводе не было ни раздевалки, ни душевой. «В холодное время прямо в цехе жгли костры, а эмульсию отогревали факелами» [21, с. 98]. Он же отмечал, что рабочие «жили в общежитии на Всполье. Одна комната была рассчитана на 5 – 10 человек. Кроме кроватей стояли стол и табуретки...» [Там же, с. 98]. Рабочие Ф. А. Воробьев и Б. П. Романов вспоминали о проживании части работников на самом заводе [Там же, с. 100]. Особенно тяжело было молодым строителям завода, мобилизованным ребятам-подросткам. В. И. Малыгин вспоминал: «Их отцы воевали с немцами, побеждали врага и падали под пулями, матери, не разгибаясь, с темна до темна работали в колхозе, а они строили тракторный завод, учились держать инструмент, овладевали станками. ... На пригородных поездах они ездили, как правило, без билетов – на крышах и подножках... . В зимнюю пору многие ночевали в цехе, у паровых труб. Голодные, невытые, оборванные, в опорках вместо сапог, они были похожи на былых беспризорников. Силенок у них не было, радовались любой остановке станка: мол, хоть немного отдохнём...» [Там же, с. 100]. Работавшая на заводе Е. А. Жбанкова вспоминала, что легче стало работать лишь тогда, когда на завод прислали пленных немцев [24, с. 91 – 92].

Подвижки со строительством жилья начались в последний год войны.

23 мая 1944 г. вышло постановление ГКО «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства». В этом постановлении предписывалось создать производственные мощности для этого в течение второй половины 1944 и первой половины 1945 гг. [28, с. 200 – 205].

До лета 1944 г. благоустройство города Владимира велось в незначительных масштабах. Из-за усилившегося движения по центральной улице города, являющейся частью магистрали Москва – Горький, сильно износились мосты и мостовые [7, оп. 1, д. 122. Л. 4].

К благоустройству массово привлекалось население. На общегородских воскресниках приводились в порядок места общего пользования (дворы, площади, парки и пр.) [Там же, оп. 1, д. 112. Л. 39 об., оп. 1, д. 126. Л. 6 – 6 об.]. Так как дворники не справлялись с нагрузкой, выпавшей на них, то исполком горсовета принял решение провести в апреле два общегородских субботника с привлечением всего населения города и транспортных средств. Конкретнее предлагалось на работы по очистке улиц, площадей и тротуаров, а также парков, скверов мобилизовать служащих предприятий и учреждений, учащихся школ с 8-го класса, ФЗО и РУ, организацию проведения указанных работ возложить на руководителей предприятий, беря за основу в первую очередь очистку своих прилегающих участков [Там же, оп. 1, д. 126. Л. 14]. Казалось, требования секретаря обкома должны были сильнее воздействовать на руководство горкомхоза, но дефицит кадровых и материальных ресурсов не мог быть

покрыт привлечением горожан, хотя бы по той причине, что у многих из них было достаточно своих проблем. Следствием этого стало продление декадника очистки города до 18 апреля. Также был использован и административный нажим как на руководителей учреждений и предприятий (вплоть до мер судебного воздействия), так и на домоуправляющих, комендантов, милицию и на население с требованием закончить очистку города от нечистот до 18 апреля [7, оп. 1, д. 106. Л. 17]. Этим декадником участие населения в благоустройстве города не ограничилось. С 23 апреля по 23 мая 1943 г. был объявлен месячник по благоустройству города, который намечал осуществление широкого круга работ, например, строительство моста через реку Клязьму, ремонт канализации (тюрьмы, психбольницы, по Ерофеевскому спуску) и др. [Там же, оп. 1, д. 106. Л. 22 об.]. Катастрофическая ситуация вследствие ливневых дождей летом и паводков весной складывалась на Вокзальной площади города и улице Вокзальной. Для устранения этой патовой ситуации отдел благоустройства города задействовал военнотружеников, которые проходили лечение в госпиталях города [Там же, оп. 1, д. 106. Л. 10 об.].

Были и более срочные работы, среди которых выделялось восстановление разбитых дорог, проходящих через город. Отмечалось, что дорожное хозяйство города находится в полуразрушенном состоянии, все улицы города с булыжным покрытием капитальному ремонту не подвергались несколько десятков лет [Там же, оп. 1, д. 122. л. 15, оп. 1, д. 127. л. 4 – 5]. Реконструкция была необходима не толь-

ко дорожному, но и подземному хозяйству на всём протяжении дорог. Город должен был выполнить реконструкцию своими силами, сумма работ оценивалась в 7 млн рублей [Там же, оп. 1, д. 127. л. 88 – 99]. Для исполнения данного решения подрядчику требовалось мобилизовать 400 человек рабочих, а также подсобной рабочей силы в количестве 300 человек [Там же, оп. 1, д. 127. л. 5, 89]. Большую проблему для города представлял мост через Клязьму, который ежегодно разбирался из-за его затопления весенним разливом [Там же, оп. 1, д. 127. л. 6]. Если учитывать, что большая часть топлива, заготавливаемого для нужд города и его жителей, находилась как раз на правом берегу Клязьмы, то постоянный мост был необходим. Собственно, в документах горкомхоза это строительство и связывалось исключительно с нуждами снабжения города топливом и сельскохозяйственными продуктами [Там же, оп. 1, д. 127. Л. 7]. Кроме того, со строительством постоянного моста отпадала необходимость ежегодно затрачивать дефицитные материалы на его возведение. Также появлялась возможность высвободить столь необходимую рабочую силу для послевоенного восстановления хозяйства. Запланированные работы по возведению нового моста были осуществлены уже на следующий 1944 г. [Там же, оп. 1, д. 127. Л. 15 об.].

Проблему благоустройства городов стремились решить не только проведением общегородских воскресников, декадников и прочего, но и с помощью требований «обеспечить регулярную уборку занимаемой ими (предприятиями, учреждениями, домоуправлениями

и домовладениями) территории, усадьбы, тротуара и прилегающей половины улицы в границах своего домоуправления, содержать в чистоте во всё время года» [13, оп. 3, д. 16. Л. 1].

В начальный период войны среди населения были отмечены заболевания, считавшиеся побеждёнными, в первую очередь это касалось сыпного тифа. В 1941 и первой половине 1942 г. возросло количество случаев заболевания скарлатиной и дизентерией. Предпринятые медицинскими органами меры, такие как прививки от брюшного тифа (в 1942 г. проведено около 25 000 прививок) и дифтерии (около 5 000 прививок за тот же год), а также вводимый карантин смогли предотвратить распространение этих и других заболеваний [11, оп. 1, д. 12. Лл. 1 об. – 2.]. В документах за 1943 г. отмечалась, что немногочисленные случаи заболевания сыпным тифом не имеют никакой связи между собой, по трудовым, бытовым и территориальным признакам совершенно разрозненны [Там же, оп. 1, д. 12. Л. 127]. Отмечены случаи заболевания новорожденных пиодермией и сепсисом, которых не было в предвоенные годы, однако они не были ни массовыми, ни постоянными. Так, например, в 1943 [16, оп. 1, д. 1. Л. 5 об.] и 1945 годах [Там же, оп. 1, д. 2. Л. 5 об.] были зафиксированы 16 и 12 случаев заболевания пиодермией у детей, а также по одному случаю заболевания сепсисом, а вот в 1944 году [Там же, оп. 1. д. 3. Л. 5 об.] таких случаев не имелось.

Опасность налётов вражеской авиации и использования вермахтом химического оружия заставляла предпринимать в тылу превентивные меры.

Осенью 1941 г. это казалось вполне вероятным, так как регион стал ближним тылом, а потому местные власти разными способами пытались подготовиться. В пропагандистском плане проводились следующие действия: владимирская газета «Призыв» регулярно вела рубрику «На оборонные темы», в которой давались различного рода практические советы. Печатались рекомендации по борьбе с боевыми отравляющими веществами [26, 1942. 29 августа, суббота, 1943. 23 сентября, четверг], оказании первой помощи при ожогах, а особое внимание уделялось противовоздушной обороне и борьбе с зажигательными, фугасными и осколочными бомбами, объяснялось воздействие взрывной волны на окна [Там же, 1943. 28 июля, среда].

За нарушение постановлений городских комитетов обороны налагались штрафы, а за повторные нарушения могли отдать под суд. Военное время ощущалось в тылу через особый порядок, действовавший в городах. Свободное движение населения в ночное время ограничивалось, а автомобильное разрешалось только по пропускам [5, оп. 1, д. 1. Л. 1]. Жёсткая борьба шла со спекулянтами и нарушителями общественного порядка. Был введён строжайший запрет на проживание в городе без прописки, причём ответственность возлагалась на квартиросъёмщиков и домовладельцев в том случае, если в их домах оказывались таковые люди [Там же, оп. 1, д. 1. Л. 10 – 11].

Для предотвращения последствий налётов вражеской авиации во Владимире был создан штаб Местной противовоздушной и химической обороны

(МПВХО). Таким мерам уделялось повышенное внимание уже до войны. Неявка или опоздание на занятия рассматривались как уклонение от обязательной учёбы по МПВО [9, оп. 1, д. 2. Л. 2]. С началом войны вольнонаёмному составу МПВО запрещалось уходить в отпуска [15, оп. 1, д. 8. Л. 74]. Приказом 27 июня 1941 г. предписывалось со следующего дня начать массовое строительство полевых убежищ для населения. Для выполнения таких работ всем руководителям учреждений и домоуправам приказывалось привлекать население [9, оп. 1, д. 3. Л. 4]. Всеобщая обязательная подготовка к противовоздушной и противохимической обороне всего населения в возрасте от 16 до 60 лет вводилась с 1 июля 1941 г. [Там же, оп. 1, д. 3. Л. 10].

Следствием больших потерь действующей армии стал призыв молодых людей из подразделений МПВО, в 1942 г. происходит замена молодых бойцов солдатами 41 – 45 лет из числа ограниченно годных [15, оп. 1, д. 11. Л. 16.]. Укомплектованность команд МПВО на протяжении всей войны была слабой.

Масштабность строительства защитных сооружений в годы войны характеризуют следующие цифры по городу Владимиру: «За время войны оборудовано земляных щелей закрытого типа 943, открытого типа 375, приспособлено подвалов под убежища 236. Общая площадь всех укрытий на 64 392 человека. Всего населения в городе 70 000 человек. Таким образом, бомбоубежищ вполне достаточно» [9, оп. 1, д. 5. Л. 5], – констатировал автор отчёта. При этом не все убежища находились в удовлетворительном со-

стоянии, т. е. были пригодны для длительного пребывания в них без последствий для здоровья [9, оп. 1, д. 4. Лл. 8, 26].

В ходе практических занятий периодически проводились учения по воздушной тревоге. Такие учения были нормой в течение всей войны [15, оп. 1, д. 11. Лл. 95 – 98 об., д. 21. Л. 6]. Состояние местной противовоздушной и противохимической обороны на большинстве заводов области оставалось неудовлетворительным на протяжении всей войны.

С началом войны быстро выявилась нехватка различного рода имущества для обеспечения унитарных команд и групп самозащиты. Для устранения этого во Владимире директор горкомхоза Симонов и начальник горжилуправления Суханов приказом МПВО от 19 августа обязывались заключить с городским комитетом Красного Креста договор на обеспечение команд. Кроме того, были сделаны заказы через слесарные мастерские и артели города на изготовление необходимого количества фильтров и вентиляторов для оборудования газоубежищ [9, оп. 1, д. 4. Л. 28].

Особое внимание было уделено противохимической защите. Так, уже 4 июля 1941 г. владимирский штаб ПВХО просил отгрузить 23 т дегазирующих веществ (хлорной извести) [Там же, оп. 1, д. 7. Л. 77]. Спешно строились обмывочные пункты на случай химической атаки и дегазационные камеры [Там же, оп. 1, д. 16. Л. 3 об., Л. 15 об.].

В то же время слабой была не только боевая подготовка формируемых МПВО, но и их взаимодействие с органами НКВД. Эта служба не всегда

своевременно оповещала о наличии самолётов противника в воздухе [Там же, оп. 1, Д. 5. Лл. 2 – 3]. Некомплект личного состава в формированиях МПВО был не только в группах, созданных лишь в результате начавшейся войны, но и в подразделениях, действующих постоянно. Например, две городские пожарные команды Владимира со штатом 153 человека в реальности имели только 104, т. е. некомплект составлял 49 человек [Там же, оп. 1, д. 5. л. 17].

Таким образом, слова начальника штаба МПВО по Владимиру П. Пилипенко о том, что «бдительность, высокая дисциплинированность и организованность – залог нашей победы над врагом» уходили зачастую в пустоту [Там же, оп. 1, д. 5. Л. 25]. По мнению проверяющих органов, и к концу 1942 г. тот же Владимир в целом к МПВО подготовлен так и не был [Там же, оп. 1, д. 5. л. 35]. Разумеется, эта ситуация не изменилась и к 9 мая 1945 г., так как после контрнаступления советских войск зимой 1941 – 1942 гг. проблемы МПВО, по мнению большинства партийных и хозяйственных работников, стали второстепенными. Конечно, думать так было ошибочно, но поскольку владимирские заводы не имели такого значения, как например в Коврове или тем более в Горьком, то и усердствовать в этих вопросах не стремились.

Проводником распоряжений МПВО выступали местные газеты, которые публиковали все приказы этих штабов [Там же, оп. 2, д. 1. Л. 22.], а также регулярно печатали сведения о нарушениях светомаскировки [25, август – ноябрь]. Требования по соблюдению светомаскировки действовали почти до конца

войны, следствием чего стало неоднократное повторение приказов о её необходимости [9, оп. 2, д. 3. Л. 4]. Наиболее чётко светомаскировка выполнялась в первый период войны. Граждане должны были сами соблюдать светомаскировку и одновременно следить, чтобы соседи тоже об этом не забывали.

Отмена затемнений и разрешение нормального освещения улиц, жилых домов и других зданий в соответствии с решением Владимирского областного Совета произошла лишь 30 апреля 1945 г. [27, 1 мая, вторник]. С одной стороны, такие меры были неоправданно длительными, а с другой – после удачной бомбардировки самолётами люфтваффе весной 1943 г. Горьковского автомобильного завода это выглядело закономерно.

Действия, связанные с противовоздушной и химической обороной, а тем более регулярные учения и соблюдение светомаскировки были в целом новой социальной практикой, которая появилась только под влиянием войны. Количество и интенсивность таких действий сокращались по мере отдаления линии фронта от региона.

В условиях войны и соответственно повышенной смертности возникла настоятельная потребность в строительстве кладбищ [14, оп.1, д.11. Л. 3 об.]. В отчёте владимирского горкомхоза отмечалось плохое состояние городских кладбищ и намечалась организация нового кладбища по Юрьевскому шоссе с одновременным приведением в порядок двух существующих: у Горьковской заставы и в районе Ямской слободы [7, оп. 1, д. 126. Л. 6 об., д. 127. Л. 13]. Значительное увеличение количества умерших особенно в

первый военный год приводило к тому, что кладбища заполнялись слишком быстро. Так, В. А. Крюков вспоминал о похоронных процессиях в то суровое время: «В годы войны мы могли наблюдать, как хоронили умерших в госпиталях солдат и офицеров. Горожан хоронили по всем свободным местам на кладбище, а их – в том месте, где сейчас Мемориал (современное закрытое Князь-Владимирское кладбище – прим. авт.). Сначала хоронили «по-человечески»: в гробах, с соблюдением ритуала. Но в октябрь-ноябре 1941 г., зимой 1942-го пошли массовые захоронения – без гробов, в одном нижнем белье и даже без него, в братских могилах. Позднее, в 1942 – 1945 гг. хоронили уже упорядоченно. Появились могилы с деревянными столбиками и дощечками с именами» [21, с. 91]. Чиркунова А. А., напротив, отмечает, что и в 1944 г. нередки были случаи, когда хоронили по несколько человек в одной могиле [24, с. 288]. Проблемы похоронных бюро, как нетрудно заметить, были идентичны проблемам горкомхозов – это нехватка рабочей, тягловой силы, а также материалов для изготовления гробов и указателей о захороненных. К концу войны ситуация стала улучшаться, захоронения стали происходить так же, как и в довоенный период.

Славное историческое прошлое города Владимира выступило, по всей видимости, важнейшей причиной, по которой именно он вновь стал областным центром. Недаром с 1944 г. началась реконструкция некоторых исторических сооружений, а на послевоенный период было намечено немало таких мероприятий, которые обосновы-

вались восстановлением памятников прошлого. В том же году стала вестись регулярная работа по благоустройству города.

По плану в ближайшие годы предусматривалось проведение ремонта мостовой по центральной улице автострады Москва – Горький, ремонт тротуаров, проведение древонасаждения по центральной улице, окончание строительства моста через реку Клязьму, капитальный ремонт всех сходней и мелких мостов, восстановление цветочного хозяйства, открытие и оборудование нового кладбища в Дусках, восстановление всех разрушенных заборов и ворот, окраска фасадов домов центральных улиц, оборудование городского парка «Липки» и организация там детской площадки, открытие ручной прачечной, окончание строительства фильтров на водозаборе, подготовка и проверка уличного фонарного освещения [7, оп. 1, д. 125. Л. 1]. Поражает масштабность работ, особенно если учитывать условия продолжающейся войны.

На 1945 г. и послевоенные годы были запланированы крупные строительные работы на территории города, обусловленные отнюдь не только восстановлением хозяйства. Главным было возвращение городу его бывшего величия. Предполагалось также строительство дорогостоящих долговечных монументальных сооружений в новом областном центре [Там же, оп. 1, д. 127. Л. 16].

Массовое озеленение города, которое проводилось в 1944 – 1945 гг., натолкнулось на трудности. В отчёте городского коммунального хозяйства Владимира указывалось: «В 1944 году были затрачены на озеленение сред-

ства и вложено много труда, но благодаря неосознанности части населения, в особенности молодёжи, гуляющей в парках, большинство насаждений погибло» [7, оп. 1, д. 126. Л. 6]. Для борьбы с нарушителями использовались административные методы ответственности, включавшие как различного рода выговоры, так и выписку штрафов. По коммунальной санитарии взыскания, как правило, накладывались на домоуправов, но нередко применялись и к отдельным жильцам [10, оп. 1, д. 4. Л. 78 – 81 а.]. И всё же такие методы борьбы не всегда давали нужные результаты в условиях войны. Занятость населения своей основной работой и бедственное положение части населения являлись для жителей городов более актуальными проблемами, чем благоустройство населённых пунктов края.

Несмотря на то что Владимирская область и её столица город Владимир в годы войны не подверглись ни ок-

купации, ни серьёзным авиаударами люфтваффе, ущерб, нанесённый региону Великой Отечественной войной, был достаточно велик. Он не идёт, конечно, ни в какое сравнение с западными регионами СССР в материальном плане, но в демографическом весьма велик. Кроме того, на заключительном этапе войны и в послевоенные годы область, как и прочие тыловые территории Советского Союза, помогали регионам, побывавшим в оккупации, а потом собственные нужды не могли быть восполнены в полной мере. При этом городу Владимиру в этом плане повезло, так как он вновь стал не только центром области, но и восстанавливался в качестве культурного объекта, пусть и делалось это неспешно. Прочие города и рабочие посёлки находились в куда более тяжёлом положении, однако повседневная жизнь их жителей включала похожие социальные практики, что были и у владимирцев.

Библиографические ссылки

1. Белов Ю. В. Суздаль в годы Второй мировой войны // Материалы XVI Межрегиональной краеведческой конференции. (28 апреля 2011 г.) / Департамент по культуре администрации Владим. обл., Гос. бюджет. учреждение культуры Владим. обл. «Владимир. обл. универс. науч. б-ка им. М. Горького» ; [ред. совет: М. А. Барышев [и др.] ; отв. за вып. И. В. Мишина]. Владимир, 2012. С. 164 – 175.
2. Брыкин В. А. Деятельность местных органов власти г. Муром Горьковской области по укреплению обороноспособности СССР (1939 – август 1944 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2005. 296 с.
3. Великая Отечественная война и современность. Владимир, 1995.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 года // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=0 (дата обращения: 20.02.2018). Цит. по: РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966-1001.
5. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. П – 355.
6. ГАВО РФ. Ф. Р – 146.
7. Там же. Ф. Р – 950.

8. ГАВО РФ. Ф. Р – 1357.
9. Там же. Ф. Р – 1977.
10. Там же. Ф. Р – 2346.
11. Там же. Ф. Р – 2400.
12. Там же. Ф. Р – 2699.
13. Там же. Ф. Р – 3186.
14. Там же. Ф. Р – 3377.
15. Там же. Ф. Р – 3643.
16. Там же. Ф. Р – 3727.
17. Там же. Ф. Р – 3831.
18. Дети войны – патриоты Отечества / [сост. Г. Г. Графская] ; Союз пенсионеров России. Владимир, 2006.
19. Дорофеев А. Владимир в годы Великой Отечественной войны // Материалы исследования : сборник / сост. А. А. Тенеткина. Владимир, 2000. С. 92 – 97.
20. Зудилов Г. С., Ковалева Л. Сталинград. Война. Вязники // Сборник документов и воспоминаний. Владимир, 2006.
21. Мы вышли из войны: г. Владимир и владимирцы в годы Великой Отечественной войны по дневникам, воспоминаниям, документам / сост. В. И. Титова. Владимир, 2004. 231 с.
22. Орлова И. М. Ленинский район в годы Великой Отечественной войны // Материалы XVI Межрегион. краевед. конф. (28 апр. 2011 г.) / Департамент по культуре администрации Владим. обл., Гос. бюджет. учреждение культуры Владим. обл. «Владимир. обл. универс. науч. б-ка им. М. Горького» ; [ред. совет: М. А. Барышев [и др.] ; отв. за вып. И. В. Мишина]. Владимир, 2012. С. 175 – 181.
23. Петровичева Е. М., Тряхов И. С. Работники здравоохранения Владимирского края в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Вестник Владимирского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 14 – 22.
24. Победители: Воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла / сост.: В. И. Титова [и др.]. Владимир, 2010. 344 с.
25. Поиск. Никто не забыт, ничто не забыто : воспоминания ветеранов Отечественной войны и тружеников тыла. Владимир, 2010.
26. Призыв, Орган Владимирского горкома и райкома ВКП(б) и городского и районного Советов депутатов трудящихся. 1941 – 1943.
27. Рабочий клич, Орган Ковровского горкома и райкома ВКП(б). 1945.
28. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. Т. 3. М., 1968.
29. Точёнов С. В. Строительство оборонительных сооружений на территории Ивановской области в 1941 – 1943 гг. // Вестник Иван. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». История. Вып. 4, 2011. С. 90 – 96.
30. Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны. (1941 – 1945 гг.) / сост.: А. И. Горшков [и др.] ; ред. С. И. Никишов. Иваново, 1959.

I. S. Tryakhov

**EVERYDAY LIFE OF THE URBAN POPULATION OF THE REAR
IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941 – 1945.
(CASE-STUDY THE CITY OF VLADIMIR)**

The war years not only significantly influenced the Soviet territories temporarily occupied by Germany, but also left an indelible imprint on the rear of the Soviet Union. Hard times have generated new social practices of the population and have negatively affected existing ones. The article examines the main changes in the daily life of a rear city of the average size using the concrete example.

Keywords: The Great Patriotic War, the rear city, everyday life, anti-air and chemical defense (ААНД), housing and communal services, food problem, improvement.

УДК 94 (73)

А. А. Ищенко

**К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОБРАЗА РОССИИ В США
(ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АМЕРИКАНЦЕВ О ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ
И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ)**

В статье исследуется образ современной России в США на основе анализа публикаций о стране ведущих американских исследователей. Автор показывает, что сформированные в начале XX века представления о России в Америке находят свое отражение в современном образе страны.

Ключевые слова: восприятие, стереотип, образ, демократия, партнерство, авторитаризм.

Учитывая современные тенденции развития мира, характеризующиеся нарастанием геополитической напряженности, нельзя умалять значимости объективного и непредвзятого восприятия странами друг друга.

Формирование образа Другого обусловлено целым рядом факторов. На восприятие образа другой страны влияют историческая эпоха, культурно-цивилизационные различия, психологические факторы, стереотипы, угол освещения той или иной тематики в СМИ.

В контексте рассматриваемой проблематики привлекает вопрос о том, насколько образ современной России является отражением традиционно сложившегося на Западе стереотипного видения нашей страны.

В основополагающем исследовании В. И. Журавлевой «Понимание России в США: образы и мифы. 1881 – 1914» подчеркивается, что «в представлениях американцев о России вплоть до рубежа XIX – XX вв. не существовало долгосрочного антирусского тренда и постоянной негативной

составляющей» [3, с. 56]. Исследователь отмечает, что революции 1905 и 1917 гг., а позже распад СССР и завершение холодной войны стали тем периодом, когда начинают формироваться долгосрочные мифы в восприятии России, связанные, с одной стороны, с надеждами модернизировать страну по западному образцу, а с другой, с разочарованиями [3]. Крушение иллюзий о том, что Россия будет следовать опыту США, приводило к актуализации и закреплению суждений о том, что «Запад – дом свободы, разума и развития, а его полной противоположностью является царство деспотизма, мракобесия и стагнации» [20, с. 6]. Идея о том, что «проблемы в России исторически неизбежны или определены культурой развития этой страны и поэтому являются неизбежными» [26, с. 1], приобретала широкое распространение в американском обществе. Формировался негативный имидж лидеров России, «которые были виновны в срыве естественного триумфа американской миссии» [16]. Как справедливо подчеркивают В. И. Журавлева и Д. С. Фоглесонг, исследуя формируемые карикатурами мифы периода XIX – XX вв., американцы всегда создают образ «России, которая им нужна, и легко меняют оценочные суждения с одних на прямо противоположные» [4, с. 261] в зависимости от того, нужно ли им убедиться в достоинствах своей страны или необходимо отвлечь население от проблем в «собственном доме» [Там же].

Анализ работ авторитетных западных исследователей показывает, что возникшие в начале XX в. представления о России сохраняют свое значение

и сейчас, способствуя формированию однобокого восприятия современной страны в США. Изучение российского общества и внутривосточной ситуации в стране является отдельным направлением в американской историографии. С. Вайт, П. Бейкер и С. Глассер, М. Макфол, А. Бейхман, Р. Пайпс, Д. Саттер, С. Фиш, Р. Роуз, В. Мишлер, Н. Монро, Э. Лукас, Т. Макдэниел убеждены в том, что современное российское общество находится в состоянии безысходности и неопределенности, а политика руководства страны имеет явную антидемократическую направленность.

Так, в монографии П. Бейкер и С. Глассер предпринята попытка проанализировать внутреннюю политику России через призму среднестатистической русской семьи. Авторы подчеркивают, что эта семья «парализована стабильностью» [9, с. 312]. Смысл данной фразы заключается в том, что за уверенностью в завтрашнем дне, скрываются нерешенные проблемы развития России и усиление авторитарных тенденций. По мнению авторов, люди в России, как и героиня книги «разрываются между отчаянием и смирением, невозможностью влиять на события» [Там же, с. 314].

Исследователь С. Вайт, говоря о России, убежден, что большинство россиян считают, что сейчас стало намного сложнее оказывать влияние на правительство, чем во времена Советского Союза, и все меньше людей уверены в честности и справедливости власти [29, с. 76]. Автор приходит к выводам о том, что в современной Рос-

сии отсутствует доверие к власти, люди не могут воспользоваться своими правами и повлиять на развитие страны, что доказывает проявление скептического отношения россиян к выборам.

М. Макфол, анализируя формирование гражданского общества в России, характеризует его как «слабое, разобщенное, аполитичное» [22, с. 135]. Партнерству США и России, по мнению исследователя, мешает «углубление авторитарных тенденций» [6] во внутреннем развитии страны. В соавторстве с К. Стонер-Вейс М. Макфол пишет о «возрождении русского самодержавия при Путине» [23].

Крайне негативную оценку правлению В. В. Путина дает А. Бейхман, обращая внимание на отсутствие демократии в России. Феномен «путинизма» автор сравнивает со сталинизмом, отмечая, что «с каждым днем жизнь в России становится все хуже» [10], «люди не имеют права на свободу слова, нет свободной прессы, нет права требовать возмещения ущерба, нет защиты от незаконных обысков и конфискации, нет неприкосновенности личности, что является важной основой любой страны» [Там же].

Известный своими антироссийскими взглядами американский исследователь Р. Пайпс, считает, что именно США должны помочь России принять западные институты власти и демократические ценности. Хотя, как отмечает историк, «это будет болезненный процесс, особенно если правительство России откажется сотрудничать, но, в конечном счете, единственный способ обуздать агрессивность России и инте-

грировать ее в мировое сообщество» [24]. Здесь очень ярко прослеживается восприятие России как «младшего ученика» Америки, который, по мнению многих западных исследователей, не имеет права претендовать на роль равноправного партнера США.

Анализ заявлений политических деятелей США при обсуждении российской темы показывает, что политика Америки направлена на сохранение и закрепление статуса единственной сверхдержавы, недопущение усиления потенциальных противников [5, с. 45]. Демократический путь развития, предполагающий реализацию идеи равенства, не распространяется на сферу международных отношений и не является принципом внешней политики США.

Американский политолог Д. Саттер весьма пессимистично оценивает развитие России, делая акцент на коррумпированности бюрократической системы, «архитектором» [28] которой он считает В. В. Путина. Как и Р. Пайпс, Д. Саттер видит историческую предопределенность стремления России к авторитаризму, отмечая, что в этой стране человеку не хватает независимости, и «государство берет на себя функцию Бога» [Там же], контролируя все сферы жизни общества в России.

Сходное мнение высказывает специалист по России Э. Качинс, характеризуя политический режим в России как «высоко централизованный авторитаризм» [8, с. 4]. Автор пишет о том, что усиление государственного контроля во всех сферах жизни обще-

ства, в том числе и экономической, «душит» [8, с. 7] развитие страны. Возможность изменений во внутренней политике России в сторону демократических преобразований Э. Качинс связывает с уходом с политической сцены В. В. Путина.

С. Фиш, анализируя перспективы развития демократии в России и первые шаги Путина как президента, которыми, как отмечает исследователь, стали «централизация государственной власти, формирование новой идеологии, восстановление контроля над СМИ и развитие политической конкуренции» [15, с. 247], приходит к выводу о том, что «развитие России по сценарию Путина может привести ее к жесткому авторитаризму» [Там же].

По мнению Р. Роуза, В. Мишлера и Н. Монро, неопределенность и безысходность российского общества предопределяет история его развития. Авторы подчеркивают, что «роль русского народа сводилась лишь к тому, чтобы принять то, что предлагали элиты, обосновывая это ценностями святой Руси, идеями марксизма-ленинизма или советским патриотизмом» [25, с. 50]. Ссылаясь на данные социологических опросов, исследователи приходят к выводу о том, что «для среднего россиянина суть нового режима непонятна» [Там же, с. 129]. По мнению авторов, тот факт, что россияне воспринимают режим как нечто среднее между диктатурой и демократией, может заставить людей, выступающих за установление демократического режима, отказаться от него.

Э. Лукас, критикуя Россию, но не ее граждан, отмечает, что «сфера об-

щественных услуг находится в ужасном состоянии, обращение к законодательству несет угрозу нормальной жизни, а не защищает ее» [19, с. 45]. Автор рассматривает процесс упадка политических свобод и механизмы, которые содействуют развитию России от анархии к авторитаризму. Э. Лукас обращает внимание на популярность антиамериканских настроений в стране: «антизападные настроения Кремля создают из Америки монстра, что, в свою очередь, позволяет оправдать авторитаризм в России» [Там же, с. 117]. Необходимо отметить, что автор разделяет настроения правителей России и обычных граждан, указывая, что «несмотря на антизападные настроения элиты, Россия не хочет открытой конфронтации» [Там же].

З. Бжезинский считает, что национальная идентичность в России очень размыта и этот факт осложняет понимание страны: «Путин создал ситуацию, при которой осуждение сталинизма носит очень двойственный характер, нерешительный и частичный» [11, с. 171]. Автор утверждает, что «это не только затрудняет преобразование России, но и заражает русский национализм бациллой, которая может быть очень злоедей – антизападной, антиазиатской, в каком-то смысле расистской» [Там же].

Т. МакДэниел, анализируя феномен русской идеи, подчеркивает, что она логически подразумевает «патерналистическую концепцию государства. Россиян интересует не сама политика, а те люди, которые выступают защитниками русской идеи. Демокра-

тия не имеет силы, чтобы вдохновить людей» [21, с. 51]. Автор отмечает, что «Русская идея имеет антидемократическую направленность» [Там же]. Исследователь приходит к выводу о том, что «так долго, сколько россияне охотно верят в то, что их правители несут какие-то высшие ценности, что делает их правление законным, настолько они будут склонны к пассивности и аполитичности» [Там же, с. 53].

Необходимо подчеркнуть, что в историографии образа России на Западе оформилось противоположное направление, нацеленное на выявление причин негативного восприятия страны в США, в основе которого лежит «одномерный» и стереотипный образ России. Прежде всего, это работы Д. Дэвиса и Ю. Трани, М. Малия, А. Ливена, Н. Робинсона, Д. Энгермана, Д. Фоглесонга, Р. Геттемюллер, Дж. Хоскинга, Д. Биллингтона. Исследователи приходят к выводу о взаимообусловленности имиджа России в США и политики Америки, когда удовлетворение внешнеполитических амбиций Вашингтона становится главным фактором восприятия нашей страны.

Интересна точка зрения Ю. Трани, который, ссылаясь на личные впечатления от посещения Москвы и Санкт-Петербурга, пишет о том, что эти города «являются полной противоположностью образа России, формируемого СМИ и политиками США» [12, с. 356]. Для него, как отмечает исследователь, «это была Россия, у которой есть все самое необходимое и которая готова для совместной борьбы с терроризмом, решения вопросов о нераспро-

странении ядерного оружия, так жизненно важных для США» [12, с. 356].

Историк и политолог А. Ливен в монографии «Америка, права она или не права: анатомия американского национализма», анализируя влияние национализма на политику США, останавливается на вопросе восприятия России. Автор отмечает, что из-за развитого чувства национализма, после падения коммунизма, Америка, вместо того чтобы использовать этот момент для создания «союза держав», стала искать новых врагов [18].

А. Ливен подчеркивает, что «на протяжении 1990-х гг. влиятельные комментаторы продолжали преувеличивать как военную мощь, так и агрессивность России и русских, во многих кругах это преувеличение сопровождалось попытками представить русский народ как враждебно империалистический, с заявлениями о том, что «экспансионизм у русских заложен ДНК» [Там же, с. 161]. Рассуждая о перспективах российско-американских отношений, автор приходит к выводу о том, что восприятие России и отношение к стране на Западе улучшится только тогда, когда Россия будет подчиняться желаниям Америки.

Профессор политологии К. Девисе, отмечая огромную значимость взаимовосприятия Америки и России, подчеркивает, что страны постоянно сравнивают себя друг с другом и «каждая служит зеркалом для другой, которое иногда отражало собственные недостатки, а иногда использовалось, чтобы завуалировать их» [13]. Автор отмечает, что для Америки Россия все-

гда была «символом самодержавия, тоталитаризма, на фоне которого все наши системы выглядели так хорошо» [Там же]. По мнению исследователя, историография образа России на Западе строится исходя из концепции, что все негативные моменты в истории развития России считаются для нее нормальным положением дел, а все положительные тенденции не больше чем исключением. Таким образом, К. Девинше приходит к выводу о том, что для США «Россия является особенно чужой и непонятной страной, большой, экспансионистской, неразвивающейся, варварской» [Там же].

По мнению американского историка М. Малия, образ России в США строится через призму ее прошлого. Исследователь считает, что причиной враждебности США по отношению к России не является проявление агрессивности со стороны нашей страны. Причиной негативного восприятия России на Западе являются действия политической власти Америки [20].

Как справедливо отмечает Д. Фоглсонг, Америка должна отказаться от предвзятости по отношению к России и найти более тонкий подход, способствующий улучшению ее развития.

Н. Робинсон подчеркивает, что нельзя воспринимать страну сквозь призму односторонних убеждений, необходимо комплексно рассматривать историю ее развития, которая зависит от целого ряда факторов: «лидеров, идеологии, давления модернизации и соотношения сил на международной арене» [26, с. 2].

Американский историк Д. Энгерман, исследуя факторы, влияющие на

образ России в США, считает, что эксперты часто использовали национальные стереотипы, которые служили для того, что показать неспособность России и Советского Союза развиваться в современном мире. Например, стереотип о том, что «долгие зимы сделали русских пассивными, а бесконечные равнины подавленными» [14, с. 352]. Также автор подчеркивает, что «американские эксперты сосредоточились лишь на политике, а необходимость знания культурного контекста, языка, личного знакомства со страной, которую они изучают, становится все менее значимой» [Там же, с. 336]. Данная тенденция не может способствовать увеличению объективности в восприятии образа России в США.

А. Роксбург в работе «Что мы думаем о России?» подчеркивает, что в США всегда существовали два диаметрально противоположных взгляда на Россию: через призму ее советского прошлого, что, например, продемонстрировала Кондолиза Райс, и более объективное восприятие России как страны, у которой «есть законное право ожидать, что с ее голосом будут считаться и ее интересы будут учитывать» [27, с. 88]. Но, как подчеркивает автор, «политика в отношении России зависит в большей степени от тех, кто просто ей не доверяет» [Там же, с. 89].

Р. Геттемюллер отмечает, что «в глазах американцев Россия предстает одномерной страной, в которой мало что заслуживает положительных отзывов, но очень многое вызывает тревогу» [2, с. 54]. Автор подчеркивает, что критическое начало в восприятии России является своего рода «установкой по умолчанию» [Там же]. Причины нега-

тивного отношения к России, по мнению Р. Геттемюллер, связаны с памятью о временах холодной войны, заявлениями и действиями российского руководства на международном уровне [Там же].

В монографии «Россия: народ и империя (1552 – 1917)» исследователь Дж. Хоскинг замечает, что понятия «самодержавие» и «отсталость» являются определяющими в оценке России, и призывает США по-новому оценить историю страны [7].

Д. Биллингтон в монографии «Россия в поисках себя» отмечает, что нельзя формировать отношение к стране исходя из убеждения, что «русские от природы не способны к демократии» [1, с. 16], или считая, что «единственная идентичность, которой может удовлетвориться русский народ, это неоимперский негативный национализм, сосредотачивающий все внимание на внешних врагах» [Там же].

Следует выделить точку зрения ряда экспертов, по мнению которых восприятие России в США обусловлено чувством русофобии со стороны некоторых исследователей и политических деятелей. Так П. Армстронг, аналитик по вопросам обороны, относит к русофобам Ариэля Коэна, Ричарда Пайпса, Уильяма Сэфайера, Джорджа Уилла, Генри Киссинджера, для которых «Россия, независимо от цвета ее флага, является вечным врагом» [17].

Таким образом, изучение американской историографии социального и внутривнутриполитического развития России

показывает, что многие зарубежные исследователи глубоко убеждены в том, что современное российское общество находится в состоянии безысходности, неопределенности, нестабильности, а политика руководства страны имеет явную антидемократическую направленность. Россия воспринимается как страна, которой чужды так высоко значимые в западном обществе демократические ценности. Пассивно-адаптационная составляющая российского общества еще более сильно укрепляет убеждение в смиренности и нежелании бороться за то, что является основой американской цивилизации.

Данные факторы способствуют восприятию России как «чужой», «непонятной» страны, которой управляет «авторитарный» лидер. Крайняя категоричность выводов авторов данных исследователей препятствует формированию объективного восприятия России в США и показывает, что определяющим вектором восприятия современной России остаётся исторически сложившееся стереотипное видение страны.

Одновременно, некоторые из американских исследователей признают необъективный и узкий подход в интерпретации событий в России, когда эксплуатируются стереотипы о ее агрессивности и жестокости, а проблемы, существующие во внутреннем развитии страны, часто преувеличиваются.

Библиографические ссылки

1. Биллингтон Д. Россия в поисках себя : пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 224 с.
2. Геттемюллер Р. Россия глазами американцев // Pro et Contra. 2007. № 2. С. 54 – 64.
3. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881 – 1914. М. : РГГУ, 2012. 1136 с.
4. Журавлева В. И., Фоглесонг Д. С. Конструирование образа России в американской политической карикатуре XX в. // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII – XX вв. М. : ИВИ РАН, 2008. С. 189 – 262.
5. Ищенко А. А. Формирование взаимных представлений России и США в годы первого президентства В. В. Путина // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 1 (5). С. 43 – 50.
6. Макфол М. Новый разговор с Россией // Россия в глобальной политике. 2004. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_3954 (дата обращения: 17.10.2017).
7. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552 – 1917) : пер. с англ. Смоленск : Русич, 2000. 512 с.
8. Alternative futures for Russia to 2017 / Andrew C. Kuchins. Washington, D. C. : The CSIS Press, November, 2007. 70 p.
9. Baker P., Glasser S. Kremlin Rising. New York : Scriber, 2005. 464 p.
10. Beichman A. The Perils of Putinism. April 1, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hoover.org/publications/hoover-digest/article/5890> (дата обращения: 17.08.2017).
11. Brzezinski Z., Scowcroft B., Ignatius D. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. New York : Basic Books. 2008. 304 p.
12. Davis D. E., Trani E. P. Distorted Mirrors: Americans and Their Relations with Russia and China in the 20th Century. Columbia : University Of Missouri Press, 2009. 472 p.
13. Dawisha K., Walter E. Mirror and Mask in America's Image of Russia Inaugural Address : Miami University. March 22, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inag.pdf> (дата обращения: 17.08.2017).
14. Engerman D. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2003. 352 p.
15. Fish S. Putin's path // Democracy after Communism. 2002. Aug. 21.
16. Foglesong D. The American Mission and Today's Russia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cupblog.wordpress.com/2008/05/12/whats-with-the-panic-over-russia/> (дата обращения: 17.08.2017).

17. Lavelle P. RP's Weekly Experts' Panel: Deconstructing «Russophobia» and «Russo-centric» // Russia Profile 10.07.2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russiaprofile.org/experts_panel/a5244.html (дата обращения: 14.08.2017).
18. Lieven A. *America Right or Wrong: An Anatomy of American Nationalism*. New York : Oxford University Press, 2004. 272 p.
19. Lucas E. *The New Cold War. Putin's Russia and the Threat to the West*. New York : Palgrave Macmillan, 2009. 272 p.
20. Malia M. E. *Russia under western eyes from the bronze horseman to the Lenin mausoleum*. Cambridge, Massachusetts : Harvard. University Press, 1999. 528 p.
21. McDaniel T. *The Agony of the Russian idea*. Princeton, New Jersey. 1996. 210 p.
22. McFaul M., Petrov N., Ryabov A. *Between Dictatorship and Democracy: Russian post-communist political reform*. Washington, DC. : Carnegie Endowment for International Peace, 2004. 364 p.
23. McFaul M., Stoner-Weiss K. *Putin's Flawed Model*. 2008. Apr. 17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hoover.org/publications/hoover-digest/article/5820> (дата обращения: 17.09.2017).
24. Pipes R. *Pride and Power* // *The Wall Street Journal*. 2009. Aug. 24.
25. *Popular support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians* / R. Rose, W. Mishler, N. Monro. 2011. 206 p.
26. Robinson N. *Russia A state of uncertainty*. New York : Taylor & Francis e-Library, 2004. 216 p.
27. Roxburgh A. *The Strongman: Vladimir Putin and the Struggle for Russia*. New York: I. B. Tauris. 2012. 338 p.
28. Satter D. *Putin Needed to Hear It*. 2007. Oct. 19 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hoover.org/publications/hoover-digest/article/5880> (дата обращения: 17.08.2017).
29. White S. *Russia's Disempowered Electorate* // *Russian Politics under Putin* / C. Ross. N. Y. : Manchester University Press, 2004. P. 76 – 92.

A. A. Ishchenko

**REVISITING THE CONTINUITY OF RUSSIA'S IMAGE
IN THE USA (AMERICANS' PERCEPTIONS OF POST-REVOLUTIONARY
AND MODERN RUSSIA)**

The article deals with the image of modern Russia in the USA through the analysis of leading American researchers' publications about Russia. The author reveals that the perceptions about Russia formed at the beginning of the XX century are reflected in the modern image of the country.

Keywords: perception, stereotype, image, democracy, partnership, authoritarianism

**МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1990 – 1995 гг.)**

Объектом настоящего исследования является процесс возникновения и организационного оформления приходов Русской Православной Церкви Заграницей (далее РПЦЗ) на канонической территории Московского Патриархата, ставший возможным в результате демократических преобразований на территории бывшего СССР и кардинального изменения церковно-государственных отношений в постперестроечной России. Предметом исследования являются богословские и публицистические творения члена Архиерейского Собора РПЦЗ – епископа Григория (Граббе) в связи с его активной ролью в миссионерской деятельности Архиерейского Синода РПЦЗ и апологией идеологии «Белой Церкви» в полемике с представителями Православия в Отечестве.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ), Архиерейский Синод РПЦЗ, каноническая территория, епископ Григорий (Граббе), Первоиерарх РПЦЗ, Суздальско-Владимирская епархия РПЦЗ, церковно-государственные отношения, свобода совести, «сергианство», мировое Православие, экуменическое движение.

Перестройка и стратегия Архиерейского Синода РПЦЗ в России

В начале 1990-х гг. многие зарубежные епископы-эмигранты связывали происходящие в СССР процессы с возможностью обновления Православной Церкви и реставрации в России дореволюционных церковных устоев. Однако после ознакомления с содержанием доклада епископа Григория большинство архиереев РПЦЗ заняли настороженную позицию, что и привело в итоге к принятию решения об открытии параллельных епархиальных структур Зарубежной Церкви и объявлению постсоветского пространства «миссионерской территорией».

Епископ Григорий регулярно информировал Архиерейский Синод о происходящих в российских епархиях

РПЦЗ событиях¹. Так, в докладе от 17/30 сентября 1990 г. [6, с. 66] констатируются позитивные перемены в СССР, заключающиеся в изменении церковно-государственных отношений, в то же время обращается внимание на отсутствие под ними четкой законодательной базы: «Напечатание в газете жития св. мученицы Вел. Княгини Елизаветы Феодоровны, конечно, явление положительное. Но когда допускаются такие поправки, не имеющие в основе разрешения в законе, – этого доста-

¹ В 1990 г. в России уже около десяти лет существовала Тамбовская и Моршанская епархия РПЦЗ, возглавляемая епископом Лазарем (Журбенко). В 1991 г. появилась Владимирская и Суздальская епархия РПЦЗ, возглавляемая епископом Валентином (Русанцовым).

точно, чтобы мы не забывали, что СССР остается государством идейно-коммунистическим». Об этом неоднократно напоминал и сам Горбачев.

Существует большая разница между неприменением ограничительных законов на практике и их полной отменой. Формула Горбачева, что разрешается все то, что не запрещено, носит сугубо тактический, а не законодательный характер: сегодня так, а завтра может быть иначе. Так было со сталинским временным прекращением гонений Сергиевского управления, легко заменившимся брежневским гонением. Институт уполномоченных и теперь остается в силе и еще дает о себе знать. Сейчас в СССР бывают перемены бытовые, а никак не основная перемена. Поэтому остаются в силе анафемы Всероссийского Собора и Патриарха Тихона, никаким Собором не снятые. Многим так хочется соединения с Московской Патриархией, что об этом, увы, даже церковные люди иногда забывают. Они также не замечают, что Московская Патриархия изменила догмат о Церкви, проповедуя протестантское учение, противоречащее православному» [6, с. 66].

Епископ Григорий подчеркивает, что роль уполномоченных по делам религий при областных исполнительных Советах остается прежней и это крайне отрицательно отражается на духовенстве Московского Патриархата [Там же, с. 67].

В докладе подробно комментируется интервью архиепископа Смоленского и Калининградского Кирилла²,

² Ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси.

опубликованное в Московском Церковном Вестнике в номере от 17 декабря 1989 г.: «Беседа Архиепископа Кирилла не обошла молчанием и Зарубежную Церковь. Он не сказал ничего конкретного на вопрос о ней корреспондента. Архиепископ объяснил, что «богословских разногласий у нас с нею нет, но нет и полного общения. Причина – политическая ситуация, сложившаяся в нашей стране после революции. Я себе не представляю, чтобы это разделение могло продолжаться долгое время» [Там же, с. 68].

В заключение доклада делается однозначный вывод о невозможности объединения Церквей, пока не произошла перемена в концепции советской власти: «Должна быть реальная и существенная перемена в характере и целях советской власти, чтобы мы могли думать о каких бы то ни было соглашениях. Иначе мы существенно подорвали бы у верующих доверие к Зарубежной Церкви и сделали бы невозможной какую бы то ни было работу Владыки Лазаря» [Там же, с. 69].

Итоги организационного оформления приходов РПЦЗ в России

Проанализировав первый этап организационного оформления приходов РПЦЗ в России, в сентябре 1990 г. епископ Григорий сделал доклад, основанный на фактическом материале. Докладчик характеризует стратегию Архиерейского Синода РПЦЗ в России как наступление на безбожие: «Из оборонительной войны против безбожия мы на русской территории перешли в наступление. Сейчас и тактика КГБ силой обстоятельств должна меняться. Слава Богу, мы имеем на тер-

ритории России своего Епископа, вышедшего недавно из спасительных катакомб. Но если мы желаем ко времени Антихриста уже иметь в России больше спасаемых, то нам надо от оборонительной тактики борьбы со злом перейти к более решительной и наступательной» [11, с. 70].

В качестве одной из мер, содействующих успеху миссии РПЦЗ в России, епископ Григорий предлагает облегчить переход духовенства епархий Московского Патриархата в российские епархии РПЦЗ: «Из истории прежних гонений мы знаем, что после их остановки миссионерская работа с успехом велась не только, а иногда не столько выходцами из катакомб, а людьми иногда столь же неожиданными, как Савл, с другим характером, более готовыми на риск, что при более массовом обращении в наших рядах может оказаться кто-то с незамеченными поначалу минусами. Я поэтому полагаю, что нам надо теперь облегчить условия приема верующих, особенно из духовенства Патриархии, и непременно возможно скорее усилить нашу иерархию в России. Ведь сколько времени прошло, а у нас не вырос список кандидатов во епископы, без епископов не может расти духовенство» [Там же] и незамедлительно рукоположить архимандрита Валентина (Русанцова) в сан епископа.

Начало диалога между представителями РПЦЗ и Московским Патриархатом

После открытия в России параллельных церковных структур РПЦЗ вопрос диалога между представителями Зарубежной Церкви и Московского Патриархата особенно актуализировал-

ся. Первым архиереем РПЦЗ в епархии которого стали осуществляться систематические собеседования, стал архиепископ Берлинский и Германский Марк (Ардт). В этой связи епископ Григорий поставил перед Первоиерархом РПЦЗ митрополитом Виталием (Устиновым) вопрос о правомочности участия епископата и клириков РПЦЗ в подобных мероприятиях: «В вестнике Германской Епархии (№ 1, 1993) было помещено послание Преосвященного Архиепископа Марка, в котором говорилось: «Наша епархия не упускала возможностей вести серьезный диалог. Представители нашей епархии неоднократно участвовали в собеседованиях с представителями Московской Патриархии. Выражая готовность развивать диалог в дальнейшем, мы шли до самого крайнего предела, допускаемого нашим Архиерейским Собором» [8, с. 72].

Было ли постановление нашего Синода или Собора о том, что Арх. Марку или вообще кому-либо из наших Преосвященных поручалось встречаться с представителями Московской Патриархии и вести с ними диалоги от имени Зарубежной Церкви и даже какой-либо отдельной епархии? Мне лично такие постановления неизвестны» [Там же].

Вопрос, поднятый епископом Григорием, стал предметом обсуждения на осенней сессии Архиерейского Синода РПЦЗ в сентябре 1993 года, на котором в адрес деятельности архиепископа Марка не было вынесено ни одобрения, ни порицания, в результате чего переговоры в Германской епархии РПЦЗ продолжились.

**Анализ деятельности в Москве
Синодального представителя РПЦЗ**

В 1993 г. Архиерейский Синод РПЦЗ направил в Россию своего представителя епископа Каннского Варнаву (Прокофьева) с широкими полномочиями от имени Первоиерарха РПЦЗ митрополита Виталия представлять интересы Зарубежной Церкви и осуществлять помощь российским преосвященным в становлении их епархий. Однако деятельность синодального представителя вопреки поставленным перед ним задачам нанесла большой вред имиджу РПЦЗ в большинстве ее вновь образованных приходов. Перечень канонических нарушений епископ Григорий заключил в докладе «По делу Епископа Варнавы»:

«1) Епископ Варнава принял в свое ведение протоиерея А. Аверьянова, архим. Иосифа и еще несколько клириков, запрещенных в служении Архиепископом Лазарем, что явилось одной из причин его ухода от нас (Апост.12,32,33; I Всел.Соб.5,15; IV Всел.Соб.8,20; VI Всел.Соб.17).

2) Вмешался в дела Суздальской епархии и над чужим клириком в чужой епархии устроил суд, состоящий из запрещенных в служении клириков под своим возглавлением, о чем судимый клирик узнал из газетного сообщения. В нашей Церкви это преступление не имеет прецедента.

3) Епископ Валентин письменно жаловался и Синоду, и Собору на вмешательство Епископа Варнавы в дела его епархии, и хотя жалоба и была прочитана на Соборе, она осталась без внимания.

4) Епископом Варнавой был принят в свое ведение священник Астахов, запрещенный Архиепископом Марком за незаконное сожителство с женщиной. Он сам подтвердил этот факт перед всем нашим Собором.

5) Без каких-либо полномочий претендовал на управление всеми приходами в России, не считаясь ни с кем из уже действовавших там трех архиереев³. Если положение приходов в России иным членам Собора представляется смутным, то это все же никак не оправдывает вмешательства в их дела четвертого архиерея без Соборного постановления.

6) Когда обнаружилась вероятность вынужденного отъезда из Москвы Епископа Варнавы, то он самочинно и собственноручно разбил престол и иконостас в храме Марфо-Мариинской общины. Помимо личного свидетельства об этом Синоду заведующей Марфо-Мариинской клиникой, Др. Р. А. Помыркиной, как я слышал, имеется снятый при этом фильм, который демонстрировался членам Синода.

7) Духовенство наших приходов в России, как это выяснилось на Съезде его в Суздале, соблазняется делами Епископа Варнавы, а количество преступлений, совершенных им в нарушение канонов, признанных и засвидетельствованных им в подписании протоколов Собора, делает излишним какое-либо следствие.

³ Имеются в виду: архиепископ Тамбовский и Моршанский Лазарь (Журбенко), епископ Черноморский и Кубанский Вениамин (Русаленко) и епископ Суздальский и Владимирский Валентин (Русанцов).

Оставление же стольких канонических преступлений без внимания подрывает порядок в жизни нашей Церкви и может действовать разлагающе на все течение ее жизни. Епископ Варнава подлежит лишению сана, и другое определение о нем возможно только по соборному о нем определению» [9, с. 74].

Архиерейский Синод РПЦЗ, заслушав доклад епископа Григория и рассмотрев все факты нарушений канонов епископом Варнавой, принял решение об отзыве синодального представителя из России и о назначении вместо него епископа РПЦЗ Михаила (Донскова) и протоиерея Константина (Федорова).

Непродуманные действия в России синодального представителя, увольнение на покой архиепископа Лазаря и епископа Валентина, отсутствие реакции Архиерейского Синода РПЦЗ на жалобы российских преосвященных, привели к тому, что в 1994 г. архиереи Лазарь и Валентин образовали Временное Высшее Церковное Управление (ВВЦУ), административно самостоятельный орган управления российскими епархиями РПЦЗ. Это событие вызвало крайне негативную реакцию в Архиерейском Синоде РПЦЗ.

Следующий доклад епископа Григория посвящен анализу сложившегося в российских приходах РПЦЗ положения и указывает членам Архиерейского Синода РПЦЗ на их вину за фактический провал миссии Зарубежной Церкви в России:

«1) Первый потрудившийся в России Епископ Варнава совершил ряд серьезных неканонических актов и по своим деяниям там подлежит суду,

вследствие чего не имеет права голоса. Епископ Варнава в нескольких случаях распорядился по епархиальным делам в России, минуя уже имеющихся там Российских Архиереев. Он единолично совершил суд над неподчиненным ему клириком и без ведома Архиерейского Синода разослал собственный указ с сообщением об увольнении на покой Архиепископа Лазаря и Епископа Валентина и о подчинении ему одному ВСЕХ приходов в России. Он также без представления к награде Синоду самостоятельно возвел диакона в сан протодиакона (кстати, вскоре ушедшего в Московскую Патриархию), и все это сходило ему с рук, даже после того, что он в своем докладе признавался в совершении преступлений перед лицом всего Архиерейского Собора и подписал об этом протокол.

Только на одном из последних заседаний Синода было постановлено затребовать у него объяснений, но без наложения запрещения, вопреки принятому ранее порядку о производстве дел, которые караются лишением сана. Несмотря на все это, он даже принимал участие в совершении архиерейских хиротоний.

2) Правящий Архиепископ Лазарь почувствовал, что в Синоде с ним совершенно не считаются, и поэтому условно отделился от нас. Наш Синод реагировал на этот объяснительный доклад не разбором жалобы Архиепископа Лазаря, а немедленным увольнением его на покой.

3) Епископ Валентин тоже не мирился с противоречащими канонам вмешательствами в дела его епархии, исходившими сверху. Он жаловался Синоду и на действия Епископа Вар-

навы, и на наше слишком легкое отношение к нарушению канонических епархиальных границ, не жалуясь, однако, на старших» [7, с. 76].

Епископ Григорий устанавливает прямую зависимость между нестроениями в деятельности российских подразделений РПЦЗ и возможностью дестабилизации обстановки в зарубежных епархиях этой юрисдикции: «Мы должны иметь в виду, что, кроме уже имеющихся трудностей в России, в случае какой-либо ошибки с нашей стороны мы можем вызвать большие проблемы и у нас за границей. Далеко не всем Преосвященным заметно, что у нас и в народе, и в духовенстве уже есть много недовольных критиков нашего священноначалия. Замеченные недостатки в нашем управлении, сказавшись на приходах в России, легко могут перенести болезнь и к нам за границу. Для этого достаточно было бы одного широко известного настоятеля, который присоединился бы к Российской Церкви, и за ним легко могли бы последовать все недовольные» [Там же, с. 77 – 78].

Канонический статус приходов РПЦЗ в России

Призывая своих братьев-архиереев не вмешиваться в дела российских преосвященных и позволить им самостоятельно руководить более чем ста легальными приходами, епископ Григорий делает вывод: «Самый первый параграф «Положения о Русской Православной Церкви Заграницей» говорит, что «Русская Православная Церковь Заграницей есть неразрывная часть Российской Поместной Церкви, временно самоуправляющаяся на соборных началах до упразднения в Рос-

сии безбожной власти в соответствии с постановлением Св. Патриарха, Св. Синода и Высшего Церковного Совета Российской Церкви от 7/20 ноября 1920 г. за № 362.

Если мы сейчас доведем Российских Архиереев до желания прервать административную связь с Зарубежной Церковью, то не спросит ли нас наконец наша заграничная паства: а о каком же «Епископстве Церкви Российской» все еще молятся в наших храмах? Если же нам изъять эти слова из ектений, то мы лишь официально заявили бы, что больше не являемся частью Российской Церкви.

Не станем ли мы тогда на опасный и весьма сомнительный канонический путь автономного существования, но уже без Патриаршего благословения и вне Российской Церкви, частью которой до сих пор мы всегда себя исповедовали? Не приведет ли нас такой шаг к состоянию раскола в самой Зарубежной Церкви и даже, не дай Бог, опасности образования секты?» [Там же, с. 78].

Предостерегая членов Архиерейского Синода РПЦЗ от предельно строгих канонических мер по отношению к российским преосвященным, епископ Григорий советует: «Нам необходимо очень внимательно ознакомиться с настроениями, проявившимися у духовенства в Суздальской епархии, чтобы в свою очередь оценить и те нестроения, с которыми могут быть приняты ими наши решения здесь о Церкви в России.

Не увидим ли мы тогда, что одно – когда Церковь оказывает помощь Российской Церкви при восстановлении в ней канонической иерархии, а совсем другое – когда мы претендуем на

управление всей Российской областью из-за границы, что никоим образом не предусматривается ни одним параграфом «Положения о Русской Православной Церкви Заграницей» и никогда ни в одном из наших последующих постановлений не имелось в виду?» [7, с. 79].

В заключительной части доклада делается однозначный вывод о необходимости дать российским епархиям РПЦЗ абсолютную административную самостоятельность: «Самостоятельное существование Российской Свободной Церкви исторически уже созрело – оно фактически стало уже неизбежным. Однако очень важно, чтобы это событие произошло в форме церковного строительства и по инициативе нашего Первоиерарха, который ранее уже сделал первый шаг в этом направлении, открыв первый официальный приход Зарубежной Церкви в Суздале. Наоборот, вынужденное отделение от нас епархий Российской Свободной Церкви приведет только к страшным потрясениям в России и частично у нас» [Там же, с. 80].

Образовавшееся в Суздале Временное Высшее Церковное Управление (ВВЦУ) постановило продолжать возношение имени Первоиерарха РПЦЗ митрополита Виталия (Устинова) на богослужениях, при прекращении административного подчинения Архиерейскому Синоду. В этой связи большой интерес у исследователей вызывает личная переписка епископа Григория с митрополитом Виталием.

Одновременно епископ Григорий пытался убедить митрополита Виталия в необходимости всячески поддержать инициативу российских архиереев РПЦЗ: «...У нас с Вами разница в том,

что Вы поначалу приняли Владыку Валентина и его клир с доверием и любовью (о чем он вспоминает с благодарностью к Вам), а потом под влиянием инсинуаций Аверьянова (вероятного агента и провокатора) через епископа Варнаву наложили на него штамп обвиняемого, формально этого не объявляя. Несмотря на это, его епархия доросла почти до ста приходов, что никак и никогда не учитывалось Синодом, как будто эти приходы не состоят из живых православных душ. Приходы Владыки Лазаря и Владыки Валентина, несмотря ни на какие препятствия, не только не распадаются, но и продолжают расти без помощи Синода вот уже третий год. Тем не менее в Синоде продолжали к их создателям относиться как к обвиняемым: с ними не сносились, ничего им не сообщали, не отвечали на их запросы и просьбы и даже не снабдили антиминосими! За это время Владыка Валентин (как он сетовал в письме мне) получил всего лишь 12 платов. Пока Синод перед лицом одновременной травли Российских архиереев Епископом Варнавой и Московской Патриархией отмалчивался ответами им, у них шла интенсивная работа, которую, с несравненной и ничем не заслуженной строгостью мы стали прерывать, не интересуясь при этом последствиями для дела их миссии и самого существования присоединившихся к нам приходов. Если и возникали там проблемы, вызванные незаконным вмешательством наших Архиереев в дела Российских Епископов, то наш Синод старался урегулировать их только прещениями обиженным, а не управлением на основании канонов.

Не считаться с ростом жизни приходов Российских Архиереев и попытки запереть их в пределы схизмы могут привести в России к обратным результатам. Удивительно, что они еще вовсе не оттолкнулись от Синода.

У нас никогда не объявляли остановки хиротоний для России, но вот уже три года по разным основаниям даже и списка кандидатов не одобряли, хотя Владыка Валентин такой список представил и даже привез с собой одного из кандидатов (архимандрита Федора), который всем понравился...

Почему же не заняться строительством церковной жизни, вместо того чтобы ожидать анархии, как опасаетесь этого Вы?» [15].

Реакция Первоиерарха РПЦЗ митрополита Виталия (Устинова)

Первоиерарх РПЦЗ крайне отрицательно отнесся к деятельности Епископа Григория, направленной на поддержку епископа Валентина и рукоположенных в Суздале архиереев. Отвечая на вышецитированное письмо, митрополит указывает на ошибочные взгляды епископа Григория в оценке ситуации с приходами РПЦЗ в России в начале 1994 года: «Ваша главная капитальная ошибка, Владыко, во всей этой смуте и в Ваших рассуждениях это то, что Вы предписываете административному указу, временного характера, Святейшего и Святого Патриарха, силу и значение канона. За эти 70 с лишним лет нашего законного существования, на основании именно этого указа, не нашлось ни одной хоть самой незначительной группы, двух или трех епископов в Совдепии, которые воспользовались бы этим патриаршим

указом. Только нашей Русской Православной Зарубежной Церкви и было Богом дано, промыслительно, это законное существование. И потому мы являемся единственным организмом законной церковной власти для всех русских православных людей в России и в рассеянии сущих и больше нет никакой власти законной во всем мире. Никакие каноны не могут оправдать бунт двух архиереев и сделать из них законное высшее управление Российской Церкви.

Я уверен, что через пару лет, когда эти два архиерея рукоположат до 20 и, может быть, больше архиереев, то непременно они поссорятся и какая-то группа уйдет и заявит свое происхождение от Патриаршего указа! И где же конец этим попыткам? Итак, епископы Лазарь и Валентин рапахнули настежь двери анархии в управлении Российской Церкви» [16]. Развивая мысль о недопустимости самостоятельного, независимого от контроля со стороны Архиерейского Синода РПЦЗ существования российских приходов, митрополит пишет и о недопустимости литургического поминовения его на богослужениях: «Что касается желания этих двух архиереев молиться за меня, которое Вы, Владыко, превращаете в вашем сознании в молитвенное общение, то смею Вам напомнить нашего незаурядного канониста Епископа Иоанна Смоленского. Последний утверждает, что поминание молитвенное имени митрополита и епископа на ектениях не столько молитвенное возношение о здравии митрополита или епископа, сколько указание на иерархическое послушание данного

священника и его прихода определенному архиерею...Из этого ясно, что молиться за меня и не подчиняться – это каноническое невежество». [16]. Осознавая ненормальность сложившейся в российских структурах РПЦЗ ситуации, Первоиерарх РПЦЗ оставался убежденным противником наделения их административной самостоятельностью.

Кризис миссии РПЦЗ

Создавшаяся ситуация в отношениях между российскими преосвященными и Архиерейским синодом РПЦЗ фактически означала полный разрыв и осознавалась на первоначальном этапе обеими сторонами как ненормальная и пагубная для дальнейшей деятельности в России. Желая содействовать примирению, епископ Григорий делает попытку оправдать действия архиепископа Лазаря и епископа Валентина: «Обвиняя Российских Преосвященных в незаконности образованного ими Временного Высшего Церковного Управления и цитируя некоторые части их постановления, определение Синода совершенно игнорирует всю обвинительную мотивировку этих Преосвященных, которая и вынудила их прервать с Архиерейским Синодом административную связь.

Этот съезд явился прямым следствием многочисленных и серьезных нарушений канонов нашими Архиереями, к сожалению, и самим Первоиерархом. Поскольку на все просьбы, жалобы и запросы на имя Митрополита и Синода почти два года подряд не следовало никакой реакции, в мае 1993 г. заявил о своем выходе из административного подчинения Синоду Архиепи-

скоп Лазарь, а в феврале текущего года вынужден был сделать то же самое и Еп. Валентин». [Там же, с. 80].

В общих чертах оправдывая действия российских преосвященных, выразившиеся в выходе из административного подчинения Архиерейскому Синоду РПЦЗ, епископ Григорий делает вывод: «Из всего ведения церковных дел в России видно, что мы в Загубежье показали свою полную неспособность разобраться в церковных обстоятельствах в России, а к тому же наше собственное «Положение о Русской Православной Церкви Заграницей» никак не предвидит возможностей для нашего управления епархиями Русской Церкви в России» [10, с. 81 – 82].

Канонический анализ «Устава представительства РПЦЗ в России»

Последней попыткой примирить Архиерейский Синод РПЦЗ и российских архиереев Лазаря и Валентина со стороны епископа Григория стала попытка подвести под образование ВВЦУ в России каноническую базу. Одним из последних докладов епископа Григория секретарю Архиерейского Синода архиепископу Лавру (Шкурла) стал анализ проекта Устава представительства РПЦЗ в России, опубликованного в № 1 – 2 «Церковной Жизни» за 1994 год. Автором проекта являлся архиепископ Берлинский и Германский Марк, текст проекта был одобрен на заседании Архиерейского Синода РПЦЗ: «В принципе, с самого начала я считал представительство нашей Церкви в России при наличии там трех архиереев, их которых Епископ Валентин был и членом Архиерейского Си-

нода, обидным для Российских архиереев и поэтому ненужным. Назначение таким представителем Епископа Варнавы привело только к ужасному каноническому хаосу и соблазну для десятков тысяч православных душ.

Назначение туда в таком качестве священника делает положение дел еще более запутанным⁴.

Пятый пункт проекта (а) говорит о «принятии клириков в письменном виде» и подготовке «всех документов для рассмотрения приезжающими архиереями».

(б) Прием прошений всякого рода от наших клириков и приходов для рассмотрения архиереями.

Каноническое право не знает примера руководства церковной жизнью путем наезжающих время от времени Архиереев. Оно говорит только об одном епископе, который правит своею областью единолично» [5, с. 83].

Поездка в Суздаль

Не встретив со стороны Первоиерарха и членов Архиерейского Синода РПЦЗ понимания своим устремлениям поддержать российских архиереев и духовенство, создавшее ВВЦУ, в мае 1995 г. престарелый епископ Григорий совершил поездку в Россию, в Суз-

⁴ После освобождения епископа Варнавы от должности Синодального представителя в России новыми представителями Синод назначает протоиерея Константина Федорова, настоятеля Новой Коренной Пустыни под Нью-Йорком и священника Симеона Донского из Брюсселя. Фактически обязанности Представителя исполнял только протоиерей Константин Федоров, периодически приезжавший в Россию и осуществлявший взаимосвязь Синода и подчинявшихся ему непосредственно российских приходов [12, с. 44 – 45].

даль. В Суздале он участвовал в богослужениях, заседаниях Архиерейского Синода РПЦ⁵, оказав этим визитом неоценимую поддержку епископу Валентину и поддержавшему его духовенству теперь уже бывшей Суздальско-Владимирской епархии РПЦЗ.

Интервью, данное епископом Григорием после совершения Божественной Литургии в Кресто-Никольском храме Суздаля 22 мая 1995 г., было опубликовано в печатном органе Суздальского Епархиального Управления РПЦ «Суздальские епархиальные ведомости» и в ряде светских СМИ [4; 18].

Наибольший интерес представляют ответы на вопросы, связанные с обоснованием канонического бытия Суздальской епархии после создания ВВЦУ и выхода епископа Валентина из административного подчинения Архиерейскому Синоду РПЦЗ:

«Вопрос: Может ли РПЦЗ существовать без Зарубежной Церкви?»

Ответ: Да, до Всероссийского Собора.

Вопрос: Будет ли это канонически правильно? Не погрешим ли мы?»

Ответ: Это будет правильно, вы не погрешите. Сейчас вообще дезорганизация в Церкви. У нас есть Московская Патриархия, обновленцы и проч. Единственная церковная группировка, которая правильно ведет себя, – это ваша.

Вопрос: Архиерейский Синод РПЦЗ грозил запретить, лишить сана Россий-

⁵ РПЦЗ – Российская Православная Свободная Церковь, так именовались епархии в юрисдикции Архиерейского Синода РПЦЗ после принятия им решения об открытии своих приходов на территории постсоветского пространства [17, с. 1 – 2].

ских Архидереев. Что Вы обо всем этом думаете?

Ответ: Дело в том, что с их стороны есть непоследовательность решений и уступки, указывающие на слабость, но это не значит, что надо воспользоваться этой уступкой. Наша позиция по отношению к Московской Патриархии должна быть неизменной. Сейчас в Синоде РПЦЗ анархия. Мы должны держаться этого пути, который является православным и правильным.

Вопрос: Мы увещали архидереев Зарубежной Церкви, чтобы не нарушали каноны, из-за этих нарушений мы отошли административно от РПЦЗ. Теперь нас некоторые обвиняют, что мы в этом неправы. Как Вы считаете?

Ответ: У вас совершенно правильно обозначенный путь, и надо его держаться.

Вопрос: Сейчас у нас есть ВВЦУ, не лучше ли будет создать Священный Синод РПЦЗ?

Ответ: Да, если это не вызовет раскола.

Вопрос: Среди кого?

Ответ: Среди своих. Постановление Св. Патриарха Тихона очень гибкое и очень мудрое. В свете этого Постановления ваше положение правильное, и вы можете учреждать новые епархии и рукополагать новых Архидереев.

Вопрос: Имеют ли канонические основания и какие-либо последствия те прещения, которые приняты Архидерейским Синодом РПЦЗ в отношении Российских Архидереев?

Ответ: Эти прещения вынесены группой Архидереев, которые сами допустили немало нарушений, так что их

прещения не имеют никакого значения.

Вопрос: Может быть, ВВЦУ надо сделать заявление о том, что таинства Московской Патриархии недействительны?

Ответ: Конечно.

Вопрос: Чем вызван процесс нагнетания недоверия между Российскими и зарубежными Архидерейями?

Ответ: Причина в том, что люди не придают значения постановлению законной церковной власти, Св. Патриарха Тихона и Высшего Церковного Управления. Если его не признавать, то открывается широкое поле для злоупотреблений. Нет более авторитетного органа, чем тот, который вынес постановление № 362» [3, с. 33 – 35].

Причастившись за Божественной Литургией в Цареконстантиновском соборе Суздаля 21 мая 1995 г., епископ Григорий обратился к представителям местных СМИ [3, с. 34] и верующим с проповедью, содержание которой можно считать обобщающим документом, излагающим его позицию по вопросу дальнейшего существования и развития бывших российских епархий РПЦЗ:

«Ю. В. Белов: Возможно ли в ближайшее время сближение Московской Патриархии, Российской Православной Свободной Церкви и Зарубежной Церкви?

Ответ: Я не вижу такой возможности. Прежде всего потому, что все Архидерееи Московской Патриархии имеют партийные клички.

Л. Л. Слесарев: Придет время, причины, вызывающие разделение, отпадут – может быть, верующие сами все поймут и произойдет соединение?

Ответ: Архиереи Московской Патриархии связаны такими обязательствами, что отказ от этих грехов был бы опасен для них, они до конца жизни себя связали.

Л. Л. Слесарев: Значит, выход в том, что верующие «прозревают»?

Ответ: Да, это так. Верующие уже прозревают. Владыка Валентин окормляет около сотни приходов. Конечно, всякое строительство берет силы, требует знаний, добрых намерений. Это все имеется. Постепенно приходы растут.

Архиепископ Валентин: Российскую Православную Свободную Церковь обвиняют в том, что она «неправильная», «еретическая», что она отошла от Московской Патриархии и теперь административно отделилась от Зарубежной Церкви. Как Вы об этом думаете?

Ответ: Ереси всегда существовали, и они остаются. Ваш отход от Московской Патриархии – это не ересь, это борьба за истинное Православие. Ваш административный отход от Зарубежной Церкви – это вообще не имеет отношения к понятию «ересь» – это веление жизни.

Архиепископ Валентин: Нет ли в процессе нашего развития отклонения от Св. канонов и свято-отеческих постановлений?

Ответ: Нет. Постановление № 362 – это Постановление святого человека, и когда нам предлагают другие постановления позднейшего времени вместо Постановления Патриарха Тихона – это неправильно.

Архиепископ Валентин: Многие стараются доказать, что новые хиротонии Российских Преосвященных неправильны. Как Вы думаете?

Ответ: Это вызвано ложной пропагандой, которой удалось стусевать значение пророческого Указа № 362, и вместо него являются всякие другие документы» [3, с. 35].

Эти же положения более подробно отражены в письме, адресованном епископу Валентину и написанном сразу по возвращении из России в США: «Посещение ряда храмов и приходов Вашей епархии наглядно показало мне, как быстро и хорошо они восстанавливаются под Вашим руководством. Приняв участие в Архиерейском Совещании в присутствии нескольких клириков, я был очень рад увидеть на нем полное единодушие всех собравшихся, объединенных общей целью возрождения Российской Церкви в самой России, а также любовь и уважением к Вам лично. Когда я отвечал на множество задаваемых мне вопросов с разных сторон (клириков и мирян), я обратил внимание на то, что самым главным и волнующим всех был вопрос: поскольку я признаю образование ВВЦУ и всех новохиротонисанных Архиереев законными. Я надеюсь, что ни у кого не осталось сомнений в моей полной поддержке ВВЦУ и в том, что во всех его Преосвященных я вижу своих законных собратий и сослужителей. Принимая во внимание количество уже существующих приходов Свободной Церкви и в предвидении их дальнейшего увеличения мне представляется желаемым в соответствии с этим дальнейший рост числа Епископов. Как Вы знаете, с самых первых дней существования ВВЦУ я был горячим его сторонником и постоянным защитником Вашей позиции, ибо я

видел и вижу в Ваших действиях прямое осуществление мудрых указаний Св. Патриарха Тихона и всего священноначалия Российской Церкви, которое содержится в его историческом, каноническом Указе № 362» [13].

Оценка деятельности епископа Григория в России

Поездка епископа Григория в Суздаль и его заявления в поддержку Временного Высшего Церковного Управления и последующих действий бывших российских архиереев Лазаря и особенно Валентина стали предметом рассмотрения на заседании Архиерейского Синода РПЦЗ 5 – 7 сентября 1995 г.

Первоначально было принято решение о запрещении в священнослужении епископа Григория за сослужение с запрещенным епископом Валентином и за заявления, прямо противоречащие позиции Синода по вопросу российских преосвященных. В последний день сессии было принято решение ограничиться строгим выговором находящемуся на покое епископу РПЦЗ.

В адрес епископа Григория было направлено письмо следующего содержания:

«Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко!

На повестке дня последнего Архиерейского Синода (5 – 7 сентября по н. с.) стояло Ваше имя. По всем сведениям, полученным нами (ибо архиерей, даже на покое, есть личность видимая и обозреваемая со всех сторон), Вы были в Суздале и в полном молитвенном общении с запрещенным архиепископом Валентином. С таким положением Архиерейский Синод согла-

ситься никак не может. Первым предложением было – запретить Вас в священнослужении. Однако Вы уже по причине крайней немощи не можете служить. Тогда Синод решил, относясь снисходительно ко всем Вашим немощам, видимым и невидимым, просить меня написать Вам это письмо.

Зная все Ваши заслуги в прошлом, я хочу, чтобы Вы приняли мое письмо как строгий выговор за такое Ваше нелепое действие, совсем не соответствующее Вашему общему лику. Я также решил сделать Вам некое внушение, зная Вас свыше 30 лет как человека незаурядного мышления в защите нашей Церкви. Однако Вы по моему глубокому убеждению принадлежите к людям дедуктивного мышления. Именно это и помогало Вам точно и остро защищать нашу Церковь от всех нападков на Нее. Но там, где надо применять интуицию, которая в современном мире среди почти всех незаурядных писателей считается настоящим источником знания и понимания, Вы два раза совершили для себя трагические ошибки. Последняя Ваша ошибка – созданное Вами сборище Валентина.

Пишу все это с искренним желанием помочь Вам стяжать дар сердечной молитвы, которая Вам на все смотреть другими очами, истины и правды. Ваш искренний доброжелатель Митрополит Виталий» [14].

Это письмо является последним документом в переписке епископа Григория с Архиерейским Синодом РПЦЗ и ее Первоиерархом, 7 октября 1995 г. епископ Григорий упокоился в возрасте 93 лет.

Анализ апологетической деятельности члена Архиерейского Собора РПЦЗ епископа Григория (Граббе) в обсуждении проблем российских канонических подразделений Зарубежной Церкви позволяет сделать следующие выводы:

1. Епископ Григорий был одним из инициаторов и разработчиков решения Архиерейского Собора РПЦЗ об открытии приходов и создания на постсоветском пространстве в 1990 г. [17, с. 1 – 2].

2. Епископ Григорий убедил членов Архиерейского Синода РПЦЗ в необходимости архиерейской хиротонии архимандрита Валентина (Русанцова), находившегося в момент хиротонии под каноническим запрещением своего правящего архиерея Валентина (Мищука) и состоявшего в клире РПЦЗ не более года.

3. Литературное наследие епископа Григория, уделявшего теме взаимоотношений РПЦЗ и Матери-Церкви постоянное внимание, использовалось в российских приходах как убедительный аргумент в пользу правильности выхода их из Московского Патриархата и вступления в состав Зарубежной Церкви.

4. Епископ Григорий употребил свой авторитет старейшего архиерея РПЦЗ и многолетнего «Правителя дел Синодальной Канцелярии» в отстаивании позиций российских преосвященных РПЦЗ, в первую очередь епископа Суздальского и Владимирского Валентина, в тот момент, когда они приняли решение об административном выходе из подчинения Архиерейскому Синоду РПЦЗ и образовали в России Временное Высшее Церковное Управление.

5. Своим личным посещением Суздаля и участием в работе Суздальского епархиального управления РПЦЗ епископ Григорий создал вокруг «суздальской группы архиереев» позитивное информационное оформление, позволившее сохранить в ее составе большую часть приходов и приведшее к ее количественному росту в 1995 – 2007 гг.

6. Подведение высокопрофессиональной канонической аргументации под действия российских преосвященных в 1994 – 1995 гг. позволило Суздальской епархии РПЦЗ пройти перерегистрацию в органах Министерства юстиции России и продолжить религиозную деятельность на вполне законных основаниях в качестве Российской Православной Автономной Церкви (РПАЦ).

7. Очевидна связь публицистической деятельности епископа Григория с идеологическим успехом миссии РПЦЗ в России.

В то же время необходимо отметить, что поддержка епископом Григорием действий российских архиереев РПЦЗ и ссылка на Указ № 362 Святого Патриарха Тихона являются неканоническим деянием, несовместимым с пребыванием епископа Григория в составе Архиерейского Собора РПЦЗ.

Апологетическая аргументация епископа Григория в вопросе легитимности суздальского ВВЦУ со ссылкой на Указ № 362 Патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 г. не может быть признана состоятельной, так как условия, предусмотренные этим документом, принципиально отличаются от условий, в которых происходило возникновение и

организационное оформление приходов РПЦЗ в России в 1990 г.

Бренд бывшей Суздальской епархии РПЦЗ

Многочисленное и многолетнее цитирование высказываний епископа Григория по проблемам российских епархий РПЦЗ в 1990 – 2007 гг. позволяло руководителям РПАЦ вводить в заблуждение свою паству и создавать видимость сохранения канонической преемственности между Архиерейским Синодом РПЦЗ и ее бывшими российскими епархиями.

Необходимо также отметить, что имя епископа Григория до сих пор используется руководителями РПАЦ для популяризации этой централизованной религиозной организации в СМИ и является своеобразным брендом Суздальской епархии РПАЦ. Так, 7 октября 2005 г. в Суздале была проведена научно-практическая конференция, посвященная десятилетию со дня кончины епископа [1, с. 13], регулярно публикуются биографические материалы и фрагменты из его литературных творений [2, с. 19 – 32].

Библиографические ссылки

1. Арескин А. А. (игумен Феофан). В Суздале прошла научно-церковная конференция памяти Преосвященного Епископа Григория (Граббе) // Суздальские Епархиальные Ведомости. 2005 – 2006. № 22. Специальный вып.
2. Арескин А. А. (игумен Феофан). Жизненный путь Преосвященного Епископа Григория (Граббе); Борьба за Россию; Преосвященный епископ Григорий и Российская Свободная Церковь // Суздальские Епархиальные Ведомости. 2005 – 2006. № 22. Специальный вып. С. 19 – 32.
3. Белов Ю. В. Преосвященный епископ Григорий (Граббе) в Суздале 3/16 мая – 11/24 мая 1995 г. // Суздальские Епархиальные Ведомости. Октябрь 2005 – март 2006. № 22. С. 33 – 35.
4. Белов Ю. В. Россия глазами графа // Суздальская районная газета «Вечерний звон». 1995. 30 мая.
5. Григорий (Граббе), еп. Доклад Архиепископу Лавру, Секретарю Архиерейского Синода РПЦЗ (О проекте Устава представительства РПЦЗ в России) 21 июня / 4 июля 1994 г. // Доклады Архиерейскому Собору, Синоду и Первоиерархам Русской Православной Церкви Заграницей. М., 1999.
6. Григорий (Граббе), еп. Доклад Архиерейскому Синоду РПЦЗ (О положении Церкви в период «перестройки» в СССР) 1989 – 90 гг. // Доклады Архиерейскому Собору, Синоду и Первоиерархам Русской Православной Церкви Заграницей. М., 1999.
7. Григорий (Граббе), еп. Доклад Архиерейскому Синоду РПЦЗ (Об устройстве церковной жизни в России) 9/22 февраля 1994 г. // Доклады Архиерейскому Собору, Синоду и Первоиерархам Русской Православной Церкви Заграницей. М., 1999.

8. Григорий (Граббе), еп. Доклад Митрополиту Виталию, Председателю Архиерейского Синода РПЦЗ (По вопросу сближения с Московской Патриархией) 17/30 июля 1993 г. // Доклады Архиерейскому Собору, Синоду и Первоиерархам Русской Православной Церкви Заграницей. М., 1999.
9. Григорий (Граббе), еп. Доклад Митрополиту Виталию, Председателю Архиерейского Синода РПЦЗ (По поводу дела Епископа Варнавы). 17/30 сентября 1993 г. // Доклады Архиерейскому Собору, Синоду и Первоиерархам Русской Православной Церкви Заграницей. М., 1999.
10. Григорий (Граббе), еп. Докладная записка Митрополиту Виталию, Председателю Архиерейского Синода РПЦЗ (Об образовании в России Временного Высшего Церковного Управления) 30 марта / 12 апреля 1994 г. // Доклады Архиерейскому Собору, Синоду и Первоиерархам Русской Православной Церкви Заграницей. М., 1999.
11. Григорий (Граббе), еп. Доклад Архиерейскому Синоду РПЦЗ (О действиях Зарубежной Церкви в России) 17/30 сентября 1990 г. // Доклады Архиерейскому Собору, Синоду и Первоиерархам Русской Православной Церкви Заграницей. М., 1999.
12. Однорал А. А. История Церковных разделений. Россия – XX век. Пятигорск, 2003.
13. Письмо епископа Григория (Граббе) епископу Валентину (Русанцову) от 23 мая / 5 июня 1995 г. // Документы Григория Граббе, М0964, Отдел специальных коллекций Станфордского университета, Калифорния.
14. Письмо Первоиерарха РПЦЗ митрополита Виталия (Устинова) епископу Григорию (Граббе) от 4 сентября 1995 г. // Синодальный Архив, Д. 53/38. Личное дело епископа Григория (Граббе).
15. Письмо, адресованное Высокопреосвященнейшему митрополиту Виталию, Председателю Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей от 30.05.1994 г. // Синодальный Архив, Д. 53/38, личное дело епископа Григория (Граббе).
16. Письмо, адресованное Преосвященнейшему епископу Григорию (Граббе) от 31.05.1994 г. // Синодальный Архив, Д. 53/38, личное дело епископа Григория (Граббе).
17. Положение о приходах Свободной Российской Православной Церкви, принятое Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Заграницей 2/15 мая 1990 года // Православная Русь. 1990. № 12 (1417). С. 1 – 2.
18. Потапов В. П. Борьба за Россию. Интервью с епископом Григорием (Граббе) // Призыв. 1995. 24 мая.

**MISSIONARY ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN THE POST-SOVIET COUNTRIES (1990 – 1995)**

The object of this research is the process of the emergence and organizational arrangement of the parishes of the Russian Orthodox Church Outside of Russia (herein-after ROCOR) in the canonical territory of the Moscow Patriarchate, which became possible as a result of democratic transformations in the territory of the former USSR and a radical change in church-state relations in post-perestroika Russia. The article studies theological and publicistic works by Bishop Gregory (Grabbe), a member of the Bishops' Council of Bishkek, which are connected with his active role in the missionary activity of the Synod of Bishops of the ROCA and the apology of the ideology of the «White Church» in controversy with representatives of the Orthodox Christianity in the homeland.

Keywords: Russian Orthodox Church Outside of Russia (ROCOR), Archbishopric Synod of ROCOR, canonical territory, Bishop Gregory (Grabbe), First Hierarchy of ROCOR, Suzdal-Vladimir diocese of ROCOR, church-state relations, freedom of conscience, «sergianism», world Orthodoxy, ecumenical movement.

УДК 821.161.1

Адриано Делл'Аста

МОНТАЖ И ПОЛИФОНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Автор статьи рассматривает, как принципы полифонического романа и монтажной композиции воплощены в произведениях А. И. Солженицына. Устанавливает, как эти принципы связаны с общими представлениями писателя о художественном творчестве как форме истины. Предлагается новое понимание полифонии как реализации общечеловеческой солидарности, придающей искусству особую доказательную силу.

Ключевые слова: композиция, монтаж, полифонический роман, А. И. Солженицын, искусство, истина.

«– Кривлянье! – ложку перед ротом задерж, сердится X-123. – Так много искусства, что уже и не искусство. Перец и мак вместо хлеба насущного! И потом же гнуснейшая политическая идея – оправдание единоличной тирании. Глумление над памятью трёх поколений русской интеллигенции! «...»

– Но слушайте, искусство – это не *что*, а *как*.

Подхватился X-123 и ребром ладони по столу, по столу:

– Нет уж, к чёртовой матери ваше «как», если оно добрых чувств во мне не пробудит!» [7].

Нельзя говорить о формальном и техническом аспекте творчества Солженицына, не учитывая этот отрывок из «Одного дня Ивана Денисовича». В данном случае неважно, что мнение высказывает персонаж, а не автор. В марте 1976 года сам Солженицын остерегает нас от пустого увлечения формой и экспериментами в интервью

Никите Струве. Важно сделать это предварительное уточнение, поскольку оно отвечает не только на наше беспокойство или переживания Солженицына, но выражает фундаментальный характер искусства. По меньшей мере, той его части, которая прямо или косвенно знакома с опытом концлагерей XX века и сохраняет его в сердце своём.

Для целей нашей работы принципиально важно установить, что внимание к форме не может быть самоценным. Чтобы сохранить верность своим сущностным чертам, искусство должно соответствовать тому, что Солженицын вслед за «добрыми чувствами» определяет как «общую мысль». Здесь нужно преодолеть всякое абстрактное противопоставление между формой и содержанием.

Поэтому говорить о технике монтажа и полифонии в сочинениях Солженицына – значит с самого начала поставить двойную проблему. Во-

первых, проблему общей мысли, которая нам предлагается через эти формы. Во-вторых, проблему адекватности этих форм для выражения «онтологического смысла» поэзии и поэтической реальности, то есть реальности через призму искусства, где красота – это сияние истины или проявление последней истины реальности.

Начнём с монтажа. Он очевиден в одной из самых известных сцен «Ракового корпуса», когда Олег целует медсестру Зою. Та спрашивает, почему он закрыл глаза во время поцелуя. Спровоцированный её вопросом, он их открывает: «И увидел близко-близко, невероятно близко, наискось, два её жёлто-карих глаза, показавшихся ему хищными. Одним глазом он видел один глаз, а другим другой. Она целовалась всё теми же уверенно-напряжёнными, готовно-напряжёнными губами, не выворачивая их, и ещё чуть-чуть покачивалась – и смотрела, как бы выверяя по его глазам, что с ним делается после одной вечности, и после второй, и после третьей» [8].

Сцена как будто происходит под взглядами четырёх кинокамер. Две из них принадлежат рассказчику и Зое, ещё две – Олегу. Все они сходятся в ожидании вечности. Однако подлинная вечность тут невозможна, поскольку она выше всех множеств и последовательностей. В этой ситуации даже поцелуй не может быть тем, чем он должен быть. Вместо момента единства и дарения он становится их противоположностью. На самом деле, Зоя со взглядом хищницы хочет не дарить себя, а доминировать над Олегом, овладеть им. Она переворачивает роли мужчины и женщины и пытается вой-

ти в него. В фальшивом единении эти двое забывают, что должны были принести кислород больному. Они потеряли единство даже с окружающей их реальностью: Зоя не должна была забывать о своих обязанностях медсестры, а Олег – свой долг солидарности к такому же больному, как и он сам. Монтаж сцены прекрасно показывает нам «общую мысль» Солженицына, «онтологический смысл» этого поцелуя. Эта любовь – не любовь, это фальшивое соединение, отрицающее настоящее единство. Открыть его, отбросить хищность, забыть претензию доминирования и обладания чужим и даже своим собственным телом позволит другой взгляд. Неслучайно это произойдёт в конце романа, когда Олег поймёт, что «если помнить номер воротничка [очевидный символ власти над телом] – то ведь что-то надо забыть! Поважнее что-то!» [Там же]. Так Олег начинает заново слышать своё сердце.

От бесконечно маленькой сцены перейдём к грандиозной композиции двух главных произведений Солженицына. В «Архипелаге ГУЛАГ» и «Красном колесе» мы встречаем этот новый взгляд.

Оба сочинения дают более широкое видение реальности. «Архипелаг» предлагает нам преодолеть своё чисто политическое прочтение и подталкивает к новому открытию величия и неисчерпаемости человеческого сердца. Ведь «линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца? В течение жизни одного сердца эта линия перемещается на нём, то теснимая радостным злом, то осво-

бождая пространство рассветающему добру. Один и тот же человек бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях - совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То и к святому» [4].

Таким же образом в «Красном колесе» патриот Солженицын не боится многократно выражать своё уважение к другим нациям.

Наряду с более широким взглядом оба сочинения предлагают нам новую повествовательную форму. Она характеризуется многочисленностью источников, точек зрения, сквозь которые воссоздаётся реальность. Очевидна многочисленность источников «Архипелага». По слову автора, он является в каком-то смысле коллективным творением, «общим дружным памятником», потому что «эту книгу непосильно было бы создать одному человеку». Солженицын сообщает, что «материал для этой книги дали мне в рассказах, воспоминаниях и письмах» [Там же]. Как известно, далее следует список имён «невидимок», которые помогли ему воссоздать эту трагическую историю. Но не менее очевидным является это в случае «Красного колеса», которое было бы невозможным без бесконечного количества различных источников. Здесь не только обычные исторические книги, но также документы, газеты, дневники и свидетельства. Количество точек зрения умножается: кроме художественного восстановления исторических событий автором и его персонажами (согласно обычной полифонии), присутствует историческая реконструкция (главы исторического характера), документальная реконструкция (главы, которые представля-

ют документы эпохи), «журналистское» воссоздание (главы, составленные из заглавий и выдержек из газет), наконец кинематографическая реконструкция событий (главы, построенные как обычный сценарий).

Составная структура «Архипелага ГУЛАГ» и «Красного колеса» открывает новую форму истины. С одной стороны, человек в одиночку никогда не смог бы реализовать настолько высокую и сложную задачу, как восстановление истории революции и концлагерей. Этот рассказ оказывается возможным только как хоровое созвучие. С другой стороны, на место столкновения различных исторических интерпретаций или равнодушного отказа от исторической истины становится симфоническая истина хора. Так раскрывается новая форма истины, понятой как отношение или соотношение многочисленных взглядов.

Здесь средоточие новизны Солженицына. Эта новая точка зрения даёт цельный смысл его искусству. В ней кроется загадка достоверности взгляда автора на реальность и в конечном счёте истина и «доказательная сила» этого взгляда.

Обычно Солженицына представляют в двух образах, которые на первый взгляд сложно совместить. Первый – политический: это человек, который много сделал для осуждения тоталитарной коммунистической системы и её падения. Второй – художественный: это человек, который дал образ, уже забытый в XX веке: образ человека, который остаётся человеком даже в аду концлагерей и которого нельзя свести к ограниченному и низменному политическому измерению.

На самом деле эти два образа не противоречат друг другу. Так кажется только потому, что современный человек не привык видеть альтернатив столкновению между идеологической истиной и различными формами отрицания любой истины: от слабой истины до «пост-правды». Солженицын не оказался в этом тупике. Он не мог принять редукции истины к чистой политике, к насильственному навязыванию представлений о реальности, к которому стремились тоталитарные идеологии. Не мог он и принять позицию тех, кто утверждал, что никакой истины не существует: она оставляет мир беззащитным перед насилием идеологии. Действительно, эти две концепции противоположны только с виду. На самом деле они едины в отрицании другого. В «прямолинейном, совершенно слепом и потому беспаша-башном» нигилизме идеологии другой отрицается физически как объективный враг. Точно так же отрицается он и в скрытом, «осторожном, чутком к жизненной сложности» нигилизме буржуазного солипсизма, который живёт, как будто истины не существует и нет ограничений его свободе. В конце концов, оба они являются прямым отрицанием реальности. А, наоборот, как показывает пограничный опыт концлагерей, реальность соткана присутствием несводимой инаковости другого.

Солженицын видит истину как отношения, как множественность взглядов, что и определяет всеобъемлющий смысл и сквозное единство его творчества. Поэтому форма здесь – не внешняя игра, а откровение онтологического смысла или смысла целого. В итоге самотворение способно более адекват-

но передать сложность реальности, в которой истина не является ни идеей, ни её простым отрицанием, но жизнью с бесконечной многочисленностью её встреч, бесконечной ценностью его героев, несмотря на все их грехи; мы не можем забыть, что Солженицын говорит о сердце человека: «Линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца? В течение жизни одного сердца эта линия перемещается на нём, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство расцветающему добру» [4]. И это не просто отвлечённая истина или поэтическая истина; это содержание и форма искусства, и искусство рождается как раз, чтобы явить, показать единство смысла, которое управляет миром.

В конце концов, само искусство Солженицына стало возможным благодаря этому единству, потому что было полифоническое создание, и в этом смысле мы могли бы сказать, что это было соборное создание.

Мы уже говорили о невидимках, но стоит вернуться к разговору об этом, прежде чем мы завершим нашу речь.

Писать можно было главным образом благодаря тому, что единство среди людей продолжало существовать, несмотря ни на что, благодаря тому, что между людьми продолжало существовать взаимное доверие, несмотря ни на что. Солженицын воспел его в книге, посвящённой исключительно доверию, точнее, не самому доверию, а многочисленным друзьям, спутникам, незнакомцам, которые входили в его жизнь как ангелы-хранители. Именно они, «невидимки», сделали возможным

его писательский труд. Это была целая обширная, надёжная и заслуживающая доверия сеть, которая помогла писателю освободиться от страха, сковавшего всё общество, и дать ему возможность творить в атмосфере разума и веры.

На этот счёт надо сразу прояснить одну вещь: доверие и солидарность означают поддержку не только духовную и психологическую, но прежде всего физическую и техническую, поскольку доверие, так же как достоинство и милосердие, – это не благородные, но туманные чувства, далёкие от реальной жизни, а вполне конкретная помощь в поддержании телесного здоровья, в работе, в отношениях, в истории. Иначе говоря, невидимки – это конкретные лица, причём им несть числа, о чём Солженицын прямо говорит в своей книге: «Но как же не заметить, что лишь в этой главе названо почти сорок имён? И в предыдущих, если добавить не названных, ещё сорок наберётся. А в следующей добрых пятнадцать будет, это не считая иностранцев, которых не менее двадцати... Так дойдёт до сотни с лишком, и все они были Невидимками! А что бы ты смог сделать без них?» [6, с. 196].

Это люди разного происхождения, национальности, вероисповедания, и мимоходом стоит заметить, что среди этих Невидимок Солженицын, которого часто обвиняют в великорусском национализме и антисемитизме, называет много еврейских и нерусских имён – эстонцев, литовцев, армян, грузин, немцев. И возможно, есть среди них те, с кем он даже не был знаком, никогда не встречался и даже фамилий их не помнит [Там же, с. 34]. Эти люди до поры до времени не были против-

никами режима, скажем, Елизавета Денисовна Вороньянская, заплатившая жизнью за свою готовность помочь [Там же, с. 71]. К тому же это множество людей, которые просто предоставили ему спокойное место для работы [Там же, с. 60] или инструментарий для сохранения и распространения этой работы. Таким образом возникают новые каналы самиздата, появляются новые журналы за рубежом, или уже существующие органы печати приобретают новый импульс и новое направление. Таков, например, случай «Вестника русского христианского движения», который превратился в один из важных и престижных органов свободной русской мысли благодаря беседе его ответственного редактора Никиты Струве с молодым московским интеллигентом Женей Барабановым, организованной в Польше Анастасией Дуровой, никому в то время не известной сотрудницей французского посольства в Москве [Там же, с. 221].

Или это друзья-невидимки, которые помогали писателю спрятать его труды, как Николай Иванович Зубов, соорудивший для него тайники, откуда рукописи можно быстро извлечь и продолжить работу [Там же, с. 15]. Или те, кто помогал придать его произведениям законченную форму, как Мира Геннадьевна Петрова, готовившая финальную редакцию, сводя воедино оригинальный текст, смягчённую версию для печати и тысячи выправленных и переправленных подпольных отрывков [Там же, с. 161]. Иные друзья передавали тексты из рук в руки в самых немислимых или вызывавших наименьшее подозрение местах; «Архипелаг», например, переда-

вали прямо на Лубянке [Там же]. Ещё друзья оберегали тексты от тех, кто мог обречь их на уничтожение, и пытались подсунуть тем, кто мог поспособствовать публикации на родине, как сделала несравненная Анна Самойлова Берзер, дав «Ивана Денисовича» почитать Александру Твардовскому прежде всех других сотрудников «Нового мира» [Там же, с. 30 – 38]. Или же те, кто помогал ему переправлять материалы за рубеж, и тут нелишне опять-таки вспомнить Асю Дурову, которая вывезла «Август Четырнадцатого» в коробке шоколадных конфет, а другие материалы спрятала в упаковках с лекарствами [2]. А сколько историй можно было бы рассказать в связи с той невероятной сетью абсолютного доверия людям, которым вручены были и работа, и сама жизнь; а сколько ещё историй так и останутся нерассказанными, потому что их герои либо умерли до падения режима, либо решили сохранить анонимность и после. А сколько достоинства порой выказывали обыкновенные люди, не лишённые слабостей и недостатков, но вдруг подхваченные и удерживаемые неодолимой силой, которая наделила их удивительной смелостью и стойкостью. Кто знает, откуда берётся эта сила, но одно несомненно: раз она воздействует даже на людей пассивных и беззащитных, стало быть, есть нечто возвышающее этих людей до гордого звания человека, делающее их свободными от шантажа властей, так что они забывают о своём бессилии. Нечто свыше возвращает им надежду на выживание, на достойную жизнь; это нечто не зависит от личных способностей каждого в отдельности и даётся

людям лишь в силу того, что они люди. Такую констатацию можно усмотреть в суде над Иосифом Бродским по обвинению в тунеядстве, когда на вопрос судьи, кто дал ему право числить себя среди поэтов, молодой человек ответил вопросом: «А кто меня причислил к роду человеческому?» На что судья раздражённо спрашивает, учился ли он на поэта, и Бродский отвечает ещё решительнее: «Я не знал, что можно выучиться на поэта, «...» по моему, это дар Божий». А говоря одним словом, это признание Солженицына, когда он спрашивает самого себя, что даёт силы выжить в таких условиях, и отвечает без колебаний: «Молитва, только молитва!» [6, с. 214].

Но, говоря о молитве, Солженицын заставляет нас сделать последний шаг, чтобы понять его концепцию искусства, поскольку искусство и молитва тесно связаны; как сказал Андрей Синявский, искусство всегда является более или менее импровизированной молитвой, местом встречи, то есть местом единства. В этом смысле полифонический принцип также может быть определён другим термином: соборным принципом, именно потому, что собор является моделью полного и совершенного единства, где преодолевается каждое деление. История русской мысли и литературы глубоко отмечена наличием этого принципа в качестве инструмента для поиска единства против разделения, которое препятствует жизни.

Последний шаг, который я предлагаю, – увидеть, как работает этот принцип в Солженицыне. Он заставил нас заново его открыть, но этот принцип является частью древней традиции

и в то же время может стать критерием для повседневной жизни для каждого из нас. Мы находим примеры этого принципа у Достоевского с его преодолением противопоставления эстетизма и утилитаризма, или у Соловьева с его преодолением противопоставления эмпиризма и рационализма.

В случае противоречия между эстетизмом и утилитаризмом Достоевский применяет логику, которая не ограничивается оспариванием одной из двух позиций, приводя доводы другой позиции (операция, которая всё равно удерживала бы эти две позиции разделёнными и выстроенными одна против другой), и не ищет примирения, от которого каждая потеряла бы свою специфику. Он, скорее, призывает обе позиции открыть заново собственную идентичность, уже не в контексте борьбы и разногласия, но в контексте, в котором, только прекратив противопоставляться другой, можно полностью утвердить собственную идентичность. В таком смысле призывает Достоевский сторонников чистого искусства прекратить их атаки против приверженцев утилитаризма, ибо, отрицая принципиально, что там, где ищут пользу, может быть истинное искусство, «сторонники чистого искусства идут против самих себя, против своих же принципов, а именно – уничтожают свободу в выборе вдохновения. А за эту свободу они-то бы и должны стоять». Таким же образом Достоевский критикует утилитаристов, которые «не посягая явно на художественность, в то же время совершенно не признают её необходимости». Таким образом, «так как произведение нехудожественное никогда и ни под каким видом не достигает своей цели;

мало того, более вредит делу, чем приносит пользы, то, стало быть, утилитаристы, не признавая художественности, сами же более всех вредят делу, а следовательно, идут прямо против самих себя, потому что они ищут не вреда, а пользы» [1, с. 79].

В случае с Соловьёвым эта новая соборная логика действует с первой же его работы, когда, говоря о кризисе западной философии, он не ограничивается критикой её противопоставленных течений (эмпиризма и рационализма) во имя веры, которую они отвергли с концом средневекового представления о мире, то есть, не ограничивается противопоставлением одним абстрактным принципам других абстрактных принципов, но исходит из реальности и потребности привести к единству (к ясному смыслу) все элементы реального – начинается с утверждения истины, присутствующей в эмпиризме и рационализме, с объявления ценности объекта и материальной реальности (эмпиризм) и защиты ценности субъекта и универсальных концепций (рационализм). Сделав это пояснение, он показывает, однако, что, каждый из этих принципов, пока он является односторонним, не только отвергает другой, но отрицает сам себя: рационализм, утверждаясь исключительным образом, дабы не утратить всякий контакт с конкретной реальностью, придал реальное существование (то есть, эмпирическое) своим концепциям. В то время как эмпиризм, дабы не потерять разумность реального, трансформировал конкретную реальность в абстрактную универсалию (то есть, во что-то, что восходит к рационализму). Оба течения, таким образом, отрицают именно то, что составляет их

правду, сводя познание к пустому формализму, от которого исчезает как человек, так и материальная реальность.

Разум, таким образом, более не критикуется верой за отрицание её прав, но за то, что, определяя себя мерой реального, разум не выполняет собственную задачу открыться к совокупности факторов реальности и в конце концов нарушает собственную человеческую природу, не будучи более способным осмысливать роль человека в его функции моста между материальным миром и его значением.

В обоих случаях, как было сказано, действует соборная логика, принцип которой мы могли бы определить как принцип соборной интеграции: силы, которые сопротивляются доброму плану, по которому задумана

вселенная, не критикуются во имя принципов или единства, которые они отрицают (то, что только утвердило бы их в их изоляции), но во имя верности самим принципам, которые они утверждают и которые, наоборот, окончательно теряются, когда утверждаются друг против друга. Это та самая логика, которая так ясно была сформулирована Анри де Любаком, когда, говоря о противопоставлении Бога и человека, он сказал: «Неверно, что человек не может устроиться на земле без Бога. Может. Но верно также то, что он может устроиться без Бога только в борьбе против человека. Самодовлеющий гуманизм, то есть гуманизм исключительный, оборачивается по существу антигуманизмом» [3, с. 9 – 10].

Библиографические ссылки

1. Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе. II. Г-н-бов и вопрос об искусстве // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград : Наука, 1972 – 1990. Т. XIX. С. 41 – 103.
2. Durova A. La Russie au creuset. Journal d'une croyante à Moscou 1964 – 1977. Paris : Cerf, 1995.
3. H. de Lubac Il dramma dell'umanesimo ateo. Morcelliana, Brescia, 1978. PP. 9 – 10.
4. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/arhipelag_gulag/ (дата обращения: 18.03.2018).
5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/bodalsya_telyonok_s_dubom/ (дата обращения: 18.03.2018).
6. Солженицын А. И. Soljénitsyne A. Les Invisibles = Невидимки. Paris : Fayard, 1992. 308 p.
7. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/upload/books/Odin_den_Ivana_Denisovicha.pdf (дата обращения: 18.03.2018).
8. Солженицын А. И. Раковый корпус [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/rakoviy_korpus/ (дата обращения: 18.03.2018).

ARRANGEMENT AND POLYPHONY IN THE WORKS BY SOLZHENITSYN

The author of the article considers how the principles of the polyphonic novel and the arrangement are embodied in the works by A. I. Solzhenitsyn. The author finds out how these principles are related to the writer's general ideas about artistic creativity as a form of truth. A new understanding of polyphony is proposed as the realization of universal solidarity, which gives art a special evidentiary power.

Keywords: composition, montage, polyphonic novel, A. I. Solzhenitsyn, art, truth.

УДК 821.161.1

А. В. Марков

**ЖИВОПИСНЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭМЕ С. С. АВЕРИНЦЕВА
«БЛАГОВЕЩЕНИЕ»**

Живописная образность в поэзии Аверинцева является факультативной как по собственным признаниям автора, так и по ее действительной функции в художественном целом. Вместе с тем поэма «Благовещение», опубликованная как новаторская для тогдашней официальной системы литературы, обращается как к привычкам широкого читателя воспринимать европейскую живопись, так и к творчески перерабатываемым традициям большой поэмы, непременно включающей описания как род отступлений. Таким образом, новаторство проявляется прежде всего в особом концентрированном изложении библейского сюжета, а визуальные отсылки приравниваются к размышлениям, что способствует достижению особого медитативного эффекта. Такая медитация, работая с другими привычками размышлений, включая длительные размышления над живописными композициями, творчески их преобразует, превращая в ключи к пониманию не только сюжета, но и организации драматического конфликта. Так как сюжет Благовещения может быть понят только как драма одного типа, драма спасения, живописная образность становится своеобразной феноменологией спасения, позволяя уточнить, как именно спасение может мыслиться в своей фактичности. Таким образом, поэма Аверинцева «Благовещение», хотя и представляет собой на первый взгляд свободное благочестивое размышление над известнейшим библейским сюжетом, что не допускает сюжетных отступлений, но только интеллектуальные, представляет собою вклад в решение одной из ключевых богословских проблем XX века, проблемы фактичности откровения, и живописные отсылки и размышления уточняют не столько наше эмоциональное отношение к готовому факту, сколько границы восприятия факта.

Ключевые слова: современная русская поэзия, духовная поэзия, экфрасис, Аверинцев, живопись в поэзии.

Поэма С. С. Аверинцева «Благовещение», открывшая третий номер журнала «Новый мир» за 1990 г. (здесь и далее все стихи приводятся по [2], включая автокомментарии), поразила как первое в официальной печати произведение отечественного автора, полностью посвященное библейскому сюжету. Важно было, что библейский сюжет оказался не поводом к философским или социальным размышлениям, но самостоятельной ценностью, устойчивое обращение к которой организует как художественную ткань поэмы, так и приоритеты внимания к деталям. Детализация включала в себя и описания сцены, напоминающие описания картин, но в отличие от обычных поэтических переживаний живописных произведений эти описания не выглядели как реконструкция картины или указание на ее стилистическую стратегию. Наоборот, они были как будто необязательными, что автор потом подтверждал неоднократно, комментируя другие свои поэтические произведения – в частности, в автокомментарии к «Стиху о святой Варваре» он говорит, что оставляет на волю читателя возможную отсылку строк «на челе Его – кровавые росы, / и в кудрях Его – влага ночи» к «Распятую» Веласкеса 1632 г.

Такое отношение к живописи при разговоре на библейские темы шло вразрез со сложившейся традицией, в которой, например, в советской печати планировалась публикация стихов из романа Пастернака под заголовком «Старые мастера». Тем самым библейский мир оказывался оправдан как часть той художественной идеализации, которая согласно советским кри-

тикам и превращала старую живопись в один из источников вдохновения для советского человека. Но независимо от пожеланий критиков отношение между библейским повествованием и живописной его иллюстрацией оказалось в советское время перевернутым: не библейский текст, в целом по цензурным причинам неизвестный или малоизвестный широкой образованной публике, становился ключом к пониманию живописных сюжетов художников далеких веков, но, напротив, узнанные при посещении Эрмитажа сюжеты и персонажи встраивались в Библию, которую только еще предстояло прочесть. При этом заметим, что живопись не становилась от этого Библией для неграмотных: скорее, наоборот, она превращалась в основную грамоту, с помощью которой читалась и Библия: мы имеем дело не с миром визуальной передачи знаний, а вполне грамматического их членения.

Поэма Аверинцева отличается тем, что в ней толкование Библии оказывается ценностно и содержательно приоритетным в сравнении с любыми живописными образами. Вся поэма построена как изложение библейского сюжета с указанием как на психологические и интеллектуальные реакции персонажей, так и на тот интеллектуальный настрой, который должен принять читатель, наблюдающий эту сцену. Не оживление сцены, как в экфрасисе, но, наоборот, определенное оживление ума при восприятии сюжета как факта особого рода – и какого именно, нам и предстоит выяснить в данной статье.

Аверинцев не раз в своих работах обращал внимание на то, что экфрасис

полностью чужд библейскому повествованию, в котором любые описания прагматичны, но составляет необходимую часть античной литературы как системы [Там же, с. 33]. Библейскому миру, как замечает Аверинцев, экфрасис просто оказался бы непонятен [Там же, с. 34], ведь он предполагает такую степень объективирующего описания [Там же, с. 358], которого не может достичь пророческое слово, всегда взывающее, обращающееся или спорящее. Тогда как споры античных риторов требовали соблюдения правил, и экфрасис так же проистекает из духа правильной упорядоченной речи [Там же, с. 159], как и фигуры, тропы, разного рода излишества, которые просто непременно должны обратить на себя внимание – ведь для древнего грека свободная речь – это прежде всего заметная речь, и, не будучи уполномочен богами на свое выступление, он живет заметно ради дружбы с ними.

Но сюжет Благовещения – сюжет дружбы особого рода: той дружбы неба и земли, при которой выяснение отношений между ними, ветхозаветная ревность, впервые сменяется разговором о грядущих событиях – и такое понимание вполне отвечало общественному запросу времен конца перестройки, что сам автор в устном разговоре назвал «геологическ[им] переворот[ом]» [3]. Именно такой диалогизм Благовещения, как не только форма, но и содержание этого событийного факта, был полностью воспроизведен в византийской литургической традиции, исследованию которой Аверинцев уделял повышенное внимание. Так, проповедь псевдо-Златоуста или канон Феофана на Благовещение представ-

ляют собой от начала до конца диалог архангела и Девы Марии, что необычно как для гомилетики, так и для литургической гимнографии.

Такой диалог не просто раскрывает подробности сюжета, отвечая устройству самого сюжета, но и определяет границы Благовещения как факта для возможного художественного изображения. Это легко доказывается тем, что любая попытка понять Благовещение иначе, например как любовную встречу в «Гавриилиаде» Пушкина, приводит к деформации диалога, превращению его в монологи, заведомо разрушающие логику других монологов и утверждающие себя в своей принципиальной не-диалогичности и действительной или мнимой власти над событиями.

Поэма Аверинцева начинается не с диалога как такового, и не с гётеанского пролога на небесах, но с описания: *Вода, отстаиваясь, отдает осадок дну, и глубина яснеет.*

Это описание не произведения искусства, а исключительно предмета, которое таким образом может быть включено как в мир библейской словесности, так и эллинистической литературы. Такое краткое описание оказывается ключом к евангельскому смыслу Благовещения: ревность ветхозаветного Бога сменяется недоумением о подробностях его явления среди людей. Если библейский Бог является внезапно в виде вспышки, огненного столпа или веяния ветра, то здесь явление оказывается неспешным, выдержанным, как будто сам Бог медитирует в собственном явлении. Единственная параллель такому водному явлению в Ветхом Завете – руно Ге-

деона, – и именно оно как прообраз Благовещения, медленного и парадоксального обещания будущих великих благ, стало опорным мотивом второго благовещенского стихотворения Аверинцева «Благовещенская песнь», где параллелизм явления ангела Гедону и Марии подтвержден как обещанием неведомого и опасного пути в обоих случаях, так и требованием кротости перед лицом опасностей, которое в случае Гедона – необходимая тактика его поведения, а в случае Марии – уже черта ее характера. Аверинцев не раз отмечал в своих исследованиях эллинистический смысл понятия «характер» [1, с. 23], также совершенно чуждый библейскому миру, и поэтому Благовещение оказывается одновременно окном в эллинизм и способом толковать эллинистическое наследие, в том числе и европейскую живопись, восходящую к античной культуре экфрасиса и самодовлеющего любования уже совершающимся спасением.

Дальнейший ход поэмы подтверждает это сближение идеи кротости как черты характера и эллинизма как способности к «характерному» начертанию (греч. «характер» – черта, царапина, след), умению скудными средствами передавать сложную реальность. Следует аскетическая по настроению картина, которая может быть воспринята как экфрасис, хотя и как критика экфрасиса изнутри:

*Меж голых, дочиста отмытых стен,
где глинян пол и низок свод; в затворе
меж четырех углов, где отстоялась
такая тишина, что каждой вещи
возвращена существенность: где камень
воистину есть камень, в очаге
огонь – воистину огонь, в бадье*

*вода – воистину вода, и в ней
есть память бездны, осененной Духом, –*

В отличие от экфрасиса, в котором показывается оживление изображенных вещей, их заведомая благая ситуативность, здесь вещи могут создать ситуацию, только вернувшись к себе. Они не оживают, а сосредотачиваются на себе, представляют собой то состояние полного успокоения, о котором медитация может только мечтать. Конечно, для автора это единственный способ передать начинающуюся общую ситуацию Нового Завета, в котором Бог говорит с людьми не через стихии, огонь или ветер, но непосредственно, человеческими словами. На это свойство новозаветной религиозности Аверинцев тоже обращал внимание, в том числе не раз и в духовных стихах исследуемого сборника. В результате изображение вещей, вернувшись к себе, следует понимать не как метафизику вещей, но как вариант «отказного движения» [Там же, с. 187] – единственный из авангардных приемов, на который Аверинцев прямо ссылается в своих научных исследованиях. Тем самым вещи успокаиваются не для того чтобы выразить божественное спокойствие, а, напротив, дабы показать, что Бог уже не будет действовать через них, но будет беседовать с людьми лицом к лицу.

Но зачем понадобилась картина самого помещения? Очень просто: потому что явится не Бог, а ангел, но ангел обладает прежде всего пространственными характеристиками, точнее, осуществляет критику пространства. Аверинцев хорошо знал основные достижения отечественного богословия в области ангелологии: достаточно ука-

зять на учение А. Ф. Лосева об ангелах как об инобытии божественного замысла [5, с. 116], тем самым первоначально пространственных, раз инобытие отграничено от бытия, или на учение С. Булгакова и его последователей о том, что бытие ангелов прямо следует из софийности материи: если само творение есть осуществление разумного, премудрого (софийного) замысла, то ангелы появляются необходимо в самый момент начала творения [Там же, с. 20]. Даже не обращаясь к сложным аргументативным построениям Булгакова или Лосева, мы можем уверенно утверждать, что для Аверинцева явление ангела должно было сопровождаться размышлениями над свойствами пространства.

Аверинцев – не метафизик, чтобы рассуждать о внутрибожественной жизни, но он достаточно внимателен, чтобы говорить о другой идее пространства, не вспыхивающей при появлении или реализации божественного замысла, но принадлежащей уму живописца. Понимание «идеи» как художественного замысла обязано, как доказал Панофски в своей известной книге [6], перипетиям живописной риторики в эпоху Возрождения, и поэтому явно нужно обратиться к живописи Возрождения, чтобы найти источник возможного вдохновения Аверинцева или допустимый ключ к тому выстраиванию фактичности, которое далее продолжится в поэме.

Конечно, ближе всего к такому изображению кельи Девы Марии фрески Фра Беато в монастыре Сан Марко во Флоренции. Именно там мы видим голые стены, там отсутствуют какие-либо предметы, и содержание

фрески полностью согласуется с ее употреблением – для молитвы и медитации. Влияние Фра Беато Анжелико на программу описаний в поэме Аверинцева становится несомненным после строки: «Стоит недвижно на молитве Дева». В тексте Евангелия от Луки ничего не сказано о занятии Девы Марии во время Благовещения, а большинство изображений показывают Деву Марию сидящей за рукоделием или раскрытой книгой. Чтение книги трактуется как изучение пророчеств, то есть приготовление себя к неожиданным словам архангела, а вязание – как один из символических образов бессеменного зачатия, образования ткани только из девственной крови. Только в одной фреске Беато Дева стоит на специальной молитвенной приступочке, скрестив руки и удерживая книгу в разговоре с архангелом. Таким образом, перед нами экфрасис фрески Фра Беато, но экфрасис, сам подрывающий свое основание: молитва оказывается не столько темой изображения, сколько единственным актом воли, который сделал возможным в том числе это изображение.

Внутренний подрыв экфрасиса усиливается подрывом основы восприятия экфрасиса, а именно, гедонизма, наслаждения изображением. Молитвенная сосредоточенность Девы Марии раскрыта в словах «вкушать, и обонять, и осязать» единого Бога. Если эти слова в контексте эллинистической культуры могли бы обозначать всю гамму иллюзорных впечатлений, которую внушают живопись, театр и правильно построенная речевая риторическая композиция, то здесь они оказываются частью внутренней жизни, ко-

торая только и делает возможным верно относиться к верности Бога. Если верность Бога в Библии сладостна, закон Божий, согласно ветхозаветным писателям, «сладостен», «сладостнее меда», то и «верность Бога», упомянутая двумя строками ниже как итоговый вывод из медитации Девы Марии, оказывается наслаждением. Так создается гедонистическая предпосылка диалога, совершенно несовместимая с риторическим гедонизмом эллинистического типа.

Описание вида кельи возобновляется после длительного отступления, сравнивающего близость Бога в новозаветном мире с невыносимостью Богоявления в Ветхом Завете, с иллюзорностью боговидения падшим Адамом и языческими космологиями, подразумевающими разнокачественность и, значит, опосредование пространств. Мы должны вернуться в пространство заведомо не иллюзорное и простое. Аверинцев не мог бы добиться такого эффекта фактичности продолжением уже данного описания. Поэтому новое описание динамичнее, и экфрасис-не-экфрасис приобретает новое качество:

*меж голых стен, меж четырех углов
явился, затворенную без звука
минуя дверь и словно проступив
в пространстве нашем из иных глубин,
непредставимых, волей дав себя
увидеть, – тот, чье имя: Божья сила.*

Минование двери видно и на рассмотренной фреске Фра Беато, где стена со стороны архангела заменена колоннадой при сохранении единой структуры свода. Но это же можно сказать и обо всех остальных изображениях Благовещения у Фра Беато: везде архангел проходит через колон-

наду, запертой и хлопающей двери там просто быть не может; но колоннада, как мы знаем из христианской иконографии, – один из вариантов условного изображения закрытого помещения. Фра Беато соединяет в одном пространстве средневековую иконографическую условность и вполне реалистическую перспективу стены со стороны Девы Марии. Тем самым и поворот в поэме Аверинцева оказывается понятен: Дева Мария слишком хорошо знала все условные присутствия Божия, но ей необходимо было принять фактичность этого присутствия.

Аверинцев дает экфрасис всех изображений Благовещения у Беато Анжелико, на что указывают слова «из иных глубин»: никаких глубин нет на фреске из Сан Марко, кроме символической глубины молитвенной медитации, но на других фресках есть и затворенный рай, и благословение Бога-Отца, и небесный звездный свет – и это присутствие иных глубин композиционно необходимо.

Но и такой множественный экфрасис оказывается оспорен. В поэме выясняется, что архангел предпринимает специальные усилия, чтобы стать видимым, и для этого рассказывает нам смысл собственного имени. Это невозможно в экфрасисе, где условием видимости оказывается сама живописная плоскость, а не какие-либо ее отдельные элементы; равно как и привилегия именованья не принадлежит герою изображения, но оказывается заранее известна или объяснена исходя из изображенной ситуации (как в начале «Дафниса и Хлои», где экзегеза картины объясняет ее сюжет – так как картины первоначально были посвяти-

тельные, отдавались в храмы в честь чудесного спасения, то языческий экзегет объяснял изображение как действительно исполняемое спасение).

Таким образом, Аверинцев показывает, что, кроме условий видимости предметного мира, необходима фактичность самого диалога, который начинается с окликанья по имени. Окликание по имени вроде «Услышь, Израиль» (фраза, употребленная в стихотворении Аверинцева “L’enfer, c’est les autres”) было началом любого ветхозаветного диалога. Но, превращая окликание в самопредставление, Аверинцев показывает отличие Ветхого Завета от Нового Завета, а именно, что любое сообщение о событии в Ветхом Завете может быть понято в Новом только как фактичность вещи. Если событие проверяется ходом дел и требует новых окликаний, то раз и навсегда состоявшееся окликание и образует мир факта. Так дальше и описывается видимость архангела Гавриила как космическая видимость:

*Он видим был – в пространстве,
но пространству
давая меру, как отвес и ось,
неся в себе самом уставы те,
что движут звездами. Он видим был
меж голых стен, меж четырех углов,
как бы живой кристалл иль столп огня.*

Все слова, вроде «мера», «устав» или «кристалл» заимствованы из эллинистического лексикона, но поставлены на службу раз и навсегда утверждаемой видимости и фактичности. Он окликает Деву Марию как «звезда звезду», и эллинистическая фактичность продолжает свое триумфальное утверждение.

Далее диалог, построенный как интенциональный, имеющий в виду раскрытие молитвенной и медитативной интенции Девы Марии как ее дальнейшего предназначения, послушания Богу, выстроен, с постоянными отсылками к злу языческого девства и «учтивост[и] неба», на образах звезд. Так «ликвали звезды» при сотворении мира, и при этом весть архангела сообщает не о звездной славе, но о действительном решении Бога.

О, не леть: ни слова

*о славе звездной: все о Боге, только
о Боге.*

Далее эта звездная слава выдерживается как уже основной мотив для сравнения с ним всех прочих мотивов до самого конца поэмы. Здесь мы можем увидеть третий, и самый интересный экфрасис-не-экфрасис, а именно изображение тем же Фра Беато Анжелико коронования Девы Марии. Непосредственно Бог возлагает корону, а свет звезд заглушаем светом, исходящим от торжествующей двоицы. Тогда сразу снимается вопрос, как соединяется в мире поэмы Аверинцева звездная слава и осуждение языческого поклонения звездам, если этого нельзя достигнуть средствами, которые употреблялись в христианской гимнографии, – указанием на принципиальную разницу ситуаций – ведь теперь все видимо только из ситуации Благовещения. Раз все видимо из единой ситуации, логичнее всего сделать ее мерой наиболее необычную и торжественную ситуацию, уже запредельную по смыслу, не описанную нигде в Библии, но принимаемую как факт: коронование Девы. Тогда действительно свет звезд, с самого начала раскиданных волей

Божьей по небу, не противоречит отказу от звездной славы, так как этот отказ совершается как факт, требующий простого принятия, как некоторая самоочевидность этического факта.

И третий экфрасис Фра Беато переживает ту же судьбу, что и первые два. Мы видим осуществление славы, но видим, что оно полностью принадлежит этическому выбору героев, а значит, не нормирует область этических условностей, но изумляет как факт, с которым должна считаться и наша этика. Мы оказались окликнуты этим фактом ради диалога. Именно тогда побеждает то, что В. Поцци удачно назвала «[р]ациональность как принцип при-нимания, в-нимания» [7, с. 333]

Таким образом, поэма Аверинцева оспаривает привычное обращение к наследию европейской библейской живописи, вычитывающее из нее только ситуации и превращающее их в своеобразное руководство к действию или интерпретации групп си-

туаций. Богословская и философско-феноменологическая проблема фактичности (Гуссерль, Бультман) находит в поэме Аверинцева завершенное и последовательное решение с помощью своеобразного каскада снятий экфрасисов, в чем лучше всего увидеть филологически-искусствоведческую «эйдетическую редукцию». Эта редукция охватывает целый ряд установок, привычных нам при трактовке библейских сюжетов, от исторических до этических; и производит снятие эффектов этих трактовок. Аверинцев при этом изощренно использует интеллектуальный потенциал византийской гимнографии, которая благодаря типологической аллегорезе создала модель медитативности, позволяющую посмотреть со стороны на саму медитацию – и значит, очертить границы воспринимаемого при медитации факта. Так поэма, став метакритикой стратегий как экфрасиса, так и сюжетосложения, сделалась образцом современной философской поэмы на известный сюжет.

Библиографические ссылки

1. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М. : Языки русской культуры, 1995. 448 с.
2. Аверинцев С. С. Стихи духовные. К. : Дух и Литера, 2001. 120 с.
3. Гальцева Р. А. Несколько страниц телефонных разговоров с С. С. Аверинцевым // Знамя. 2006. № 10. С. 172 – 177.
4. Ильин В. Н. Шесть дней творения. П. : Умса-Press, 1991. 236 с.
5. Лосев А. Ф. Первозданная сущность // Имя. Избранные работы, переводы, исследования, архивные материалы. СПб., 1997. С. 115 – 124.
6. Панофски Э. Идея. СПб., 1996. 238 с.
7. Поцци, Вера. Поэтическая антропология Ольги Седаковой. Диалог с Сергеем Аверинцевым и Борисом Пастернаком // Ольга Седакова : стихи, смыслы, прочтения : сб. науч. ст. М. : НЛО, 2017. С. 321 – 356.

**PICTURESQUE IMAGES IN THE POEM «THE ANNUNCIATION»
BY S. AVERINTSEV**

Scenic imagery in Averintsev's poetry is optional both from the author's own admission and from its actual function in the artistic whole. However, the poem «The Annunciation», published as an innovative one for the official system of literature, refers both to the habits of the general reader to perceive European painting, and to the creatively reprocessed traditions of the great poem, which inevitably includes descriptions as a kind of digression. Thus, innovation is manifested primarily in a special concentrated exposition of the biblical story, and visual references are equated with reflections, which contributes to the achievement of a special meditative effect. Such meditation, working along with other thinking habits, including long reflections on picturesque compositions, creatively transforms all them, turning into clues to understand not only the plot, but also the organization of a dramatic conflict. Since the plot and the event of the Annunciation could be understood only as drama of one type, the drama of salvation, pictorial imagery becomes a kind of phenomenology of salvation, allowing to clarify exactly how salvation can be thought of in its actuality. Thus, the poem «The Annunciation», although it is at first glance a free pious reflection on the famous biblical story that does not allow plot, but only intellectual digressions, is a contribution to the solving of one of the key theological problems of the twentieth century, the problem of the factuality of revelation, and picturesque references and reflections specify not so much our emotional attitude to the ready fact, but boundaries and limits of perception of the fact.

Keywords: modern Russian poetry, spiritual poetry, ekphrasis, Averintsev, painting in poetry.

УДК 101.1:372.8

Е. И. Аринин, Г. А. Геранина

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА I*

В статье исследуются проблемы философско-религиоведческого описания методик обучения религии в государственных образовательных учреждениях в царствование Александра I. На основе нормативно-правовых актов (уставов) и современного осмысления с позиций философского религиоведения ряда исследований XIX в. рассматриваются вопросы методики обучения в государственных образовательных учреждениях. В отечественной историографии вопрос о религиозном образовании, религиозном воспитании, методике обучения знаниям о религии всё ещё остается малоизученной страницей истории российского образования. В настоящее время предметом особого внимания становятся комплексный курс ОРКСЭ и модуль «Основы православной культуры», в связи с этим обращение к истокам появления методов светского, религиозного образования в XIX в. требует пристального изучения. Предлагаемая работа позволяет по-новому взглянуть на изученность проблемы и наметить новые направления для исследования.

Ключевые слова: светское образование, религиозное образование, методика обучения, урок.

Термин «религиозное образование» согласно данным «Национального корпуса русского языка» в отечественной литературе впервые встречается в 1858 г. в работе К. Д. Ушинского «О средствах распространения образования посредством грамотности» [1, с. 85]. Проблемы религиозного образования встают в центр государственной политики еще в XVIII в., когда власти поставили вопрос о сочетании религии и науки, достойном эпохи

Просвещения [10, с. 160]. В XVIII в. в русский язык пришел и сам термин «религия» [2, с. 83]. Только в XIX в., начиная с царствования Александра I (1801 – 1825 гг.), вопросы катехизации и преподавания «Закона Божьего» становятся особой проблематикой, которой придают государственное значение.

В мае 2018 г. в Российской Федерации было учреждено Министерство просвещения РФ, название которого

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00935 А.

восходит к реформам 1802 г., когда наряду с другими подразделениями правительства было впервые создано Министерство народного просвещения, «целью которого и главной задачей было воспитание юношества и распространение наук» [9, с. 54]. Первым министром был назначен граф Пётр Васильевич Завадовский (1739 – 1812), под руководством которого был разработан план создания новой для страны учебной системы с целью систематического развития образования для народа, а исполнение этой важной задачи поручается Главному правлению училищ, созданному 24 января 1803 г. и получившему законодательное основание через принятие «Предварительных правил народного просвещения». Большое значение в этом сыграли законодательные меры, позволившие принять в 1804 г. «Устав университетов Российской империи» и «Устав учебных заведений, подведомых Университетам» для государственной школы и проекты уставов 1808 – 1839 гг. для духовных школ, отделившие светское образование от церковного. Историк С. В. Рождественский (1868 – 1934) в работе «Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802 – 1902» отмечал, что «потребовалось целое столетие на то, чтобы задачи народного просвещения, смутно обозначившиеся в конце XVII в., были поставлены вполне ясно и отчетливо: чтобы светское образование, отделившееся от религиозно-нравственного просвещения, разделилось, в свою очередь, на две самостоятельные и одинаково важные области, образование общее и профессиональное ...» [8, с. 2].

В этот исторический период структура образовательных учреждений, содержание учебно-воспитательного процесса, учебное правление, педагогический состав, материально-техническая база, учебные пособия, методы и приёмы обучения, целый ряд других позиций стали определяться положениями уставов.

Цель данной статьи состоит в философско-религиоведческом анализе методов и приёмов обучения в данный исторический период (1802 – 1825) с опорой на содержание уставов. Главной универсальной характеристикой процесса обучения являются те задачи, которые позволяют смоделировать и показать окончательный учебный результат.

Согласно Уставу 1804 г. целью обучения в приходских училищах было: 1) чтобы приготовить юношество для уездных училищ, если родители пожелают, чтобы дети их продолжали в оных учение; 2) чтобы доставить детям земледельческого и других состояний сведения им приличные, сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки, действия коих столь вредны их благополучию, здоровью и состоянию [5, с. 640]. Целью обучения в уездных училищах было: 1) приготовить юношество для гимназий, если родители пожелают дать детям своим лучшее воспитание, и 2) открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности [Там же, с. 636]. Целью обучения в гимназии было: 1) приготовление к университетским наукам юноше-

ства, которое по склонности к оним или по званию своему, требующему дальнейших познаний, пожелает усовершенствовать себя в университетах; 2) преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения, тем, кои, не имея намерения продолжать оные в университетах, пожелают приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека [Там же, с. 626]. Наконец, целью обучения в университетах было «приготовление юношества для вступления в различные звания государственной службы» [4, с. 607].

Основное средство государственно-го обучения – учебник и учебные пособия, которые целенаправленно служат решению определённых целей и учебно-воспитательных задач, являясь для учителя основным ориентиром и источником для реализации государственно-образовательной политики.

Учебные пособия в приходских училищах того времени представлены следующим перечнем: таблицы азбучные, таблицы для складов, букварь российский, прописи и руководство к чистописанию; первая часть арифметики, сокращённый Катехизис, краткое наставление о сельском домоводстве, произведениях природы, о сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья, правила для учащихся и детский друг [Там же, с. 641].

Устав 1804 г. предписывал для учебных заведений, «подведомых Университетам», в разделе «Об уездных училищах» уже более широкий перечень учебных пособий: краткий и пространный Катехизис, книга о должностях человека и гражданина, изъясне-

ние Евангелий, грамматика российско-го и местного языков, арифметика, всеобщая география, совокупно с начальными основаниями математической географии, география Российского государства, всеобщая история, история российская, начальные правила слога, начальные правила геометрии, сокращение физики и естественной истории, начальные правила технологии, таблицы для чистописания, таблицы хронологические, глобусы и армиллярные сферы, карты всех частей света, генеральные и специальные карты Российской империи, карта древнего света и пр. [5, с. 638]. В уставе гимназий специально подчеркивалось, что «все науки преподаются по начальным книгам, принаровленным к вышепомянутому плану учения, то есть: соразмерно продолжению курсов и числу часов, означенных выше для каждой науки. Главное Правление Училищ примет меры к изданию в достаточном количестве сих различных книг» [4, с. 629].

В. В. Григорьев писал: «Учебная литература того времени, за исключением книг по Закону Божию, состояла преимущественно из переводных учебников и руководств. По Закону Божию употреблялся изданный Комиссией об учреждении училищ сокращённый катехизис митрополита Платона; также должно было читать книгу «О должностях человека и гражданина». Более правильную постановку этот предмет получает с распространением «Начатков христианского учения, или Краткого катехизиса» митрополита Филарета, заменившего собою катехизис митрополита Платона, причём и книга «О должностях человека» была изъята

из употребления. Деятельность митрополита Филарета на пользу начального обучения известна уже с 1819 г., когда появились составленные ими по Высочайшему повелению «Таблицы чтения из Священного Писания» по методу взаимного обучения. Составленный же им «Христианский катехизис», из сокращения которого издан «Краткий катехизис», появился в 1823 году» [6, с. 325]. Эти проблемы были непосредственно связаны с универсализмом научных знаний и конфессиональной природой таких дисциплин, как Закон Божий, который выражал особенности принятого в той или иной стране государственного вероисповедания.

В этот исторический период в Российской империи получает широкое распространение метод взаимного обучения (ланкастерская система). Этот способ обучения стал распространяться с 1819 г., когда возвратились в С.-Петербург отпущенные правительством студенты педагогического института с целью ознакомления с ланкастерскою «методою» в Англии, Швейцарии и Германии [Там же, с. 307]. Ланкастерский метод подразумевал процесс обучения «старшим», знающим и специально подготовленным учеником-помощником, освоившим урок на определённую тему, порученной ему группы учеников, которым он должен был передавать знания. Данный метод позволял объяснять материал школьникам на доступном и понятном им языке, так как стиралась значительная разница в интеллектуальном и возрастном уровнях учащихся и учащихся. Кроме того, данный метод стимулировал и мотивировал на воз-

можно лучшее освоение материала, поскольку именно это и позволяло обладать статусом «старшего» обучающего. В «Очерке истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II» отмечалось, что «в министерстве кн. Голицына был впервые применён в русских начальных школах метод взаимного обучения, или ланкастерский, возникший в конце XVIII в. и быстро распространившийся в Западной Европе» [7, с. 199]. Так, уже «в 1822 году принято было окончательное решение применить этот метод только при обучении чтению, письму и четырьмя правилами арифметики, Закон же Божий и другие предметы должны были преподаваться обыкновенным способом» [Там же].

Этот метод обучения способствовал развитию наглядных средств обучения, поскольку «в 1819 году по Высочайшему повелению Министерство издало таблицы уроков по этому методу и другие пособия, ассигновав на это дело до 8000 рублей из сумм государственного казначейства» [6, с. 307]. В 1819 году был учреждён особый Комитет при Главном Правлении Училищ, который должен был «заботиться о всех потребностях для заведения училищ взаимного обучения, заготавливать учебные пособия, составлять для таких училищ правила и заботиться обо всём к ним относящемся» [Там же]. Появлялись специальные школы взаимного обучения, которые относились к одной категории с приходскими училищами, а «в 1822 году учреждено С.-Петербургское училище взаимного обучения для бедных русских мальчиков» [Там же]. Такие школы взаимного обучения дали

возможность содержать учебные заведения при одном учителе, что было особенно актуальным при нехватке преподавателей.

Начались поиски форм живого и деятельного обучения, делались первые шаги и попытки зарождения методики преподавания, когда, к примеру, в «Уставе учебных заведений, подведомых Университетам» (1804) отмечалось, что необходимо соединять теорию с практикой и сделать это можно через «прогулки за город» [5, с. 629]. Прогулки или своего рода экскурсии были использованы в качестве вознаграждения за хорошую успеваемость студентам гимназий, что служило стимулом для их «подтягивания» к определённом уровню успеваемости. Таким образом, в структуре гимназий мы видим зачатки формирования практики экскурсии как особого метода обучения. В данных видах «прогулок» показывалось действие «мельниц, гидравлических машин и других механических предметов», «собирались травы, различные роды земель, камней» с изъяснением их свойств и отличительных признаков, «в зимнее время, сей же учитель с частью своих учеников осматривает в городе фабрики, мануфактуры и мастерские художников, дабы предметы, которые он преподаёт по сей части, объяснить практикою; ибо рисунки и описание не могут дать ясного и достаточного о том понятия» [Там же].

Педагогическая практика показала, что одним из результативных методов стимулирования деятельности детей является соревнование, как это описано в уставе гимназий в пункте 61,

«опытом доказано, что таковые меры, открывая успехи каждого ученика, служат к возбуждению в них соревнования» [Там же, с. 634]. Соревновательность заложена в самой природе человека и ребёнку свойственно сравнивать свои результаты с результатами других сверстников, «сумма же чисел, назначенных каждому ученику в рапортах всех его Учителей, определяет место, какое он должен занимать между товарищами. Поелику же такое место назначается посредством некоторого баллотирования, то и дано сим числам наименование шаров, хотя в прочем при сем действии шары не употребляются» [Там же]. Соревновательность является основным механизмом метода соревнования. Как указано в уставе, данный метод должен быть использован «во всех прочих преподаваемых им предметах» [Там же]. Метод соревнования не допускает использования только одной оценки (отметки), так как каждая конкретная учебная дисциплина несёт в себе множество субъективных составляющих: интеллектуальные возможности, способности ребёнка, настроение, отношение к нему учителя и прочее. В уставе предлагается соревноваться количеством набранных шаров, когда не одни оценки, но «известное число шаров определяет знание каждого ученика» [Там же].

Важным методом педагогической поддержки деятельности детей является поощрение. Этот метод имеет значимые функции: коллективно одобрить действия и поступки учащихся; стимулировать стремления к действиям; самоутверждение. Воспитательный

характер метода основан на переживании ребёнком чувства радости, гордости за себя и свои успехи, счастья, удовлетворение перед собой и товарищами. Устав гимназий указывает на это, предписывая, что «ученикам, наиболее отличившимся, раздаются награды после открытого испытания торжественно, дабы увеличить соревнование. После чего окончившие учение в нижних классах, переходят в высшие» [Там же].

Таким образом, в Уставе гимназий были прописаны активные методы обучения, такие как соревнования, которые создают сильные эмоционально-ценностные стимулы, усиливают мотивы учебной деятельности; делают обучение интересным и привлекательным, а подкрепляющим мотивом к соперничеству является поощрение.

Немаловажную роль играют в системе обучения и наглядные средства. Что тоже имело место быть в педагогическом процессе данной эпохи? Азбука. В александровскую эпоху она приобретает широкую популярность, «азбука издавалась в достаточном количестве» [6, с. 325], для наглядности печаталась азбука в картинках. Такие азбуки имели листовую форму в виде карточек-картинок. Наибольший интерес представляет азбука «Народы земного шара. Азбука в картинках» (Москва, 1820 г.). На данных карточках в алфавитном порядке располагаются картинки людей различных наций с лаконичными подписями под иллюстрациями наций, народов мира, например: А – аравитяне, Б – бухарец, башкир, В – виргинцы, Г – гренландцы, Д – дикие из Канады, Е – ескимы, Ж – жители огненной земли, И – испанцы, М – монголы, Р – россияне, Я – якут и т. п. Составители данной азбуки стремились не только

помочь выучить алфавит, но и познакомить ребёнка с визуальными образами различных наций, населяющих Землю.

Кроме того, первая половина XIX в. – это время становления отечественной исторической науки. Рост национального самосознания русского народа был невозможен без освещения его прошлого. Такие попытки изредка предпринимались и в предшествующие столетия, однако систематических трудов по истории России тогда не существовало. Откликаясь на запросы общественности, Александр I поручил Николаю Михайловичу Карамзину (1766 – 1826) написать историю России. Н. М. Карамзин, писатель-сентименталист и публицист, не был профессиональным историком. Но он понял всю ответственность своей задачи и за несколько лет упорного труда добился крупных успехов. Первые 8 томов его «Истории государства Российского» вышли в 1816 – 1817 гг.; последний, 12-й том – в 1829 г. Автор успел довести изложение до 1611 г. Н. М. Карамзин считал, что история человечества – это история борьбы разума с заблуждением, а просвещения с невежеством. Решающую роль в истории он отводил великим людям. С помощью психологического анализа их действий он объяснял важные исторические события. «История государства Российского» имела огромный успех в образованных кругах империи и неоднократно переиздавалась, что тоже не могло не отразиться на педагогическом процессе.

С апреля 1810 г. Министерство народного просвещения возглавил попечитель Московского учебного округа граф А. К. Разумовский (1748 – 1822). В циркуляре от 8 июля 1810 г.

«О способах преподавания» Главное Правление Училищ писало: Усмотрено, что во многих училищах преподаются науки без всякого внимания к пользе учащихся, что учителя стараются более обременять, нежели поощрять память их, и вместо развития рассудка постепенным ходом, притупляют оный, заставляя заучивать наизусть от слова до слова то, из чего ученик должен удерживать одну только мысль и доказывать, что понимает её, собственными, хотя бы и несвязанными, но не книжными выражениями. Такой способ учения сколько легок для учителей, столько вреден для истинного образования юношества, а на сие тем менее можно взирать с равнодушием, что сверх потраты детьми наилучшего в жизни времени, обманывается надежда правительства и употребляемые им на воспитание издержки остаются мало вознагражденными; в прекращение сего Министр народного просвещения сообщает всем попечителям учебных округов, дабы предложили университетам:

1) чтобы при определении учителей требовано было от них знание методы учения не механической, но способствующей к действительному обогащению ума полезными и нужными истинами;

2) чтобы предписано было директорам и смотрителям училищ иметь неослабный надзор за учителями в этом отношении;

3) чтобы и визитаторы на это обращали главное внимание;

4) чтобы преподавание шло по рекомендованным – учебникам, а не произвольно составляемым учителями курсами, на переписку коих уходило много труда и времени;

5) чтобы для совершенного удостоверения в успехах учеников были употребляемы все меры, чтобы экзаменнические испытания проводились вполне беспристрастно» [3, с. 39].

Нормативно-правовые документы (циркуляры и уставы) свидетельствуют о том, что образовательные реформы Александра I имели гуманную и просветительскую направленность проводимых преобразований. В «Уставе учебных заведений, подведомых Университетам» 1804 г. очень подробно, в несколько пунктов описываются обязанности и педагогические требования к учителю, например, учитель должен быть «терпеливым и исправным и полагаться больше на свою прилежность и порядочные правила», особое внимание уделять «малолетним детям» и делать их учение «легким, приятным и более забавным, нежели тягостным» [5, с. 630].

Особенное внимание уделять и учащимся «возрастным»: «Учитель должен стараться более о образовании и изоощрении рассудка их, нежели о наполнении и упражнении памяти, не теряя из виду главного предмета юношеского наставления, состоящего в том, чтобы приучить детей к трудолюбию, возбудить в них охоту и привязанность к наукам, которая, по выходе их из училища, заставила бы их пещись дальнейшем усовершенствовании себя; показать им путь к наукам, дать почувствовать цену оных и употребление, и через то сделать их способными ко всякому званию, особливо же дать уму и сердцу их надлежащее направление, положить в них твердые основания честности и благонравия, исправить и преодолеть в них худые склонности» [Там же].

Таким образом, анализ исторической эпохи царствования Александра I и Уставов университетов (Виленского, Дерптского, Московского, Харьковского и Казанского), принятых в 1804 г., как и «Устава учебных заведений, подведомых Университетам» (гимназий, уездных и приходских училищ) показал, что:

- была создана государственная система образования во главе с Министерством народного просвещения, в ведении которого были все образовательные и научные учреждения;

- в течение первых лет царствования Александра I была создана нормативно-правовая база образовательной системы, в которой отразились основные положения учебных заведений, структура государственных учреждений, программы обучения, руководство, педагогический состав, материально-техническая база, учебные пособия и многое другое;

- создана училищно-административная система, которая соединила в одну цепь по принципу преемственности все четыре рода училищ: приходские, уездные, губернские, или гимназии, университеты;

- система образования имела две определённые цели: 1) подготовить к поступлению в следующую высшую ступень школы и 2) дать законченное образование тем, кто не желает или не может продолжать его дальше;

- в этот исторический период широкое распространение получает метод взаимного обучения (ланкастерская система);

- в уставах прописываются активные методы обучения, такие как: экскурсия («прогулки за город»), соревнования, поощрения;

- появляются наглядные способы обучения, особенно в ланкастерской школе, при этом приобретает широкую популярность азбука в картинках;

- 8 июля 1810 г. выходит циркуляр «О способах преподавания», где Главное Правление Училищ декларирует важность знания методъ учения не механической, а развивающей, способствующей обогащению ума полезными и нужными истинами, при этом религиозное образование выступает как особая часть общего, готовящего просвещенных подданных просвещенной империи.

Библиографические ссылки

1. Аринин Е. И., Маркова Н. М. Образы «религиозного образования» в России и «Проект Ушинского» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия, социология, право. 2018. Т. 43 (1). С. 84 – 90.
2. Аринин Е. И., Мартиросян В. С. Термин «религия»: сравнительный анализ некоторых денотатов и коннотатов в России и Армении (к постановке проблемы) // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 3(15). С. 80 – 88.
3. Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб. : Издание О. Богдановой, 1912. 346 с.

4. Высочайше утвержденный Устав Императорского Казанского университета // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXVIII. 1804 – 1805. № 21.500. СПб. : тип. II отд. собств. его императорского Величества канцелярии, 1830. – 1349 с.
5. Высочайше утвержденный Устав учебных заведений, подведомых Университетам // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXVIII. 1804 – 1805. № 21.501. СПб. : тип. II отд. собств. его императорского Величества канцелярии, 1830. 1349 с.
6. Исторический очерк русской школы / сост. В. В. Григорьев. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1900. 587 с.
7. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / сост.: С. А. Князьков и Н. И. Сербов / под ред. проф. С. В. Рождественского. М. : Типография Русского Товарищества печатного и издательского дела : Чистые пруды, 1910. 240 с.
8. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802 – 1902. СПб. : Изд. МНП, 1902. 785 с.
9. Ферлюдин П. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Выпуск I. Академия наук и университеты. Саратов : Типо-Литография П. С. Феокритова, 1893. 184 с.
10. Arinin E., Kildiachova T., Markova N., Silantieva M. Religion, science and «religious education» in Russia: the peculiarities of differentiations // European Journal of Science and Theology. 2018. Vol. 14. № 5. P. 159 – 169

E. I. Arinin, G. A. Geranina

PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL ASPECTS OF THE STATE FORMS OF RELIGIOUS EDUCATION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS DURING THE EPOCH OF ALEXANDER I

The article studies the problems of teaching methods in state educational institutions during the reign of Alexander I. On the basis of normative legal acts (Statutes) and works of the past, the issues of teaching methodology in state educational institutions are considered. In the domestic historiography the question of religious education, religious upbringing, the method of teaching knowledge about religion is still an unexplored page of the history of Russian education. Currently, the subject of special attention is the complex course of the Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics and the module «Fundamentals of Orthodox Culture». Therefore, the origins of methods of secular, religious education in the first half of the 19th century require careful study. The proposed work allows a new look at the study of the problem and outlines new directions for research.

Keywords: secular education, religious education, teaching methods, lesson.

Я. О. Бабочкина, С. А. Зубков

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ФЕТИШИЗМА

Каково происхождение фетишизма? В чем его основные особенности как формы архаических религий? Каково эстетическое наполнение фетишизма?

Данное исследование является попыткой раскрыть фетишизм с позиций эстетики и выявить его эстетические особенности.

Ключевые слова: фетишизм, эстетика, религиозное сознание, эстетическая природа.

Фетишизм как термин в современное время в научной литературе фигурирует довольно часто, но иногда это понятие используют в неправильном смысле. Осмысленные определения были предложены исследователями, но они в значительной степени различались между собой. Одни авторы понимали под фетишизмом первоначальную ступень религии, а другие считали, что это способ вырождения совершенной религии и познания чистой истины, а многие думали, что фетишизм – это колдовство.

Термин «фетиш» произошел от португальского слова «feitiços», когда португальские путешественники увидели суеверное уважение к предмету у негров западного побережья Африки. В литературу это слово вошло в 1760 году, когда французский историк Шарль де Бросс в своем научном труде придал ему широкое значение, принимая под ним все объекты человеческого поклонения, рассматривая как первоначальную ступень развития любой религии. [1, с. 45]

Н. Н. Харузин, А. В. Смирнов считали, что фетишизм – это религиозное почитание чувственных и воспринима-

емых предметов, это действие, следствием которого человек пытается зайти в невидимый мир.

Фетишизм – это определенная форма религиозного сознания, которая заключается в том, что отдельные неодушевленные и средние по размерам объекты в их основном виде или же приспособленные путем разных специальных приемов к потребности культа окружаются повседневым поклонением. [2, с. 55]

Фетиш всегда можно найти и изготовить. Это основное различие фетишизма от других культов природы. С одной стороны, благодаря более или менее индивидуальной окраске они отличаются от определенной группы сакральных объектов (например, талисманов). Талисманы, амулеты, конечно, могут обладать магической силой, но предмет фетиша – это дух, который обладает культом, активностью духовного начала, в отличие от талисманов.

Понятие «фетишизм» используют не только религиоведы, им активно пользуются психологи. Однако фетишизм может быть включен в поле изучения эстетики.

Но все-таки чем является фетишизм? Религиозным сознанием, одним из видов психологического воздействия на человека, эстетическим феноменом или художественной частью культуры?

Для начала стоит рассмотреть истоки появления фетишизма. Важным этапом исследования фетишизма можно назвать научную работу Ш. де Бросса «Культ богов – фетишей» (1760), положившую начало теории фетишизма. Но данная работа подверглась и критике. В первую очередь стоит отметить природу фетишизма, которая, согласно автору трактата, сведена к следующему: «Фетиш бога материальный объект, который народу захотелось выбрать своим единственным божеством и предоставлять жрецам как особый предмет в своей церемонии» [1, с. 80]. Во-вторых, в толковании фетишизма Ш. де Броссом этот феномен перекликается с тотемными, теистическими верованиями. То есть, сделаем вывод, что ученый не до конца рассмотрел данное понятие, что привело к путанице многих исследователей. [Там же, с. 85]

В XIX веке французский философ О. Конт закрепил фетишизм в качестве начала теологической стадии человеческого мышления. Согласно Конту, фетишизм заключается в прямом и непосредственном одушевлении и обоготворении всех видимых явлений и предметов окружающей природы [2, с. 96]. Однако эту позицию исправляет Э. Тайлор, который предполагает, что фетишизм – это второстепенная отрасль анимизма, соотношенная с учением о духах, предметах [5, с. 120]. Именно анимистическая характери-

стика принесла одно из важных уточнений, фетишизм – учение о духах, воплощенных в предметы. Эта мысль распространена во многих религиозно-философских исследованиях.

Таким образом, феномен фетишизма воспринимается как религиозное явление. Его изучение ведется в качестве феномена в религии, который оформляется в религиозную анимистическую концепцию.

Стоит отметить, что существует и ряд психологических теорий фетишизма. Впервые данный подход описывает психолог А. Бинэ в своем труде «Фетишизм в любви» (1885), в нем он объясняет, что фетишизм связан с эротическими впечатлениями, которые закладываются в детстве. [3, с. 90] Например, мужчины больше подвержены этому явлению, так как в большей степени на них влияют зрительные образы женщины, таким образом, им проще попасть под зависимость предмета. Однако не все психологи придерживаются данного мнения. Например, Д. М. Рейниш, американский психолог, придерживается такой позиции, что интерпретация фетишизма – это разряд сексуальных предпочтений, которые являются не патологией, а жизненной потребностью [4, с. 130].

Обращаясь к эстетической природе фетишизма, следует напомнить о ключевом знании философской традиции. Эстетический взгляд средневековых философов развивается в контексте христианской религии. Эстетическая природа – Бог. Так, например, А. Августин указывает Бога как единый источник красоты. Позже он вносит в историю эстетики понятие о различии

блага, так как Бог – это абсолютная красота и благо [6, с. 201].

Неоднозначность и неопределенность в эстетике неслучайны, и те сложности, которые испытывает научный исследователь, могут быть неопределенны в составляющей предмета и в рациональной форме описывать эстетические феномены.

«Эстетизис – это такое состояние, в котором учитывается как динамическое, так и топологическое разнообразие, оно и рефлексивное, и проективное», – рассуждает в своем научном труде русский философ В. Круглов [4, с. 100]. «Эстетизис – это нахождение чувств в красоте бытия», – определяет русский философ А. Казин [Там же, с. 152]. Таким образом, фетишизм может быть осмыслен и закреплен в рамках эстетической науки. В чем же заключена эстетическая природа фетишизма? Русский философ В. Круглов утверждает, что в процессе определенного социального взаимодействия, через определенные ритуалы и обряды возникла природа фетишизма. А эстетизация его это и есть определенный запрет рефлексивной способности субъекта, которая заключена в манипулировании массой известных артефактов. [Там же, с. 108]

Однако, по мнению А. Казина, процесс эстетизации фетишизма произошел рефлексивно, из повседневных потребностей человека. «Чем больше спектр возможности, тем большей меры и силы возлагается на определен-

ный субъект, который становится рефлексивным. Таким образом, стоит отметить, что эстетическая природа фетиша происходит из определенного восприятия объекта» [4, с. 162].

Поэтому проблема раскрытия эстетической природы в фетишизме заключается в осмыслении и переживании какого-либо эстетического опыта и чувства. И во многом проблема эстетической природы в фетише заключена в начальной установке и на рациональном осмыслении переживаний субъектом эстетического опыта и попытке рационализировать ее. «Если разъяснять эстетическую природу фетишизма во всех его взаимосвязях, что даже при условии сознательной фетишизации, то выявить возбуждательный импульс невозможно» [4, с. 172]. Поэтому вынесение поспешных оценок фетишизму – с теоретического, религиозного сознания либо с психологической точки зрения – это всего лишь мнения и позиции исследователей.

Таким образом, проблема осознания эстетической природы в фетише заключена в том, что в ней закреплено осознанное рациональное мышление и переосмысление переживаний субъектом опыта эстетического.

В заключение сделаем вывод, что фетиш – это эстетический феномен, одна из форм реальности, которая имеет субъективную и ценностную окраску, определенные духовные связи, основанные на эмоциональном переживании.

Библиографические ссылки

1. Бросс Ш. О фетишизме / пер. и прим. Л. Р. Дурнаевского ; общ. ред. и пред. М. И. Шановича. М. : Мысль, 2013. 622 с.

2. Джикиевич А. А. Эстетика: Эстетическая структура : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2004. 331 с.
3. Журон В. А. Энциклопедия по психиатрии. М. : Джангир, 2010. 984 с.
4. Казин А. Л. Искусство русской философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 12. Вып. 2. С. 125 – 180.
5. Тайлор Э. Первобытная культура : пер. с англ. М. : Политиздат, 2010. 573 с.
6. Токарев С. А. Ранние формы религии. М. : Политиздат, 2010. 762 с.

Ya. O. Babochkina, S. A. Zubkov

AESTHETIC NATURE OF FETISHISM

What is the origin of fetishism? What are its main features as a form of archaic religions? What is the aesthetic content of fetishism?

This study is an attempt to reveal fetishism from the point of view of aesthetics and to display its aesthetic characteristics.

Keywords: fetishism, aesthetics, religious consciousness, aesthetic nature.

УДК 214/294

Н. И. Петев

ОБРАЗ БОГИНИ ХЕЛЬ В СКАНДИНАВСКОЙ МИФОЛОГИИ

В данной статье рассматривается и анализируется женский инфернальный образ богини скандинавской мифологии Хель. Данному персонажу уделяется незначительное внимание в «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде». На первый взгляд в общей мифологии Хель является пассивной и второстепенной персоналий. Однако в действительности она – одна из центральных фигур, значение которой первостепенно. Сам образ богини имеет характер энтелехии, то есть раскрывается постепенно в рамках онтологического процесса, пик её проявления – наивысший момент её силы, а именно Рагнарёк.

Ключевые слова: богиня Хель, Один, Хельхейм, скандинавская мифология, смерть, жизнь, очищение, тайные знания.

Отметим, что диапазон ролей, которые исполняют женские персоналии в различных мифологических системах, весьма широк. Особое внимание стоит уделить инфернальным и танатологическим образам женщины в мифах, так как они заключают в себе глубокий сакральный смысл.

Они касаются основ мироздания и всех космологических процессов. Некоторые женские мифологические образы несут особую этическую нагрузку, отражающую нравственные принципы того общества и народа, в мифологемах которых они существовали.

Первый образ, который будет рассмотрен, – это образ богини Хель в скандинавской мифологии. Хель является царицей подземного мира мёртвых. Этот персонаж очень интересен по нескольким причинам.

Во-первых, она является хтоническим божеством, что указывает на её противоборствующий Одину характер.

Во-вторых, несмотря на то что она – божество пантеона германцев, тем не менее её невозможно отнести ни к асам, ни к вanam, так как она дочь бога Локи и великанши Ангрбоды, первый же не является асом по происхождению своему¹.

В-третьих, из всех детей Ангрбоды Хель единственная, кто имеет антропоморфный вид в отличие от Мирового змея Ёрмунганда и волка Фенрира. Б. Спиноза отмечал, что антропоморфизм богов – это способ сближения человека и божества, то есть процесс, при котором любые божественные деяния и решения соотносятся с человеческой разумностью и полезностью [14, с. 46 – 47]. Поэтому можно сказать, что значение богини Хель для сознания индивида скандинавского общества велико.

В-четвёртых, эта богиня является своеобразным «изгоем», подобно Аиду, Эрешигаль и т. д., которому было уготовано место владыки в тёмном, мрачном и мёртвом царстве. Несомненно, что в данном случае сыграли важную роль происхождение и

¹ Локи происходит из рода ётунов. Однако это справедливо, если только его мать Лаувейя не была асиной, так как в таком случае Локи являлся бы наполовину асом, что и объясняет факт того, что асы позволили ему остаться в Асгарде. В таком случае и богиня Хель так или иначе относится к асам.

инфернальный вид самой богини, но в действительности причина намного глубже. З. Фрейд отмечал, что в архаическое время было особое отношение к вождям и жрецам, его можно объяснить страхом перед огромной магической силой, которой они обладали, и желанием защитить себя, т. е. максимально избежать контакта с ними [16, с. 64]. В архаическом обществе шаманы, как правило, жили отдельно от остальной части населения, более того, их боялись и опасались, однако чувствовали в них необходимость, так как если дело касалось чего-то сакрального или связанного с этой областью, то только эти специалисты могли помочь в решении вопроса. Функции богини Хель, как и у подобных ей богов, являются важнейшими для вопросов космологии и сотериологии. Это позволяет говорить, что значение этой богини было огромно как в общем онтологическом плане, так и в аспекте сотериологии и личностной эсхатологии.

В-пятых, Хель является девой, то есть в её образе имплицитно заложена идея непорочности и обета безбрачия. Для многих религий мира аспект непорочности является ключевым². Так, например Персефона была юной девой

² Например, в христианстве феномен непорочного зачатия Христа является важнейшим при рассмотрении персоналий, как самого Иисуса, так и Девы Марии, ибо он указывает на особую божественность и чистоту этого процесса, при том что сам естественный процесс зачатия и рождения скорее является следствием грехопадения, по крайней мере, в качественном его аспекте. Хотя, по сути, непорочное зачатие строго и не нарушает некий естественный принцип процесса зачатия и рождения, тем не менее несомненно то, что элемент нуминозного эксплицитно присутствует в этом феномене.

до того, как была украдена Аидом. Эрешкегаль правила загробным адом в одиночку, лишь позднее к ней присоединился Нергал в качестве мужа. Хотя существовали культуры, которые рассматривали значение этого феномена лишь в религиозной сфере, а в социальной сфере этот феномен вообще не рассматривался как положительный [7, с. 99] или даже считался недостатком [2, с. 209]. В мистической парадигме обет безбрачия и непорочность обладают внутренним противоречием, особенно применимо к женщинам. С одной стороны, несомненно, что непорочность и безбрачие являются специфической формой аскетической практики, в частности «очистительного» характера. В архаическом обществе любое важное действие или начинание (индивидуальное или коллективное) сопровождается предшествующими аскетическими практиками. Л. Леви-Брюль отмечал, что через умерщвление плоти (в том числе сексуального характера) происходит отсечение практикующего от негативных влияний, а также «чем более чистыми делают людей испытания, воздержания, аскетические обряды, тем более сильными мистически они становятся» [9, с. 181]. Это ещё раз указывает на особое положение богини Хель, а также её последующую важную роль в Рагнарёке. Отметим, что аскеза также связана и с главной функцией богини, её сфера действий – мир мёртвых. С одной стороны, она, учитывая её скелетообразное изображение, одновременно олицетворяет собой аскезу как принцип табуации, связанный с примирением с покойными или их подчинением, а с другой – она и есть сама смерть,

ведь смерть представляет собой только мертвеца [16, с. 88]. Кроме того, богиня Хель является противовесом остальным богиням пантеона германцев, так как последние не отличались благочестием и подобно остальным богам подверглись нравственной деградации и аморальным тенденциям.

С другой стороны, М. Элиаде отмечал, что обряды инициации женщин связаны с осознанием сакральности женщины и её особой создающей роли, предполагающей ответственность перед обществом и мирозданием [18, с. 114]. Как правило, эти посвящения связаны с периодом полового созревания, зачатия, рождения и т. д. Также с этими инициациями связаны культы Великой Матери, Матери-Земли и т. д. Обеты безбрачия и целомудрия являются антагонистичными вышеуказанной женской функции матери. Отсюда следует невозможность связи с жизнью как логическим результатом рождения. Однако в образе Хель дихотомия аскезы и жизни составляет целостный конгломерат. Подобно тому как в инициации смерть и новая жизнь слиты воедино в один процесс, так и у богини Хель: являясь смертью, она не есть источник витальной жизни (производящей), скорее она властвует над жизнью как онтологическим элементом в целом.

В-шестых, образ богини Хель перекликается с архетипом младенца, в частности в аспекте младенца-сироты. К. Юнг отмечал, что «младенец» есть нечто, что развивается в сторону независимости, и сделать это он может, лишь отделив себя от своих начал, поэтому покинутость является необходимым условием [20, с. 105]. Судьба богини Хель связана с сиротством, так

как она была отнята у матери Одним³, что схоже с судьбой Персефоны. Хель была отсечена от своих начал: и от матери – великанши Ангрбоды как от некоего хаотического, дикого и необузданного начала, и от отца – бога Локи, который представляет собой в отношении Хель образ социализации, то есть приобщения к нормам, правилам и культуре асов, ведь он сам прошёл этот процесс⁴. Богиня Хель не проходит этот процесс, она изгоняется в мир мёртвых, хотя и править, но тем не менее покинутая всеми. Сиротская судьба играет важнейшую, а возможно и ключевую роль в судьбе Хель, ибо по причине своей изолированности и пассивности она не подвергается интенсивному духовно-нравственному разложению подобно остальным богам. К. Юнг отмечал, что архетип младенца – это «определённый психический опыт творческого характера, объектом которого является появление нового и до сих пор неизвестного содержания» [20, с. 104]. В соответствии с этим можно говорить о перспективном характере персоналии Хель в рамках мифологии

³ Согласно мифологии древних германцев Один сам лично решал судьбу трёх потомков бога Локи [12, с. 236]. Узнав о том, какую роль они сыграют в будущем, он постарался избавиться от всех. И змей Ёрмунганд, и Хель были изолированы (богиня сослана в мир мёртвых, а змей брошен в море), лишь Фенрир остался в Асгарде. Можно сказать, что Ёрмунганд, как и Хель, проходит процесс сиротства как особое экзистенциальное состояние развития.

⁴ Бог Локи был оставлен родителями, асгардцы взяли его и воспитали, прививая ему нормы и традиции своего общества, хотя сам он происходит из рода ётунов. Соответственно отчасти брошенность Локи можно охарактеризовать как близость к архетипу младенца. Это сближает персоналии Хель и Локи.

скандинавских племён, абсолютная же реализация этой богини происходит в рамках событий Рагнарёка.

В-седьмых, Хель является обладательницей великих знаний и мудрости. Дело в том, что один из корней Иггдрасиля (Древа Жизни) уходит в Хельхейм⁵. А каждый корень дерева, как правило, предполагает наличие какого-либо источника знаний или же особое значение мира, в который проникает этот корень. Несомненно, сложно представить, что источник знаний и мудрости, ради которого Один пожертвовал глазом, дабы ис-

⁵ Согласно «Старшей Эдде» один из трёх корней Иггдрасиля уходит в Хельхейм (другой – в мир людей, третий – в мир исполинов) [6, с. 89], однако в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусон уже его исключает, указывая два иных мира вместо Хельхейма и Мидгарда, а именно Нифльхейм и Асгард соответственно [15, с. 22]. По-видимому, в «Младшей Эдде» наблюдается космогоническая трансформация мифологии в парадигме уклона в генезис. Нифльхейм связан с мировой бездной Гинунгагап (первичный хаос), в которой возникает этот мир и Муспельхейм. Данный процесс схож с процессом синергетики, то есть образования системы из хаоса. Именно в Нифльхейме забил источник Хвергельмир («кипящий котёл»). Вода из него превращалась в глыбу льда,двигающуюся в сторону Муспельхейма, искры которого в последующем попадали на лёд. В результате взаимодействия двух противоположностей и появилось первое существо Имир, от которого произошли боги, а затем из него было сотворено всё мироздание. Асгард (мир богов) и Ётунхейм (мир исполинов, турсов, потомков Имира) – две противоборствующие стороны. Великаны существовали до богов. Таким образом, можно сказать, что «Младшая Эдда» сосредотачивает внимание на сфере божественного (теоцентризм), в то время как «Старшая Эдда» скорее склонна к антропологической парадигме, ведь корни Мирового Древа пронизывают Хельхейм и Мидгард, которые связаны с экзистенцией людей.

пить из него и обрести мистические знания, находится в Хельхейме⁶. Однако есть два момента, которые указывают на то, что Хель является хранительницей тайных знаний. Во-первых, Всеотец Один спустился в преисподнюю для того, чтобы узнать будущее, в частности о событиях Рагнарёка, у умершей провидицы Вэльвы. Во-вторых, после того как мудрый великан Мимир был убит ванами, Один оживил его голову при помощи магии и в дальнейшем советовался с ней⁷, в том числе перед последней битвой [15, с. 52] богов с великанами (турсами, grimтурсенами, муспелами), Локи, Хель, Фенриром и Ёрмунгандом. М. Элиаде отмечал, что хозяин ада является всеведущим, ибо мёртвые знают будущее, поэтому герои спускаются в преисподнюю для обретения тайных знаний и мудрости [18, с. 160]. Спуск в царство мёртвых – это видение будущего, а также это обретение

⁶ Если рассматривать теорию о том, что события, связанные с «залогом» глаза Одним за право испить из источника Мимира, происходили до войны асов и ванаов [12, с. 114], тогда данный источник мудрости находится именно в Ётунхейме, как указывает на это Снорри Стурлусон [15, с. 22].

⁷ Если предположить, что Мимир приобретает свои способности (мудрость) именно после смерти, то можно сказать, что источник мудрости, из которого испил Один, находится в Хельхейме, и это произошло уже после убийства этого великана ванами. Кроме того, интересен тот факт, что как при общении с Вэльвой, так и с головой Мимира Один вступает с ними как бы в софистическую схватку. В. Я. Петрухин отмечал, что «общение с существами иного мира для богов (и людей) – всегда испытание» [12, с. 149]. В этом ярко прослеживается дихотомия взаимоотношения мира богов и царства Хель. Несмотря на то что богам ненавистен мир мёртвых, им приходится к нему обращаться.

особых магических знаний и искусств. Подобные знания и навыки приобретают шаманы во время своих экстатических путешествий, в том числе в мир мёртвых. Этот аспект также связывает образ богини Хель с шаманскими традициями. Кроме того, Ю. Кулаковский, писал о том, что боги подземного мира связаны с землёй, плодородием, всем тем, что даёт она для жизни; «подземные боги суть владыки и создатели плодородия земли» [8, с. 46]. Соответственно, всё, что возникает, находится, зарождается в земле, иными словами, имеет начало в ней, связано с божеством мёртвых. Таким образом, магический источник Урд, связанный с мудростью, знанием, и видением будущего, непосредственно связан с богиней Хель, что указывает на её особые магические и гносеологические способности.

В-восьмых, богиня Хель обладает функцией судьи и справедливости. Во-первых, рассмотрим эпос «Поездка Брюнхильд в Хель». Сюжет описывает диалог великанши⁸, обитающей в Хельхейме, и Брюнхильд, в котором великанша обвиняет воительницу в неверности и в том, что она погубила сынов Гьюки и разорила их земли. Брюнхильд же оправдывается. Однако сам сюжет скорее напоминает судебное разбирательство (стороны обвинения и защиты). Во-вторых, очень интересен сюжет мифа о попытке возвращения Бальдра из мира мёртвых. Вернуть, т. е. воскресить Бальдра может лишь богиня Хель, ибо светлый бог

⁸ Эпос не даёт внятного обоснования, кем является эта великанша – хранительницей моста в Хельхейме по имени Модгуд или же самой богиней Хель.

после смерти стал частью царства этой богини. Хель не отказывает в просьбе асов, но ставит условие: если действительно весь мир скорбит о Бальдре, то она готова его отпустить, однако если это не так, то он останется в Хельхейме. Хель – судья, Хермод («Храбрый») и асы – истцы, а всё мироздание – присяжные. Однако возвращению Бальдра не было суждено свершиться, ибо была та, кто не оплакивал его⁹. В-третьих, именно Хель вместе с Локи, Фенриром, Ёрмунгандом и великанами в тот момент, когда традиции и моральные ценности богов полностью ими будут забыты, реализуют одну из самых центральных из этих ценностей – кровную месть, которая рассматривается как справедливое воздаяние. Это понятие является важнейшим в этической системе древних скандинавов.

Далее рассмотрим богиню Хель в рамках мифологической системы германцев более подробно. Интересен тот факт, что эта богиня наделена согласно мифологическим представлениям важнейшей функцией, ибо поставлена она владычествовать над всеми девятью мирами [15, с. 31; 4, с. 167]. Основная её задача состояла в том, чтобы заботиться о тех, кто не попал в Вальхаллу, то есть умер от старости или болезни, или же о тех, кто по своим качествам, в том числе моральным, не достоин занять там место. Заметим, что Один практически не играет никакой роли в сотереологическом аспекте вероучения

⁹ Великанша Тёкк («Благодарность») – единственная, кто не оплакивала Бальдра. Снорри Стурлусон считает, что этой великаншей был Локи [15, с. 50], ведь благодаря своим способностям он может перевоплощаться в животных, иных существ, предметы, менять пол и т. д.

древних германцев. Несомненно, что он бог войны и покровитель воинов, а также царь Асгарда и хозяин Вальхаллы. Однако его отношение к людям было неоднозначным. Дело в том, что ему трудно приписать заботу о душе человека и представление о её праведности [12, с. 69]. Более того, ему невозможно приписать особой заботы не только о мёртвых, но и о живущих. Ж. Симпсон отмечал, что у Одина всегда есть любимчики, однако его милость была ненадёжна, ибо он покидал своего почитателя и посылал его на смерть [13, с. 209]. Таким образом, можно утверждать, что Один был далёк от понимания человека как такового, его интересовало лишь одно – найти наилучших, которые станут эйнхериями.

Отметим, что Один имеет опосредованное отношение даже к своим избранныкам – эйнхериям. Во-первых, хотя Один и является хозяином валькирий, тем не менее непосредственно над ними стоит богиня Фрейя, она их предводительница. Валькирии забирают павших героев, однако лишь половина отправляется в Вальхаллу, вторая половина отправляется в Фолькванг¹⁰ – чертог богини Фрейи. Таким образом, можно сказать, что Вальхалла не является чем-то исключительным и единственным в своём роде¹¹, в отличие от

¹⁰ Представляет собой луг или поле, на котором пируют павшие в бою герои.

¹¹ Неизвестно какую половину воинов получает Один – лучшую или их разделяют по количественному принципу. В целом можно предположить, что принцип разделения отражает социально-экономическую (общественную) идею, то есть Всеотец получает определённую часть воинов подобно князю, который собирал установленную часть продукции, произведённую его крестьянами. Один и есть этот феодал, только в общеонтологическом масштабе.

чертогов богини Хель, ибо подобного места больше нет. Во-вторых, хотя Один и хозяин Вальхаллы, однако сам он находится в чертоге Валаскьяльв («Башня колдуна»). Эйнхерии до Рагнарёка находятся в компании валькирий, но отдельно от Одина¹². В этом отличие Всеотца от Фрейи. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Один изолирован от всего сотериологического процесса, то есть его присутствие номинально, но необходимо, ибо он верховное божество, которое участвовало в процессе мирового генезиса и будет важнейшей фигурой в Рагнарёке. В данном аспекте его место занимает женское божество Фрейя.

Стоит отметить, что между Одним и богиней Хель много общего. Оба этих божества связаны с аспектом смерти. Ж. Симпсон, рассматривая образ Одина, приходит к выводу, что он является богом насильственной смерти [13, с. 209]. Действительно, этот бог является божеством войны и покрови-

¹² Конечно, Хель лично не заботится о каждой умершей душе, однако она правитель мира мертвых, это её первичная функция, то есть она непосредственно связана с сотериологией. Кроме того, Х. Гербер отмечает, что богиня Хель иногда посещает человеческий мир, во время голода и чумы, дабы забрать население, в результате целые деревни и провинции пустели [4, с. 170 – 171]. Существует легенда о том, что Один возглавляет «Дикую Охоту», которая забирает души людей. Однако эта легенда относится к периоду Средневековья и отражает идею борьбы христианства и язычества, поэтому Один предстаёт как нечто демоническое, опасное, кровожадное. Несомненно, что место повелителя группы нечистых сил мог занять только тот, кто был главой языческого пантеона. Поэтому данная концепция скорее является христианской пропагандой, чем древнейшей мифологемой скандинавов.

телем воинов, поэтому его связь со смертью является непосредственной. А богиня Хель по своим основным функциям априори связана со смертью в любых формах. Интересно, что при всей неоднозначности фигуры Одина, особенно в его отношении к людям¹³, он вызывал восхищение и благоговение в отличие от богини Хель. Её судьба аналогична судьбам любого божества мира мёртвых: её боялись, не почитали наравне с остальными богами, её царства старались избежать, она и всё, что с ней связано, рассматривалось как нечто антагонистичное человеку и т. д. Х. Гербер отмечает, что «несмотря на то что невинные получали у Хель ласковый приют и пребывали в состоянии мрачного блаженства, неудивительно, что жители Северной Европы съёживались от ужаса при одной только мысли о визите в её унылое царство» [4, с. 169 – 170]. Таким образом, для одних Хельхейм подобен страшному аду, где их плоть будут терзать его существа, для других это место умиротворения, где душа находит покой.

Ещё одна черта, которая их объединяет, – это то, что обе персоналии имеют власть над миром. А такое положение в общей онтологической картине придаёт им определённые особенности. В частности аспект одиночества и изолированности. З. Фрейд отмечал, что ввиду особых магических сил все действия короля в архаическом обществе ограничены, дабы не нару-

¹³ Несмотря на то что Один был верховным божеством, защитником людей являлся его сын Тор. Именно поэтому культ Тора был распространён не только среди воинов, но и среди других слоёв общества.

шать баланс природы и не допустить гибели Вселенной [16, с. 69]. Более того, чем сильнее король, тем больше табу [Там же, с. 70]. Большая сила налагает эквивалентную ответственность. Именно поэтому Хель находится в состоянии ограничения своих действий и на неё возлагаются определённые обязанности, например некое её аскетическое состояние. Подобно тому как Один, царь Асгарда и Всеотец всего мира, как бы изолирован от всех в своём чертоге, так и Хель отгорожена от всего внешнего¹⁴.

Следующая черта, объединяющая эти персоналии, – это их связь с магией, колдовством, некий шаманский аспект. Один является богом, покровительствующим всем колдунам и шаманам, даже его место пребывания указывает на это – «Башня колдуна». Он является знатоком рунической магии, а также владеет искусством сейд¹⁵, ко-

¹⁴ Во-первых, сам Хельхейм огорожен от всего остального мироздания, ибо «там у нее большие селенья, и на диво высоки ее ограды и крепки решетки» [15, с. 31]. Несомненно, что данное место обладает особым статусом (опасным, мистическим, сильным, неудержимым и т. д.), поэтому его необходимо изолировать, то есть ограничить. Во-вторых, Хельхейм окружён рекой Гьёлль, которую не могут пересечь мертвые, ибо вода ассоциируется с тем, что связано с очищением и антагонистично нечистому (мёртвому). В-третьих, сама Хель живёт в своих отдельных чертогах. Есть упоминание в «Старшей Эдде» некоего дома из змей на Береге Мёртвых [6, с. 32]. Вероятно, что это и есть чертог Хель. Снорри Стурлусон указывает лишь на название палат этой богини – Мокрая Морось [15, с. 31].

¹⁵ Он связан с искусством прядения, которым занимаются многие женские персонажи мифологий (мойры, норны, вэльвы, различные богини и т. д.). Этот вид колдовства связан с практиками экстатического путешествия, а также с предсказаниями.

торому его научила Фрейя и за которое Всеотец был пристыжен Локи [6, с. 128], ибо данный способ ведовства практиковался в основном женщинами и считался недостойным для мужчин. Один спускался в Хельхейм, что аналогично инициатическим и трансгрессивным практикам шаманов. Хель же связана с магией непосредственно ввиду того, что она хозяйка мира мёртвых, который является местом сакральных знаний, в том числе магических. Кроме того, выше мы уже говорили об особенностях этой богини, указывающих на её связь с шаманскими традициями. М. Элиаде указывает, что шаманы обладают функцией психопомпы, так как они знают устройство загробного мира и только они способны «сковать» душу и сопроводить её к новому месту обитания [19, с. 186]. Эта функция присуща обоим божествам: Одину – опосредованно через Фрейю и валькирий, так как он главенствует над ними; Хель – непосредственно, так как она богиня Хельхейма.

Ещё одна черта, объединяющая Одина и Хель, – это война. Один – бог войны и его связь с этой сферой непосредственная. Богиня Хель связана с этой сферой по следующим причинам. Во-первых, очевидным является тот факт, что война связана с феноменом смерти. Во-вторых, эта богиня опосредованно связана с войной через персонажа скандинавской мифологии Скульд («судьба», «становление», «долг») – норну, которая имеет отношение к валькириям, ибо она одна из тех, кто решает, кого забрать с поля боя и каков будет исход боя [15, с. 35]. Скульд – одна из норм, кто охраняет источник Урд, о котором шла речь выше. Это также позволяет установить связь

между богиней Хель и феноменом войны. В-третьих, именно Хель во время Рагнарёка поведёт полчища мертвецов против асов. Это добавляет в образ богини царства мёртвых милитаристские тенденции, что преобразует её в воительницу.

Итак, из вышесказанного можно сделать вывод, что богиня Хель является онтологическим антагонистом Одина, однако лишь в перспективно-потенциальной форме. Дело в том, что между ними нет прямого противостояния. В рамках мифологии скандинавов Хель хоть в целом и пассивна, однако лишь до определённого момента. Эта персоналия имеет энтелехиальный характер. Возможности её силы огромны и бесконечны. В рамках онтологического развития мира силы в Хель нарастают, в то время как у Одина, наоборот, – угасают¹⁶.

Можно сказать, что соотношение Одина и Хель является отражением процессов всего мироздания начиная от генезиса и заканчивая апокалиптическим коллапсом, переходом энергии из одного состояния в другое, от некой незавершённости к завершённости и т. д.

¹⁶ Аристотель отмечает, что «способностью, или возможностью (*dynamis*), называется начало движения или изменение вещи, находящееся в ином или в ней самой, поскольку она иное...» [1, с. 148]. Таким образом, можно говорить об эволюционном характере богини Хель, ибо её пассивность сменяется активностью. Первое, что на это указывает, это то, что асам пришлось обратиться к Хель, когда был убит Бальдр. При этом она ставит условие самим асам, что указывает на транспозицию в общей архитектонике главенствования. Кроме того, она будет участвовать в Рагнарёке, что также указывает на её активность в онтологическом процессе.

В. Я. Петрухин отмечает, что внешность Одина (одноглазость и «кривизна») указывает на изначальную ущербность, несовершенство мира, правителем которого он стал [12, с. 95]. В действительности всё мироздание скандинавов пропитано деструктивными тенденциями, которые неумолимо ведут к Рагнарёку. Боги в этой картине мироздания не только не противостоят этому, они и есть источник этих деструктивных тенденций. Нечто нечистое усматривается непосредственно в мифе получения Одином тайных знаний в обмен на глаз¹⁷.

Тем не менее именно богиня Хель ассоциировалась с чем-то демоническим, деструктивным и хаотичным. Р. Генон отмечает, что «любой внешний беспорядок в действительности представляет собой элемент общего мирового порядка» [3, с. 201]. В дей-

¹⁷ В. Я. Петрухин отмечает, что «одноглазые существа в мифах народов мира – это, как правило, не боги, а злобные демоны, нечистая сила» [12, с. 95], хотя сам он отрицает демонизм Одина. Н. Широкова указывает, что единственный глаз фомор (ирландский эпос) посередине их лба символизирует изначальное единство, из которого всё происходит, а также сверхъестественное видение [17, с. 182]. Фоморы – это демонические существа, однако и некоторым богам было присуще отсутствие глаза или имитация этого. Таким образом, в первую очередь указывается их особая магическая сила. Хотя иногда может подчёркиваться демонизм [Там же, с. 200]. Можно предположить, что некоторые формы знаний доступны лишь сфере демонического или «иноного», отличного от божественного. Что располагает к определённой жертве этой самой божественностью, дабы обладать таким знанием, что в свою очередь приводит к определённым последствиям. Интересно, что Е. М. Мелетинский отмечает, что существует генезис Одина из хтонического демона в патрона воинской инициации [11, с. 49].

ствительности при всей хаотичности Хель¹⁸ она тем не менее неотъемлемая часть общей космологии и космических процессов. Однако её хаотичность – это не просто какой-то рудиментарный элемент. Её хаос имеет эсхато-апокалиптические тенденции с последующим генезисом¹⁹. М. Элиаде отмечает, что возвращение в хаос – это подготовка нового акта творения [18, с. 231]. Таким образом, богиня Хель – это также ключ к новому мирозданию, которое наступит после событий Рагнарёка. Кроме того, согласно

¹⁸ Её внешнее изображение (один из вариантов) при котором её нижняя часть тела (бёдра и ноги) покрыта пятнами и разлагается, что указывает не только на некие некрофильские тенденции, но и на некую интенсивность создания и уничтожения, формирования и разрушения, то есть выражение самого принципа хаотичности.

¹⁹ Р. Генон отмечает, что хаос является чем-то изначальным, нераздельно содержащим в себе всё множество вариаций, энтелехиальным, но неопределённым (некая протоматерия, или первичный материал), из чего в дальнейшем творится космос, то есть устроенность [3, с. 399 – 400]. Хаос – это пустота, но не небытие, а некая виртуальность, содержащая все возможные элементы и формы, но не имеющая своего постоянного и стабильного проявления [5, с. 225 – 226]. Это аналогично концепции Г. В. Лейбница о монадах. Они есть простые элементы всего мироздания, каждая частица содержит в себе (как энтелехию) всю полноту универсума. И поэтому «...во вселенной нет ничего невозделанного, или бесплодного: нет смерти, нет хаоса, нет беспорядочного смешения, разве только по видимости» [10, с. 425]. Таким образом, можно предположить, что хаос и порядок суть одно, но в разных формах (имеют различные качественные и количественные характеристики, разное восприятие и последующую дефиницию, динамику и т. д.). Кроме того, концепция синергетики отражает вариант возможности творения порядка из хаоса.

К. Г. Юнгу архетип трикстера – это предтеча спасителя [20, с. 347]. А Локи, отец Хель, является ярчайшим представителем данного архетипа. Таким образом, можно предположить, что именно богиня Хель, божество хаоса, смерти и жизни (опосредованно, латентно²⁰), и является этим спасителем, благодаря которому и появится новый мир.

Кроме того, выше мы указывали на шаманские тенденции Хель, в частности в связи с очистительными тенденциями. Л. Леви-Брюль указывает, что в архаичном сознании «очистить» было тождественно «сделать крепким», поэтому любое важное мероприятие начиналось с аскетических обрядов, что зачастую приводило к физическому истощению до предела [9, с. 180 – 181]. Внешнее изображение Хель указывает на подобное специфическое аскетическое состояние богини – она «очищается», «становится крепкой» для Рагнарёка. Изначальная порча мира ослабляет асов, в том числе и Одина, их власть над мирозданием исчезает, в то время как у Хель эти процессы диаметрально противоположны.

Последнее, что хотелось бы отметить в соотношении Одина и Хель, касается софистической парадигмы как некой интеллектуальной дуэли. Дело в том, что Один часто вступал в некое

²⁰ Аристотель, говоря о лишённости, указывает, что она есть, когда вещь не имеет чего-нибудь, хотя либо ей самой, либо её роду от природы свойственно это иметь, и не имеет это к какому-то времени [1, с. 163]. Нечто, что вызывает эта лишённость (отнимая что-то), может соответственно это и вернуть. Если Хель – богиня смерти, то она способна и возвращать к жизни. Миф о Бальдре непосредственно раскрывает эту идею.

интеллектуальное противостояние с другими персонажами мифологии и почти всегда выходил победителем (Вёльва, Вафтруднир, Тор [11, с. 48] и т. д.). Даже бог хитрости Локи часто оказывался марионеткой Одина. Однако именно в противостоянии с Хель он проиграл. На это указывает миф о попытке воскрешения Бальдра. Таким образом, даже Всеотец Один не способен перехитрить смерть.

Подводя итоги, необходимо отметить, что богиня Хель является интеллектуальным антагонистом Одина в космологии, однако прямое противостояние возникает лишь во время событий Рагнарёка, где богиня как бы раскрывается, она реализует себя.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. Метафизика. М. : Э, 2016. 448 с.
2. Боден Л. Инки. Быт. Культура. Религия. М. : Центрполиграф, 2004. 255 с.
3. Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. 784 с.
4. Гербер Хелен. Мифы Северной Европы / пер. с англ. Г. Г. Петровой. М. : Центрполиграф, 2008. 346 с.
5. Дьяков А. В. Феликс Гваттари, философ трансверсальности. СПб. : Владимир Даль, 2012. 592 с.
6. Исландский Эпос. Старшая Эдда / пер. А. Корсуна. СПб. : Азбука-классика, 2008. 464 с.
7. Кенделл Э. Инки. Быт, религия, культура. М. : Центрполиграф, 2005. 250 с.
8. Кулаковский Ю. Смерть и бессмертие в представлениях древних греков. Киев : тип. С. В. Кульженко, 1899. 128 с.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / пер. с фр. Б. И. Шаревской. М. : Академический проект, 2015. 428 с.
10. Лейбниц Г. В. Лейбниц. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1982. 636 с.
11. Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам. 1975. № 7. 38 – 51 с.
12. Петрухин В. Я. Мифы древней Скандинавии. М. : АСТ, 2010. 464 с.
13. Симпсон Жаклин. Викинги. Быт, религия, культура / пер. с англ. Н. Ю. Чехонадской. М. : Центрполиграф, 2005. 239 с.
14. Спиноза Б. Этика. М. : АСТ, 2001. 336 с.
15. Стурлусон Снорри. Младшая Эдда. СПб. : Наука, 2005. 139 с.
16. Фрейд З. Тотем и табу. СПб. : Лениздат, 2014. 224 с.
17. Широкова Н. С. Мифы кельтских народов. М. : Астрель, 2005. 431 с.
18. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. СПб. : Университетская книга, 1999. 356 с.
19. Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза. М. : Ладомир, 2015. 552 с.
20. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М. : Совершенство, 1997. 384 с.

THE IMAGE OF THE GODDESS HEL IN NORSE MYTHOLOGY

This article discusses and analyzes the female infernal image of the Scandinavian mythology goddess Hel. This character is given little attention in «Senior Edda» and «Junior Edda». At first glance, in the general mythology Hel is a passive and secondary person. However, in reality, it is one of the central figures, the importance of which is paramount. The very image of the goddess has the character of entelechy, that is revealed gradually within the ontological process; the peak of its manifestation is the highest moment of its power, namely Ragnarok.

Keywords: goddess Hel, Odin, Helheim, Scandinavian mythology, death, life, purification, secret knowledge.

УДК 261.6

М. Л. Хижий

СЕКТА Ф. КОВАЛЕВА: ВСЕРОССИЙСКАЯ ПЕРЕПИСЬ И АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена феномену движения «катакомбников», возникшему в Православной церкви как форме религиозного протеста верующих – мирян на политику государственной власти. Религиозная группа Ф. Ковалева существовала в Бессарабии под Тирасполем в конце XIX века. Целью исследования является анализ трагической судьбы и мировоззрения верующих.

Ключевые слова: Православная церковь, религиозная группа, движение «катакомбников», религиозный протест.

Предметом данного исследования является один из интереснейших и малоизученных феноменов маргинального религиозного течения в Православной церкви в конце XIX века – так называемых «катакомбников». Речь идет о религиозной группе Ф. Ковалева, которая состояла из нескольких десятков последователей и обитала в селе близ Тирасполя. Не порывая демонстративно своих связей с Православной церковью, его последователи создали собственный культ, тесно связанный с народной эсхатологией.

Адепты негативно относились к современной им российской государственности, но не по политическим, а исключительно религиозным основаниям. Последователи Ковалева отказывались принимать участие в переписи населения, проходившей в 1890-х годах в Российской империи. Не принимали паспорта, отказывались участвовать в военном призыве, уплате налогов, отказывались исполнять ряд других гражданских повинностей.

Свой отказ они объясняли приближением «последних времен», гря-

душим торжеством «царства антихриста». Причины данного явления были связаны с глубокими переменами в жизни страны.

Конец XIX века в Российской империи был ознаменован событиями, которые сопровождали процессы модернизации. Индустриализация, быстрый рост населения промышленных центров, возросшая миграция населения требовали от правительства эффективного управления происходящими событиями. В отличие от развитых европейских государств в России за всю историю ни разу не проводилась всеобъемлющая перепись населения, отсутствовали знания о потенциальной рабочей силе, о возможностях налогообложения подданных [2, с. 389]. По представлению правительства император Николай II подписал «Положение о переписи населения Российской империи» в 1895 году. Сопроводительный документ сообщал: «1) Всеобщая перепись населения Империи имеет целью привести в известность его численность, состав и местное распределение. 2) Всеобщей переписи подлежат все жители Империи, обоюго пола, всякого возраста, состояния, вероисповедания и племени, как русские подданные, так и иностранцы». [Там же, с. 385]

«Положение о первой всеобщей переписи населения» [7, Т. 1, с. 131] утвердило специальный опросный лист, насчитывавший 14 основных пунктов:

1. Имя
2. Семейное положение
3. Отношение к главе хозяйства
4. Пол
5. Возраст
6. Сословие или состояние

7. Вероисповедание
8. Место рождения
9. Место приписки
10. Место постоянного жительства
11. Родной язык
12. Грамотность
13. Занятие
14. Физические недостатки

Никаких вопросов, которые бы, с нашей точки зрения, могли вызвать смущение законопослушного населения, в опросных листах не было. Предполагать косвенно можно только одну тревожащую причину: уклонение от воинской обязанности, но таковое было проблемой преимущественно еврейского населения, боявшегося не столько тягот службы, сколько религиозного давления и ассимиляции.

Другой проблемой мог стать пункт № 7 («вероисповедание»). Он особенно остро стоял для жителей окраинных губерний империи, к каковой относилась Кишиневская – традиционное приграничное прибежище разного рода религиозных инсургентов.

Однако одновременно с переписью население в Российской империи происходил медленный, но последовательный процесс паспортизации подданных. Внутри губернии, как правило, не требовался документ, удостоверяющий личность. В случае перемещения за ее пределы необходимо было иметь так называемый «вид на жительство», который по закону продлевался каждые полгода. [Там же].

Выдача паспортов и «видов на жительство» не только требовала должного учета (что прямо соответствовало интересам переписи), но и приводила к присвоению фамилий и отчеств подданным. Порой это сопровождалось

получением новых фамилий. Для крестьянского населения России, которое по факту являлось абсолютным большинством, тесно связанным с общинным бытом, нормами коллективного поведения, вековыми устоями морали, пропитанными примитивным традиционализмом, эти новации в общественной жизни были большим искушением [8, с. 27]. Крестьянское сознание активно не принимало всего того, что не было освящено стариной, несмотря на то что в 1895 году было принято новое «Положение о паспортных правилах, облегчавших передвижение крестьянства».

Еще один важный указ властей – «денежная реформа С. Ю. Витте», закон о введении золотого денежного обращения, отказ от биметаллизма. Подобного рода решения всегда вызывали опасения населения, смутные социальные переживания, страх обнищания и т. п. Этим социальным страхам были определены основания – неурожай и голод.

Как известно, в аграрной стране природные катаклизмы всегда ведут к негативным экономическим и социальным последствиям. Засуха 1891 года привела к катастрофическому неурожаю в губерниях Центральной, Южной России и Поволжье. Главные житницы страны охватил голод. Социальное бедствие переживалось очень тяжело в губерниях, которые привыкли к сравнительному благополучию. По данным администрации Бессарабской, Воронежской, Курской, Полтавской, Самарской, Тульской, Харьковской, Херсонской губерний, голодало не менее 30 миллионов человек. Последствия засухи и голода ощущались

населением страны вплоть до 1900 года [2, с. 357]. Неудивительно на таком социальном фоне распространение среди крестьянского населения России апокалиптических страхов и появления различных неформальных религиозных лидеров и групп, которые эти «чаяния» распространяли, поддерживали и эксплуатировали.

Одной из таких «апокалиптических ячеек» стали «катакомбники» в Бессарабии, обнаруженные местными властями.

В 1897 году царская полиция зафиксировала уголовное преступление, произошедшее на хуторе Терновка в 5 верстах от Тирасполя – гибель 24 человек [8, с. 942 – 1082]. Трагедия произошла в поселении, которое принадлежало помещику Федору Ковалеву. По оценке следователей, ориентировочная стоимость недвижимости – 20 тыс. рублей (весьма значительная по тем временам).

Поселение представляло «скит, небольшое низкое здание с фасадом, напоминающим экипажный сарай, с широкими фальшивыми входными воротами и стенами с небольшими слуховыми оконцами, как в нежилых зданиях». Настоящий фасад и вход были с другой стороны, замаскированы соломой и тростником. Внутри здания полиция обнаружила систему тайных ходов и комнат-укрытий, предполагавших возможность сокрытия и побега обитателей от властей.

В тайном скиту духовным руководителем являлся не хозяин хутора Федор Ковалев, а некая сектантка Виталия. Под этим именем она проходит в следственном деле. Ни фамилии, ни отчества, ни подлинного

имени полиции установить не удалось, что можно считать свидетельством ее отказа от личного участия в переписи и паспортизации. Именно это она и проповедовала, говоря, что из-за предстоящей переписи населения, за бойкотирование ее, «верных» «заберут в остроги, там они за Христа пострадают, ”запостятся”». Но адепты секты испугались грядущих кар из-за детей: «вдруг они будут крещены антихристовой властью» (антихристова – из-за переписи и паспортов). В результате Виталия уговорила всех последователей на добровольную смерть в вырытых на хуторе катакомбах. Одной из причин такого изуверского способа ухода из этого мира был страх перед «вскрытием тел» в случае обнаружения трупов. Сам Ковалев «рыл ямы в погребках и закопал свою мать, жену с двумя детьми, еще троих детей (от года до семи лет) с родителями, нескольких юных девушек, четырех старух». Та же участь ждала и Виталию с несколькими сектантами. В итоге к моменту вмешательства полиции скончались в муках 24 человека.

Исследователи этой секты иногда говорят о ней как о «секте безбрачников». Но это не так: Федор Ковалев, как мы видим, имел семью.

Безбрачной была Виталия, уроженка Херсонской губернии, из крестьян, 40 лет. На хуторе прожила не менее 12 лет, «отличалась энергией и большой решительностью», как гласит ее «Дело». При ней главную роль играли в секте женщины, избранные Виталией. Полиция говорит о «женской администрации и иерархии», управлявшей всеми делами на хуторе последние три года.

Но тем не менее они считали себя христианами (точнее их следует определить как «криптохристиане» или «катакомбники»). Во-первых, они сами себя таковыми называли. Когда счетчики переписи в 1896 г. пришли на хутор, они получили записку от обитателей:

«Мы – христиане. Нам нельзя никакого нового дела принимать, и мы не согласны по-новому и записывать наше имя и отчество. Нам Христос есть за всех и отчество, и имя. А ваш новый устав и метрика отчуждают от Христа и от истинной христианской веры и приводят в самоотвержение. А наше отчество – Христос» [8, с. 944].

Кроме того, Виталия требовала от своих адептов причащаться, но не у православных священников, а «старыми дарами», «настоящими», «от старых попов». Возможно, что это указывает на староверческий элемент, который присутствовал в секте [5, с. 108]. Но других указаний на это нет.

Виталия называла перепись и метрики «печатью антихриста», что участие в переписи равносильно «вечной гибели человека». Признаком глобальных антихристовых перемен они считали вымышленное событие, слух о котором распространялся в народе, – «снятие кровли Иерусалимского храма».

Из жителей хутора выжил Ковалев, который хотя и закопал себя, но, просидев в катакомбе несколько дней, решил выйти на свет:

«Сижу 3 или 4 дня – ничего не ем, не пью. Вижу, нет светопреставления. Я напился воды на четвертый день, съел баклажанчик. Вижу, войны нет,

в острог не берут. Стал есть хлеб и все остальное» [8, с. 1080].

Но все другие жители скита погибли. Виталия избежала смерти только потому, что была задержана полицией ранее: за отказ дать о себе сведения и отсутствие паспорта и «вида на жительство». Федор Ковалев был приговорен к отбыванию наказания во Владимирской губернии. Он был заключен в специальную духовную тюрьму Спасо-Ефимиева мужского монастыря. В архивах обители найдено упоминание о нем [1, л. 3]. В тюрьме он сблизился с заключенным старцем, афонским монахом, уроженцем Восточной Украины старцем Стефаном Подгорным, осужденным по клеветническому навету. В монастыре, где размещалась духовная тюрьма, настоятелем в те годы был известный человек – архимандрит Серафим (Чичагов), будущий организатор прославления Серафима Саровского и митрополит-новомученик (казнен в 1937-м). Именно он считал, что Ковалев под влиянием афонита принес покаяние и соединился с Церковью. В 1905 г. тюрьма была упразднена, а следы Федора Ковалева теряются на просторах России.

В истории секты Ковалева, трагедии на хуторе Терновка, мы видим все черты традиционного крестьянского мирозерцания – страх нового, страх простолюдина перед государственной властью, страх перед голодом и другими бедствиями, порождавшие в ре-

лигиозном сознании фантастические ожидания апокалиптических событий [9, с. 7]. Крепкая вера имела обратную сторону – готовность добровольно уйти из этого мира изуверским способом. Полицейские дознаватели не указывали в своих протоколах на возможную причастность сектантов с хутора Ф. Ковалева к старообрядцам, но их поведение очень напоминало староверческие «гари» XVII – XVIII веков [3, Т. 1, с. 274].

Вымышленные события, которые воспринимались как признаки «второго пришествия» («снятие крыши Иерусалимского храма») играли более важную роль, чем события реальные. Реальность – неурожай, голод, бесправие перед властью – было скорее фоном описываемых событий, чем их подлинной причиной, которая таилась в специфической народной религиозности.

Неудивительно, что такой тип поведения пережил столетие: опять в России и на Украине множество православных христиан борются против «новых паспортов», «карточек», «чипов», «штрих-кодов», считая их «печатью антихриста» [10, с. 16]. На постсоветском пространстве как грибы растут отшельнические «скиты». В 2008 году под Пензой «старец Алексей» также выкопал катакомбы для своих последователей. История повторилась, но благодаря своевременным действиям властей без человеческих жертв [6].

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 578. Оп. 1. Д. 3.
2. Власть и реформы. От самодержавия к советской России. М., 2006.
3. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. М., 2006.
4. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.
5. Мельников А. «Горний Иерусалим» в пензенском овраге // Независимая газета. 2008. 3 апр.
6. Миронов Б. Н. Социальная история России : в 2 т. СПб., 2003.
7. Миссионерское обозрение. 1897. № 1.
8. Панченко А. А. Народное православие. СПб., 1998.
9. Штырков С. А. После «народной религиозности» // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб., 2006. С. 7 – 18.

M. L. Khizhyi

**THE SECT OF F. KOVALEV: THE NATIONAL CENSUS
AND APOCALYPTIC BELIEFS IN RUSSIA IN THE LATE 19th CENTURY**

The article is devoted to the phenomenon of the movement of «catacombniky» which appeared in the Orthodox Church as a form of religious protest of the faithful – laity against the policy of the governmental authorities. The religious group of F. Kovaliev existed in Bessarabia near Tiraspol in the late 19th century. The objective of the research is analysis of the tragic fate and the worldview of the believers.

Keywords: Orthodox Church, the movement of «catacombniky», religious group, religious protest.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eiarinin@mail.ru

БАБОЧКИНА Яна Олеговна – бакалавр, группа Рв-115 Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
babochkinajana@rambler.ru

ГЕРАНИНА Галина Александровна – кандидат философских наук доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
geranina@list.ru

ДЕЛЛ’АСТА Адриано – профессор Миланского католического университета Святого Сердца (Милан, Италия)
martyanova62@list.ru

ЗУБКОВ Сергей Александрович – кандидат философских наук доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sazubkov@bk.ru

ИЩЕНКО Анна Андреевна – кандидат исторических наук старший преподаватель кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
anna-ischenko@mail.ru

ЛАБУТИНА Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
tlabutina2007@yandex.ru

МАКОВЕЦКИЙ Аркадий Валентинович – кандидат философских наук
доцент кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин
Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии, настоятель храма
св. Василия Великого г. Суздаля Владимирской епархии РПЦ МП
avm12091963@mail.ru

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук
профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
markovius@gmail.com

ПЕТЕВ Николай Иванович – кандидат философских наук
старший преподаватель кафедры философии и религиоведения
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
cyanideemo@mail.ru

ТРЯХОВ Илья Сергеевич – кандидат исторических наук
старший преподаватель кафедры истории России Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ilja.tryahoff@yandex.ru

ХИЖИЙ Максим Леонидович – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
maxim-priest@mail.ru